ЗАЛА 18
ШКАФЪ 2/2
ПОЛКА 3
№ 26

СБОРНИКЪ

УРАЛЬСКИХЪ КАЗАЧЬИХЪ ПѢСЕНЪ.

СОБРАЛЪ И ИЗДАЛЪ

Н. Г. Мякушинъ.

«Сказка — складка,
«Пѣсня — быль».
(Народная пословица).

162 пѣсни и 18 стихотвореній Уральскаго и другихъ казачьихъ войскъ.

4685
кт

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. Остр., 2 лин. 7.
1890.

СБОРНИКЪ

УРАЛЬСКИХЪ КАЗАЧЬИХЪ ПѢСЕНЪ.

СОБРАЛЪ И ИЗДАЛЪ

Н. Г. Мякушинъ.

«Сказка — складка,
«Пѣсня — быль».
(Народная пословица).

162 пѣсни и 18 стихотвореній Уральскаго и другихъ казачьихъ войскъ.

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. Остр., 2 лин. 7.
1890.

1659

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Кто не любитъ свою родину? Какъ бы она не была неприглядна, а всегда каждый человѣкъ находитъ въ ней много милаго, хорошаго и близкаго своему сердцу, потому что онъ въ ней родился, воспитался, взлелѣянъ и провелъ свое дѣтство, которое всегда отличается богатствомъ воспоминаній о прошломъ. Эта отличительная черта родины тѣмъ болѣе должна быть дорога для нашего казачества, которому она досталась, такъ сказать, въ наслѣдство отъ предковъ, проливших изъ-за обладанія ею не мало крови и преждевременно погребенныхъ, ради ея, на берегахъ быстротекущаго Урала. Это такъ просто и ясно выразилось въ приводимой здѣсь выдержкѣ изъ нашей родной, такъ сказать, доморощенной, пѣсни про Яикушку, сына Горыновича:

„Круты бережки, низки долушки
У нашего пресловутаго Яикушки,
Костьми бѣлыми казачьими усѣяны,
Кровью алою, молодецкою упитаны,
Горючьми слезми матерей и женъ поливаны“.

Слова эти ясно говорятъ за себя сами, чему мы, конечно, не вправѣ не вѣрить, потому что въ пѣсняхъ народа, какъ извѣстно, всегда выражается поэзія, нарѣчіе и вообще изливается весь бытъ его, да, наконецъ, потому, что изъ русскихъ историческихъ пѣсенъ казачьи пѣсни отличаются необыкновенно вѣрной обрисовкой событій, что

и было впервые высказано извѣстнымъ нашимъ критикомъ Бѣлинскимъ. И вотъ, въ виду такого славнаго прошлаго нашихъ предковъ, нашъ батюшка, Яикъ-Горынычъ, долженъ еще крѣпче привязывать къ себѣ своихъ питомцевъ-казаковъ, и они еще сильнѣе должны любить и дорожить его водами и лугами; вѣдь не даромъ же предки дали ему названіе:

„Золочено у Яикушки
Его было донышко,
Серебряны у Яикушки
Его были краешки,
Жемчужные у Горыныча
Его круты бережки“.

Правда, питомцы Горыныча, въ особенности старожилы-казаки, слѣдуя традиціямъ своихъ предковъ, не рѣдко и сейчасъ съ достоинствомъ почитаютъ и прославляютъ его, старика, у себя въ станицахъ, въ разныхъ своихъ родныхъ, доморощенныхъ, казачьихъ пѣсняхъ. Такъ, конечно, должно бы поступать и все молодое поколѣніе, потому что въ каждомъ изъ насъ течетъ кровь предковъ, тѣхъ славныхъ, лихихъ и отважныхъ казаковъ, которые своими могучими плечами завоевали и удержали за собой Горыныча, на которомъ мы теперь такъ тихо и славно поживаемъ. Но, откровенно говоря, нельзя не пожалѣть о томъ, что не всегда молодое наше казачество достаточно сочувственно относится къ своимъ казачьимъ пѣснямъ, внося въ свой репертуаръ все болѣе и болѣе, такъ сказать, „модныя“ пѣсни, совершенно не казачьяго творчества и духа, отражающіяся въ казачьемъ быту весьма дурно. Не разъ также приходилось слышать и видѣть, какъ молодое наше поколѣніе поотстало отъ своихъ стариковъ въ отношеніи знанія старинныхъ казачьихъ пѣсенъ и умѣнія ихъ пѣть. И это весьма естественно: прежде служили всѣ до послѣдней возможности, до глубокой старости, не рѣдко до 60 и болѣе лѣтъ, до полнаго истощенія силъ [1]); дѣти

[1]) Еще такъ недавно, въ Хивинской экспедиціи 1873 года, въ одной со мною сотнѣ находился убѣленной сѣдиною 60-лѣтній казакъ Фирсъ

и внуки выходили на службу вмѣстѣ съ отцами и дѣдами; подъ ихъ руководствомъ молодой казакъ учился всему; такимъ образомъ, служба была отличною школою, она выдвигала молодаго казака и, возвращаясь домой, онъ всегда вращался въ кругу старыхъ, закаленныхъ въ походахъ и бояхъ одностаничниковъ. При такихъ условіяхъ служебно-боевой опытъ дѣдовъ и отцовъ не пропадалъ даромъ и примѣнялся при всякомъ случаѣ, и молодой казакъ въ скоромъ времени уже не отставалъ ни въ чемъ отъ старика. Совсѣмъ не то стало теперь: въ строевыхъ частяхъ приходится все рѣже и рѣже встрѣчать старослужащихъ казаковъ, потому-что большинство бываетъ въ частяхъ одно только трехлѣтіе, а въ нѣкоторыхъ частяхъ даже $2^1/_2$ года, въ продолженіи которыхъ молодежь, не имѣя между собою старослужащихъ, отъ которыхъ невольно могли бы передаваться родныя пѣсни, остается непосвященной и, такъ сказать, чуждой своего роднаго; у себя же дома, въ станицахъ, не усвоиваетъ отъ стариковъ свои родныя пѣсни, предпочитая имъ, какъ я сказалъ, „модныя“, добываемыя изъ разныхъ народныхъ пѣсенниковъ, покупаемыхъ у разносчиковъ, чему не малою также причиною служитъ и то, что Уральское войско, существуя триста лѣтъ, не имѣетъ у себя ни одного изданія избранныхъ и составленныхъ систематически своихъ національныхъ пѣсенъ. А между тѣмъ у насъ, на Уралѣ, очень много пѣсенъ, такъ-называемыхъ мѣстныхъ, никому иному, кромѣ уральцевъ, не принадлежащихъ и ни до кого иного, опять-таки кромѣ уральцевъ, не касающихся. По мнѣнію многихъ нашихъ ветерановъ, пѣсни эти долженъ знать и чувствовать каждый уралецъ, иначе онъ не уралецъ, не сынъ роднаго Горыныча.

Желая придти на помощь къ землякамъ-станичникамъ, я, по совѣту многихъ сотоварищей, въ виду поддержанія въ молодомъ нашемъ казачествѣ старыхъ, почти трехвѣковыхъ, нравственно-боевыхъ традицій, собралъ предлагаемыя

Коньковъ, житель 1-ой Уральской станицы; не смотря на крѣпкую, закаленную натуру, Коньковъ не вынесъ труднаго зимняго похода и дорогою умеръ.

здѣсь пѣсни. Все, что было собрано мною въ продолженіе почти пяти лѣтъ, рѣшаюсь выпустить въ свѣтъ, надѣясь, что если и найдется что недомолвленнаго или недосказаннаго, то многоуважаемые мои читатели не отнесутся строго-критически, такъ какъ предлагаемый „Сборникъ уральскихъ казачьихъ пѣсенъ“ представляетъ первый опытъ возстановленія въ памяти нашего казачества своихъ родныхъ пѣсенъ; почему и цѣна за экземпляръ „Сборника“ назначена настолько низкая, насколько позволили это расходы, сдѣланные по напечатанію его.

Вошедшія въ настоящій „Сборникъ“ пѣсни и стихотворенія, за исключеніемъ 30—40 пѣсенъ и нѣсколькихъ припѣвокъ, собранныхъ гг. Сахаровымъ, Иванинымъ, Михайловымъ, Небольсинымъ, В. Далемъ, І. И. Желѣзновымъ, Рябининымъ, Витевскимъ, Пивоваровымъ, — напечатанныхъ въ „Сборникѣ пѣсенъ русскаго народа“, изд. 1839 года, „Отечественныхъ Запискахъ“ 1848 года, „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1858 года, „Морскомъ Сборникѣ“ 1859 года, „Библіотекѣ для чтенія“ 1860 и 1861 годовъ, „Полномъ собраніи сочиненій В. Даля“, 1861 года, „Статистическомъ описаніи Уральскаго казачьяго войска“ Рябинина, 1866 года, „Русскомъ Архивѣ“ 1879 года, „Сборникѣ донскихъ казачьихъ пѣсенъ“, 1885 года, „Сборникахъ для чтенія въ форпостныхъ школахъ уральскаго казачьяго войска“ изд. 1862 и 1866 гг. и въ особой книжкѣ „Иканскій бой“ М. П. Хорошхина, изд. 1884 года, — были сообщены мнѣ или любителями казачьихъ пѣсенъ, или же записаны лично мною со словъ казаковъ-пѣсенниковъ.

Нѣкоторыя собранныя и напечатанныя г. Иванинымъ пѣсни нѣсколько искажены (очевидно онъ заботился о приданіи имъ звучной, стихотворной формы), а потому многія изъ нихъ являются здѣсь съ измѣненіями противъ первоначальныхъ печатныхъ текстовъ.

Большинство изъ помѣщенныхъ въ настоящемъ „Сборникѣ“ пѣсенъ я слышалъ въ разное время и въ строевыхъ частяхъ, и у себя дома, на Уралѣ, или отъ офицеровъ-пѣвцовъ, или отъ казаковъ, и многія изъ нихъ записывалъ съ голоса, причемъ записанный текстъ пѣсни съ го-

лоса иногда разнился отъ ея разговорнаго текста; различіе же это всегда состояло только въ измѣненіи формы нѣкоторыхъ словъ, въ выпускѣ однихъ и во вставкѣ другихъ словъ, а иногда въ измѣненіи размѣра стиха въ куплетѣ, или только во второй половинѣ его, или же одного послѣдняго слова въ стихѣ, съ прибавкою различныхъ восклицаній и частицъ: „что“, „вотъ“, „да“, „то“, „ея“ и т. под.

О вѣрности того или другого текста судить не берусь, но, назначая „Сборникъ“ свой для пѣнія, я, конечно, долженъ былъ написать пѣсню такъ, какъ она мнѣ передавалась, или какъ при мнѣ она пѣлась, стараясь записывать безъ всякихъ исправленій, а тѣмъ болѣе передѣлываній по своему, помня хорошо, что дѣлать подобныя искаженія никто не вправѣ, и потому еще, что пѣсни эти — народныя, которыя не осмѣлилось уничтожить и самое время.

Наши казаки поютъ какъ свои казачьи, такъ и вообще военныя—солдатскія—и народныя пѣсни, а подъ-часъ даже и романсы (хотя немного, но все-таки поютъ), слѣдующимъ порядкомъ: сперва, обыкновенно, поется протяжная, широкая пѣсня, за которой слѣдуетъ веселая, удалая пѣсенка, запѣваемая только запѣвалою, а потомъ подхватываемая всѣмъ хоромъ безъ перерыва, все съ возростающею живостью, съ разными вскрикиваніями и присвистываніями, съ акомпаниментомъ бубна, тарелокъ, треугольника, ложекъ, приплясываньемъ и т. д. Такія веселыя, живыя пѣсенки называются у казаковъ припѣвками.

Я уже говорилъ, что въ послѣднее время свои родныя казачьи пѣсни постепенно вытѣсняются очень часто плохими народными пѣснями и романсами, а иногда и пѣснями непристойнаго, циническаго содержанія. Это явленіе весьма печально, тѣмъ болѣе, что у насъ пѣсни не удовлетворяютъ какой-либо пустой прихоти казака, а составляютъ его существенную потребность и имѣютъ на казака сильное оживляющее и воодушевляющее вліяніе, особенно въ его трудной походной и боевой жизни. Поэтому-то распространеніе между нашими казаками своихъ родныхъ казачьихъ пѣсенъ представляетъ не какую-либо излишнюю роскошь, а крайнюю необходимость; въ особенности въ на-

стоящее время, когда казаки проводятъ на дѣйствительной строевой службѣ самое короткое время, и, слѣдовательно, исчезновеніе между казаками своихъ историческихъ, военныхъ и другихъ пѣсенъ пойдетъ еще быстрѣе, если на сохраненіе ихъ и распространеніе между казаками не будетъ обращено должнаго вниманія. Кромѣ того, это необходимо и для сохраненія въ молодомъ поколѣніи славныхъ преданій нашихъ предковъ-казаковъ. Историческія пѣсни заключаютъ въ себѣ живую исторію уральскаго войска, и славные подвиги предковъ, воспѣваемые въ пѣсняхъ, усвоиваются не только одною памятью, но прямо проникаютъ въ сердце, живятъ и воодушевляютъ насъ. Таково было вліяніе исторической пѣсни у всѣхъ народовъ и такимъ оно навсегда останется. Но военныя пѣсни могутъ имѣть такое благотворное и воодушевляющее вліяніе на казака, если онъ понимаетъ содержаніе ихъ и знаетъ, про что и про кого поется въ нихъ, а этого-то именно и не достаетъ нашему казаку въ настоящее время, почему и необходимо толково разсказать ему самое содержаніе пѣсни, о тѣхъ событіяхъ и лицахъ, которыя воспѣваются въ ней. Такимъ образомъ, каждый казакъ можетъ ознакомиться со своею исторіей, и именно съ тѣми главными событіями ея, на которыя уже откликнулось въ пѣсняхъ казачье сердце и которыя должны быть извѣстны казаку, ибо въ нихъ-то и хранятся великіе подвиги и славныя боевыя преданія нашихъ предковъ.

Собранныя мною пѣсни относятся, преимущественно, къ событіямъ, происшедшимъ въ XVI, XVII, XVIII и XIX столѣтіяхъ, и почти всѣ — казачьяго творчества и духа. Всѣ онѣ, по своему содержанію, помѣщены въ хронологическомъ порядкѣ тѣхъ событій, которыя въ нихъ воспѣваются, или, вообще, къ которымъ онѣ относятся, и раздѣлены на шесть отдѣловъ: первымъ помѣщенъ отдѣлъ героически-легендарныхъ пѣсенъ, вторымъ — разбойничьихъ, третьимъ — историческихъ, четвертымъ — военныхъ, пятымъ — удалыхъ (припѣвки) и шестымъ — относящихся къ мирной, внутренней жизни, и кромѣ того еще два отдѣла: седьмой — стихотвореній, касающихся уральскихъ казаковъ, изъ которыхъ

многія могутъ быть свободно распѣваемы какъ пѣсни, и восьмой — нѣсколько пѣсенъ другихъ казачьихъ войскъ, помѣщенныхъ здѣсь, такъ сказать, для сравненія поэзіи уральцевъ съ поэзіей казаковъ прочихъ казачьихъ войскъ.

При нѣкоторыхъ пѣсняхъ помѣщены примѣчанія, т.-е. разъясненія содержанія пѣсни, или же только отвѣты на нѣкоторые вопросы, упоминаемые въ пѣсняхъ, варіанты пѣсенъ, указывающіе на разнорѣчія одной и той же пѣсни и, въ заключеніе, въ концѣ „Сборника“, приложены краткія свѣдѣнія о началѣ русскаго казачества, время образованія всѣхъ казачьихъ войскъ и перечень службъ уральскаго казачьяго войска, дошедшихъ до насъ, со времени образованія войска и до настоящаго времени.

Несмотря на обиліе собранныхъ пѣсенъ, считаю долгомъ сказать, что здѣсь, однако, далеко не всѣ существующія на Уралѣ казачьи пѣсни. Пробѣлы, надѣемся, со временемъ будутъ пополнены если не мною, то кѣмъ-либо изъ любителей этого дѣла; мнѣ же, при всемъ моемъ желаніи, за неимѣніемъ достаточно свободнаго времени и средствъ, не представляется возможности осуществить это желаніе въ настоящее время, а потому „чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ!“

Хотя настоящій „Сборникъ“ будетъ и не полнымъ, тѣмъ не менѣе наши станичники найдутъ въ немъ многія извѣстныя и особенно уважаемыя по своему достоинству мѣстныя пѣсни.

Въ заключеніе считаю непремѣннымъ долгомъ выразить свою глубокую благодарность М. П. Хорошхину, Ф. И. Толстухину, А. Г. Назарову, Н. А. Бородину, В. П. Мартынову, В. А. Чалусову, В. А. Чурѣеву, А. И. Чапкаеву, С. А. Ливкину, С. А. Плуткину, И. А. Быкову, А. Е. Митрясову, Е. Н. Никишину, А. Д. Лагашкину, И. Ф. Мирошхину, Б. Кожевникову, Т. О. Торбину, М. И. Красновой и проч., а также памяти покойнаго Н. Ф. Савичева, — доставившимъ мнѣ нѣкоторыя старинныя и современныя пѣсни.

Н. Мякушинъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

№№ СТРАН.

Предисловіе 1

ОТДѢЛЪ I.

Былины.

1. Добрыня Никитичъ 1
2. Вотъ еще три года Добрынюшка стольничалъ 3
3. Ужъ ты Марина-ль, Марина (варіантъ) 4
4. Доселева про Кіянъ-море не слыхано 5
5. Тоже (варіантъ) 6
6. Дюкъ Степановичъ 7
7. Казакъ наѣзжаетъ на разбойниковъ 8
8. Устиманъ-звѣрь 9
9. Харко 10
10. Индрикъ-звѣрь 13
11. Сыръ-матерый дубъ . . . . . —

Примѣчаніе къ пѣснямъ-былинамъ 15

ОТДѢЛЪ II.

Разбойничьи пѣсни.

1. Какъ на Волгѣ-рѣкѣ, на Камышинкѣ 21
2. Тоже (варіантъ) 23
3. На рѣкѣ, на рѣчкѣ, братцы (варіантъ) 24
4. Шатался, мотался Ермакъ, сынъ Тимофѣевичъ (варіантъ) . . 25

№№ СТРАН.
5. Какъ проходитъ, братцы, лѣто теплое 27
6. На устьѣ было матушки Волги рѣки 29
7. На степи было на Саратовской 34
8. Какъ на славныхъ на степяхъ было Саратовскихъ 36
9. У насъ-то было на батюшкѣ, на тихомъ Дону 38
10. Какъ по морюшку, морю синему 40
11. Сонъ Стеньки Разина. 41
12. Какъ по морю, морю синему.. . . . . —
13. За Ураломъ, за рѣкой. 42

ОТДѢЛЪ III.

Историческія пѣсни.

1. Яикушка Горыновичъ. 47
2. Яикъ ты нашъ, Яикушка (варіантъ) 48
3. Маринкинъ городокъ 49
4. Казаки дуванъ дуванятъ 50
5. Выметывалъ нашъ Яикушка (варіантъ) 51
6. Какъ Яикъ-то нашъ, все Яикушка (варіантъ) 52
7. Не ясные соколики слеталися 53
8. Тоже (варіантъ) 54
9. Ургенчъ 55
10. Не сизой орелъ леталъ по поднебесью 57
11. Бой казаковъ на Утвѣ . . . . . —
12. Какъ за рѣченькой было за быстрою (варіантъ) 58
13. Какъ за рѣченькой то было за Утвою (варіантъ) 59
14. Походъ Бековича въ Хиву 60
15. Подымалася погодушка полуденная 61
16. За славною было за рѣчушкой 62
17. Про Игнатьюшку Иваныча Некрасова 63
18. Участіе Яицкихъ казаковъ въ битвѣ подъ Азовомъ. 66
19. Пріуныли, пріутихли на Дону донскіе казаки 67
20. По край было бережка Кіянъ-моря 68
21. Разцвѣтало наше батюшко Черно-море 69
22. Какъ по морю-морю, по Еврейскому . . . . . —
23. Тоже (варіантъ). 70
24. Бой казаковъ съ киргизами 71
25. Объ Алтынскомъ знамени 72
26. Изъ-за горъ-то было, братцы, высокіихъ (варіантъ) 73
27. Годъ князя Волконскаго на Уралѣ . . . . . —
28. На зорѣ было, братцы, на зоренькѣ (варіантъ) 75
29. Казаки въ 1812 году 76
30. Изъ-за лѣсу было, лѣсу темнаго 77

№№ СТРАН.
31. На зорѣ-то было, на зоренькѣ 78
32. На горѣ-то было, братцы, на высокой 79
33. Смерть Александра Благословеннаго 80
34. Заунывно, братцы, въ каменной Москвѣ 81
35. Походъ съ Ціолковскимъ . . . . . —
36. Лежала путь дороженька (варіантъ) 82
37. Походъ на киргизовъ 84
38. Изъ событія 1837 года 85
39. Походъ Перовскаго въ Хиву . . . . . —
40. Мы, Уральскіе казаки (припѣвка) 86
41. Проводы миссіи въ Хиву 87
42. Уральцы возводятъ Раимское укрѣпленіе 88
43. Изъ военныхъ событій 1853—1856 гг. 89
44. Иканскій бой 90
45. Тоже (въ исправленномъ видѣ) 93
46. Иканскимъ героямъ 95
47. Уральцы въ походѣ у Адаевцевъ 97
48. Походъ Кауфмана въ Хиву 99
49. На взятіе Хивы 101
50. На Михайловъ день собираются 102

ОТДѢЛЪ IV.

Военныя пѣсни.

1. По степямъ-то, степямъ, все раздольнымъ 107
2. Ахъ, долина моя, ты долинушка 108
3. Какъ не сонъ-то клонитъ . . . . . —
4. Тоже (варіантъ) 109
5. Какъ за рѣчкою, за Кубанкою 110
6. Ахъ ты, поле мое, поле чистое (варіантъ) 111
7 Ужъ вы, горы мои, горы высокія 112
8. Ужъ вы горы-ли, горушки высокія (варіантъ) . . . . . —
9. Нѣту, нѣту у молодца 113
10. Туманы вы мои, туманушки 114
11. Какъ не ясенъ-то соколъ 115
12. Славно, браво, казаки 116
13. Вспомни, вспомни, Шамиль-бергель 117
14. Слава русскому казаку . . . . . —
15. На Каспійскомъ на морѣ 118
16. Царь послалъ насъ въ степь Зіацку 119
17. Друзья! въ едино соберемся 120
18. Бой съ коканцами въ Копъ-Суатѣ . . . . . —
19. Бой съ коканцами въ 1853 году 121

№№ стран.
20. Изъ Джулека выступали 125
21. Какъ во крѣпости Джулекѣ . . . . . —
22. Пѣсня лейбъ-гвардіи Уральскаго дивизіона 126
23. Командиръ съ нами былъ Сладковъ 127
24. Долго-ль, долго-ль намъ безъ дѣла. 128
25. Ну, товарищи, мы встанемъ 129
26. Шашка 131
27. Винтовка 132
28. Переходъ казаковъ чрезъ Киргизскую степь въ Уильское укрѣпленіе въ 1869 году 133
29. Во Хивинской во долинѣ 134
30. Уральцы въ Турецкой войнѣ въ 1877—1878 г.г.. 136
31. Битва при Геокъ-Тепе въ 1881 году 138
32. Не туманъ съ моря поднялся. 141
33. Число настало роковое 142

ОТДѢЛЪ V.

Удалыя пѣсни.

1. Хороша наша станица, только улица грязна 147
2. Казынька 148
3. Полянка 149
4. Общая казачья 150
5. Какъ во нынѣшнемъ во годѣ 151
6. Ахъ ты, хмѣлюшка, хмѣлекъ, что не развивался 153
7. Туркестанъ мы обложили 154
8. Въ Туркестантѣ мы засѣли . . . . . —
9. За горами, за долами (варіантъ) 160
10. Бой на Ирджарѣ 162
11. Распроклятый, злой бухарецъ (варіантъ) 164
12. Скобелевская. 165
13. Походъ на Алай 167
14. Не ясенъ соколъ леталъ. 168
15. Въ восемьдесятъ пятомъ году. 169
16. Утромъ встали, полетѣли (продолженіе 15-й пѣсни) 173

ОТДѢЛЪ VI.

Бытовыя пѣсни.

1. Отецъ съ сыномъ на сѣнокосѣ стога металъ 181
2. Какъ не бѣлые снѣжки 183

№№ СТРАН.
3. Не бѣленька березынька къ землѣ клонится 184
4. Ужъ конь ты нашъ сѣрый . . . . . —
5. Казакъ съѣзжаетъ со квартирушки 185
6. Уральскій казакъ 186
7. На краю Руси обширной 187
8. Никто! Уральскіе казаки 189
9. Казакъ 191
10. Казачка 192
11. Казаки свой умъ имѣютъ 193
12. Какъ шли двое невольниковъ. 194
13. Ой ты, батюшка! 195
14. Погоня казаковъ за киргизами 196
15. Проводы казака на службу 197
16. Поѣхалъ далеко казакъ, на чужбину 198
17. Съ надеждой вѣрною, съ чужбины 199
18. Солнце закатилось за темные лѣса 200
19. Солетались соколы со стороны 201
20. Во полѣ, полѣ чистымъ 202
21. Первымъ полемъ мальчикъ шелъ 203
22. Вдова рыдаетъ по своимъ хоромамъ 204
23. Не бѣлая березка съ березынькой свивалась . . . . . —
24. Вечоръ ко мнѣ, дѣвушкѣ 205
25. Нѣтъ несчастнѣй молодца меня. 206
26. Какъ во пятый было годъ. 207

ОТДѢЛЪ VII.

Стихотворенія.

1. Уралъ 211
2. Тоже 213
3. Штатъ 216
4. Жалкое творенье 217
5. Утѣшенье 219
6. Рыцарь . . . . . —
7. Уралъ и его притоки 221
8. Багренье. 225
9. Рѣка Уралъ 227
10. На яру 229
11. Къ Пасхѣ (морское рыболовство) 230
12. Военная слава 232
13. Казачьи этюды 235
14. Сегодня мы прощальнымъ циромъ 236
15. Иканскому герою, В. Р. Сѣрову. 237

№№ стран.
16. Здравствуй, нашъ герой хивинскій 238
17. Покорителямъ Хивы 239
18. То старина, то и дѣянье 241

ОТДѢЛЪ VIII.

Пѣсни разныхъ казачьихъ войскъ.

Бывшаго Запорожскаго казачьяго войска:

1. Гей летала зозуленька по Украйнѣ 245
2. Хорый казакъ, хорый казакъ, видай хоче вмерти 246
3. Сидитъ казакъ на могилѣ, тай думку думае . . . . . —

Донскаго казачьяго войска:

4. Кукушечка соловушку журила, бранила 247
5. Платовъ тайно у французовъ 248

Терскаго казачьяго войска:

6. Полнымъ сердцемъ торжествуя 250
7. Пыль клубится по дорогѣ 251

Кубанскаго казачьяго войска:

8. Ой на гори, гори 252

Оренбургскаго казачьяго войска:

9. Какъ со вечера нашъ атаманушка 253
10. Вспомнимъ, братцы, Оренбурцы 254

Сибирскаго казачьяго войска:

11. Утромъ рано, весной 255

Забайкальскаго казачьяго войска:

12. А за славнымъ было батюшкой за Байкаломъ моремъ 258

Амурскаго казачьяго войска:

13. Во Сибирской во Украйнѣ 259

Краткія свѣдѣнія о началѣ Россійскаго казачества 265

ОТДѢЛЪ I.

БЫЛИНЫ.

1.

Добрыня Никитичъ.

Не громъ гремитъ у насъ во Кіевѣ,
Не громъ гремитъ передъ дождикомъ,
Не мòлонья свѣтитъ передъ тучкою:
Тутъ бьетъ челомъ Добрыня передъ матерью,
Передъ старòй вдовой, Афимьей Александровной:
— „Ужъ ты, гой еси, родима-мила матушка,
Стара вдова, Афимья Александровна!
Ужъ ты дай-ка мнѣ свое-де благословеньице
Отнынѣ мнѣ и вò-вѣки —
Во чисто поле Добрынѣ ѣхати.
Я поѣду, Добрыня, во чисто поле,
Во чисто поле, разгуляюся,
Съ казаками мнѣ, Добрынѣ, показаковать,
Съ молодцами мнѣ, Добрынѣ, повидатися,
Съ богатырями мнѣ, Добрынѣ, поборотися,
Богатырску силу испровѣдати“.
Тутъ возговоритъ его матушка родимая,
Старà вдова, Афимья Александровна:
— „Ужъ ты, гой еси, дитя мое, чадо милое,
Добрынюшка, сынъ Никитьевичъ!
Молодехонекъ ты, зеленехонекъ:
Не умѣешь ты, Добрынюшка, коня сѣдлать,
Ты коня сѣдлать, Добрынюшка, конемъ владѣть.
Тебѣ отъ роду только двѣнадцать лѣтъ,

На тринадцатомъ годочкѣ ты погулять захотѣлъ
По большому полю по Кули́кову“.
Возговоритъ тутъ Добрыня, сынъ Никитьевичъ:
— „Ужъ ты, гой еси, родима-мила матушка,
Стара̀ вдова, Афимья Александровна!
Благослови меня ѣхать во чисто поле на двѣнадцать лѣтъ.
Я поѣду отъ восхода до запада,
Къ тому озеру, къ Бѣлоозеру,
Ко дядюшкѣ своему къ родимому,
Для грѣховъ своихъ избавленія“.
Тутъ возговоритъ его матушка родимая,
Стара̀ вдова, Афимья Александровна:
— „Ужъ ты, гой еси, дитя мое, дитятко,
Добрыня, сынъ Никитьевичъ!
Будутъ ли отъ сухова древа отрасли,
Тогда будь надъ тобой мое благословеньице.
На кого ты меня, Добрынюшка, покинешь?
Молоду свою жену кому прикажешь?“
Возговоритъ тутъ Добрыня, сынъ Никитьевичъ:
— „Ужъ ты, гой еси, родима-мила матушка,
Стара̀ вдова, Афимья Александровна!
Я покину тебя, матушка, на̀ Бога, —
Молодой женѣ своя ей воля:
Хошь замужъ иди, хошь вдовой сиди, —
Хошь за князя поди, хошь за боярина, —
Иль за сильнаго, могучаго богатыря,
Только не ходи моя жена за Алешку Поповича:
Алешка Поповичъ мнѣ названный братъ.
Мы въ полѣ съ нимъ съѣзжалися,
Крестами съ нимъ мѣнялися.
Благослови, матушка, взойдти на конюшенъ дворъ,
Выбрать подъ себя мнѣ коня добраго,
Коня добраго, все иноходаго“.
Тутъ входилъ Добрыня на конюшенку,
И вскричалъ Добрыня своимъ громкимъ голосомъ:
— „Ужъ вы, гой еси, мои кони добрые,
Кони добрые, все иноходые!
Сослужите мнѣ службу не дальную и не ближнюю,

Совезите меня отъ восхода до запада,
Ко тому озеру, къ Бѣлоозеру“...
Тутъ всѣ кони испугалися,
Повѣсили свои буйны головы,
Потупили очи ясны во сыру землю.
Отвѣтъ на нихъ держалъ одинъ буланый конь:
— „Ужъ ты, гой еси, нашъ хозяинъ ласковый,
Добрыня, сынъ Никитьевичъ!
Сослужу я тебя службу не дальную и не ближнюю,
Когда минетъ двѣнадцать лѣтъ“...

(Библіотека для чтенія 1861 года, I, стр. 4—5).

2.

Вотъ еще три года Добрынюшка стольничалъ,
Еще три года Никитичъ приворотничалъ.
Стольничалъ, ложничалъ девять лѣтъ —
На десятомъ году погулять захотѣлъ.
Какъ по славному по городу, по Кіеву,
По проѣзжей большой улицѣ, Маринкиной.
Увидалъ онъ у Маринки въ высокомъ теремѣ,
Въ высокомъ теремѣ, на косящатомъ окнѣ:
Два жужличка, два голубчика,
Два сизенькихъ, сизокрыленькихъ,
Цѣлуются, милуются.
Заглядѣлся Добрыня на жужличковъ,
На жужличковъ, двухъ голубчиковъ,
На двухъ сизенькихъ, сизокрыленькихъ:
Его лѣвая нога поскользнулася,
Его правая рука колыхнулася.
И за досаду Добрынѣ показалося,
За великую грубу становилося.
Вынималъ онъ изъ налучна тугой лукъ,
Изъ колчана вынималъ каленý стрѣлу,
Онъ натягивалъ тетивочку шелкòвую,
И накладывалъ стрѣлочку кленовую,
И стрѣлялъ во голубчика сизенькова:

Вспѣла тетивочка шелковая,
Завындзяла стрѣлочка кленовая.
Не убилъ-то Добрыня голубчика сизенькова,
А убилъ у Маринки друга миленькова —
Друга милаго, Змія-Тугарина!
На ту пору Маринки тутъ не было,
Тутъ не было, не случилося:
Бѣлилась она, румянилась въ особой горенкѣ,
И чесала Маринка буйную голову,
И заплетала Маринка косу русую.
Убрамшись, выходила Маринка на красёнъ крылецъ,
Увидала она дружка своево обранена,
Обранена Змія-Тугарина.
И возговоритъ Маринка таковы словеса:
— „Чья эта шуточка зашучена?
Эта шуточка зашучена не маленькая,
Не маленькая шуточка Добрынюшки,
Добрынюшки, сына Никитьевича,
Что ни худшаго моего полюбовничка“...
Да возговоритъ Добрыня таковы словеса:
— „Ты Маринка! . . . . . .
Не тебѣ-же, Маринка, насмѣхатися,
Мною, молодцемъ, похвалятися.
Я возьму тебя, Маринка, возьму обморочу:
И сорокою бѣлобокою, кобылицею водовозною!“

(Библіотека для чтенія 1861 года, I, стр. 30—31).

3.

Варіантъ.

Ужъ ты, Марина-ль, Марина,
Бадія твоя мать Кайдаловна,
Ты любила изъ-за дальной,
Золотой орды, любовника, по прозванью
И по фамилію Змія-Тугарина,
Который могъ побѣждать русскую армію.

Ну, какъ одинъ Яицкой казакъ
Изъ россійскихъ сыновъ,
Добрыня, сынъ Никитьевичъ,
Онъ убилъ каленóй стрѣлой
Во правой глазъ Змія-Тугарина,
И отрубилъ ему голову
И положилъ во свой колчанъ.
Потомъ выбѣжалъ изъ палатъ Маринкиныхъ,
Вскричалъ, взгаркнулъ своимъ голосомъ:
— „Ужъ вы, братцы, герои русскіе!
Я убилъ Змія, теперь плѣнилъ
Золотую орду, Будинскую.

(Записана со словъ казака А. Хохлачева, въ требушинскомъ поселкѣ).

4.

Доселева про Кіянъ-море не слыхано,
А нониче на Кіянъ-море сбираются:
Суцкой, Пруцкой, Новоторжинской [1]).
Снаряжали они тридцать кораблей безъ единаго,
Про себя они украшали Соколъ-корабль:
Вмѣсто мачты ставили древо кипарисово,
А снасточки-бичевочки шелковыя,
О двѣнадцати тонкихъ парусахъ,
Тонкихъ, бѣлыихъ, полотняныихъ.
Весь Соколъ-корабль изукрашенный,
Мелкимъ жемчугомъ изувѣшанный.
На кормѣ-то они сажали Илью-Муромца,
А на носъ-же Добрыню Никитича.
Сталъ отваливать корабликъ отъ берега,
Отъ того-ли бережка крутенькаго,
Отъ мелка песочка сыпучаго,
Отъ камышика, да зеленаго.
И пошелъ корабль во сине-море,

---

[1]) Полагать надо, это будутъ: Свейской (Шведскій), Прусскій и Норвежскій, сосѣдніе между собою и съ нами сѣверные короли.

Да невзгодица прилучилася:
Не далеко на деревѣ сидѣлъ старъ-сизой-орелъ,
Онъ сидѣлъ, сидѣлъ и не давалъ имъ выходу
И отъ духу его не стало ходу Соколу-кораблю.
Зарывается отъ сизà-орла
Соколъ-корабль во сизу́ волну.
И возговорилъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ:
— „Ужъ ты общій, большой нашъ братъ,
Братъ названный, Добрыня Никитьевичъ,
Ты подай мнѣ лукъ во пятнадцать нудъ!“
И тугой свой лукъ онъ натягивалъ,
Калену́ стрѣлу на тетивочку онъ накладывалъ,
Онъ убилъ орла во бѣлу́ю грудь,
Во бѣлу́ю грудь, въ ретиво сердце,
Онъ упалъ, нашъ сизо́й орелъ, во синё море, во Каспицкое
И тогда пошелъ корабль вольной птицею.

(„Уральское казачье войско“, Рябинина, 1866 года, т. I, стр. 385).

5.

Варіантъ.

Дотолева, братцы, про Кіянъ-море не слыхано,
А нониче на Кіянъ-море собираются,
Собираются Сацкой, Пруцкой, Новоторженецъ;
Собираетъ онъ тридцать кораблей безъ единаго,
Для себя убираетъ онъ Соколъ-корабль,
Деревцà ставитъ кипарисовы,
Двѣнадцать парусовъ канифасовыхъ.
На корму сажалъ Илью-Муромца,
А на носъ — Добрыню Никитьича.
Отваливаетъ Сацкой отъ бережка,
Отъ того-ль бережка крутова,
Отъ камешка горючаго.
Какъ сильная буря поднималася:
Налетѣлъ на Соколъ-корабль сизо́й орелъ,

Онъ всѣ снасточки-бичевочки пооборвалъ,
Двѣнадцать парусовъ всѣ поопустилъ.
Возговорилъ Добрыня Никитьевичъ:
— „Ты, названный братъ, Илья Муромецъ,
Вынь изъ налучня свой тугой лукъ,
Наложи-ка свою каленý стрѣлу,
Убей сизà орла во бѣлу грудь“.

(Сообщилъ М. П. Х — нъ).

6.

Дюкъ Степановичъ.

Изъ-за-лѣсику было, лѣсу тёмнаго,
Изъ-за горъ было, горъ высокіихъ,
Выѣзжалъ-то тутъ Дюкъ Степановичъ,
Добрый мòлодецъ,
На своемъ-то на добромъ конѣ, въ буромъ бахматѣ —
Подъ нимъ добрый конь, что лютòй звѣрь разыграется.
Самъ сидитъ онъ на добромъ конѣ, какъ ясёнъ соколъ,
За плечами-то у него крѣпкій лукъ-колчанъ,
Во колчанѣ-то у него не мало стрѣлъ,
Что кажинная быстра-стрѣлочка—во пятьсотъ рублей,
А тремъ стрѣлочкамъ завѣтнымъ и цѣны-то нѣтъ;
Во ушахъ у нихъ перышки орлиныя—
Не тѣхъ орловъ. орловъ турскихъ, все заморскихъ,
Что вилися на синемъ морѣ, на Кіянь-морѣ,
Да роняли свои перышки во Кіянь-море,
Собрали-то эти перышки корабельщики,
Привозили они эти перышки въ Каменнý-Москву.
Добрымъ молодцамъ эти перышки — въ калѐны стрѣлы,
Краснымъ дѣвушкамъ, да молодушкамъ — на диковинку.
Вотъ поѣхалъ онъ, Дюкъ Степановичъ, во чисто поле,
Онъ натягивалъ тугой лукъ крѣпкой ручкою,
Онъ накладывалъ на тетивочку каленý стрѣлу,
Онъ по днямъ стрѣлялъ, по ночамъ сбиралъ свои стрѣлочки,
Гдѣ стрѣла стоитъ, тутъ свѣча горитъ воску яраго.

(Библіотека для чтенія, 1861 года, № 3).

7.

Казакъ наѣзжаетъ на разбойниковъ.

Какъ со вечера старòй казакъ думу думаилъ,
На бѣлòй зарѣ старòй казакъ своего коня сѣдлалъ,
На восходѣ-то солнца краснаго со двора съѣзжалъ.
Выѣзжалъ же старòй казакъ на чистò поле,
Все на чисто поле, старòй казакъ, на Кули́ково.
Не бѣлые снѣги-снѣжочки въ полѣ забѣлѣлися,
Забѣлѣлася у стараго воина головушка,
Отъ головушки посѣдѣла вся его бородушка.
Наѣзжалъ же старòй казакъ на диковинку,
На диковинку, старòй казакъ, — на три дороженьки.
На дороженькахъ лежитъ, братцы, бѣлъ-горючь камень,
А на камешкѣ всѣ дороженьки порасписаны:
Какъ по первой по дороженькѣ ѣхать — быть богатому,
По другой же по дороженькѣ ѣхать — быть женатому,
Какъ по третьей по дороженькѣ ѣхать — быть убитому.
Становился же старòй казакъ, сталъ думу думати:
— „По которой по дороженькѣ мнѣ будетъ ѣхати?
Мнѣ богатство, старому, братцы, не надобно,
Мнѣ женитьба, казаку старому, все на умъ нейдетъ,
Дай, поѣду по дороженькѣ, гдѣ мнѣ быть убитому.
Поѣхалъ я, старый, по дороженькѣ,
Наѣхалъ я, старый, на охотниковъ,
На русскихъ, удалыхъ разбойниковъ“.
Возговорилъ старый, братцы, таковы слова:
„Примите меня, братцы, во товарищи“.
Увидѣлъ онъ, старый, ихъ злой помыселъ,
Что хотятъ они у стараго коня отнять.
Возговорилъ старòй казакъ таковы слова:
— „Убить вамъ, братцы, меня нѐ за-что,
И снять съ меня вамъ, братцы, нѐчего:
Одна на мнѣ сермяга и та — сѣрая,
Одна пола — во пятьсотъ рублей,
А другая — во всю тысячу,

А всей сермягѣ и цѣны нѣту".
Вынулъ же онъ изъ налучня тугой свой лукъ,
Наложилъ на тетиву кленову стрѣлу,
Пустилъ же ее во сыру-землю,
Тутъ же ему покорились тѣ охотники.

(Сообщилъ Н. Ф. Савичевъ).

8.

Устиманъ-звѣрь.

Какъ не пыль-то во чистомъ полѣ запылилася,
Не туманушки со синя-моря подымалися —
Появлялися со дикой степи таки звѣри:
Не два соболя бѣгутъ со куницею,
Напередъ у нихъ бѣжитъ старъ Устиманъ-звѣрь,
На немъ шерсточка, на Устиманѣ, бумажная,
А щетинушки на Устиманѣ все булатныя,
Какъ на кажинной на щетинушкѣ по жемчужинкѣ,
Посередь спины у него, Устина, золото блюдо [1]).
Не чистой-то жемчугъ по блюду разсыпается —
Всѣ-то звѣри лютые разбѣгаются,
Подбѣгали звѣри дивные къ Яику-рѣкѣ.
Воскричалъ, взгаркнулъ тутъ Устиманъ-звѣрь
Своимъ громкимъ голосомъ:
Всѣ сыры-дубы съ кореньевъ посломалися,
А быстра рѣка Яикушка возмутилася;
Устоялъ только одинъ сыръ-матёрый дубъ.
На дубу на томъ сидѣлъ не сизой орелъ,
Не сизой орелъ, удалый добрый молодецъ.
Ужъ онъ мѣтился изъ винтовочки глазомъ вѣрнымъ,
Попадалъ же онъ Устину-звѣрю въ ретиво сердце,
И падалъ тутъ Устиманъ-звѣрь на мать-сыру-землю:
Застонала мать-сыра-земля и разступилася,

---

[1]) Надо полагать — мѣдный щитъ за спиной.

Пожрала она звѣря лютаго,
Самого Устимана-разбойника [1]).

(Изъ очерка быта Уральскихъ казаковъ, соч. І. И. Желѣзнова, ч. І, изд. 1858 г., стр. 221, 222).

9.

Харко [2]).

Увилъ, ухитилъ Харкушко
Себѣ тепло гнѣздышко,
На высокомъ, семи-ствольномъ осокорѣ,
И зажилъ въ немъ, словно во палатушкахъ.
Подъ навѣсомъ, у корня осокорь-дерева,
И день, и ночь стоялъ на-готовѣ
Богатырскій конь, осѣдланный;
Другой, заводной конь, вороненькій,
Гулялъ на лугу стреноженный.
Питался храбрый Харкушко
Отъ своихъ трудовъ праведныхъ:
Рыбы, дичи, всякой живности

---

1) Въ лицѣ Устимана-звѣря, какъ говоритъ І. И. Желѣзновъ, мы должны видѣть не настоящаго какого-нибудь звѣря, а стариннаго азіатскаго героя-богатыря, который, вѣроятно, дѣлалъ нападенія на русскія жилища и котораго, по дикости и звѣрству, казаки уподобили звѣрю. Когда и кѣмъ была составлена эта пѣсня — неизвѣстно, но въ старину она была въ большомъ ходу на Уралѣ, съ 1820-хъ же годовъ ее почти не стало слышно.

2) По преданіямъ, сохранившимся въ разныхъ мѣстностяхъ Уральскаго войска, жизнь и подвиги удальца Харко, во время пребыванія его на Яикѣ, рисуются въ слѣдующей картинѣ. Устроилъ Харко себѣ гнѣздо на высокомъ деревѣ, стоявшемъ на правомъ берегу Яика и оттуда наблюдалъ за ордынцами. Харко былъ сподвижникомъ Степана Разина. То урочище, гдѣ у Харко было свито на осокорѣ теплое гнѣздо, прозвалось въ народѣ Харкинымъ. Впослѣдствіи, когда Яицкіе казаки заселили низовья Яика, а это было въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, то, между прочимъ, построили на томъ урочищѣ форпостъ, наименованный Харкинымъ, существующій и понынѣ ниже Калмыкова, верстахъ въ 275 отъ Уральска и 225—отъ Гурьева.

Не въ проборъ было у мо̀лодца;
Но исторія наша не о томъ гласитъ,
Чѣмъ питался удалой Харкушко,
Исторія сказать должна,
Какъ надъ ордой онъ потѣшался:
Сидитъ, бывало, Харкушко
Въ своемъ тепломъ гнѣздушкѣ,
Понюхиваетъ, бывало, Харкушко
Изъ рога табачекъ съ вязовой золкою,
Глядитъ-поглядываетъ, бывало, Харкушко
Своими соколиными глазками,
Въ степь широкую, пустынную,
Не идутъ ли, не ѣдутъ ли киргизы бритоголовые,
Мира крещенаго враги лютые.
Вотъ видитъ удалой Харкушко:
Вечеркомъ, при закатѣ солнца краснаго,
Ѣдетъ отъ Каракуля [1]) толпа нарядная,
Толпа двуконная, шумливая, егозливая, —
То киргизскіе, хвастливые ба̀тыри,
Родовъ: Адайскаго, Тазварскаго, Черкасскаго.
Намѣреніе ихъ злое, басурманское:
Ѣдутъ они искать брода не глубокаго,
Ѣдутъ искать перелаза не широкаго,
Гдѣ-бъ легче было и вольготнѣе
Перелѣзть Яикъ-рѣченьку,
Потомъ идти къ матушкѣ Волгѣ-рѣкѣ
Грабить, разорять селенія расейскія,
Иль-бо улусы калмыцкіе, нагайскіе.
Для киргизовъ все единственно
Кого-бъ ни разорять, кого-бъ ни грабить,
Лишь бы добычу имѣть богатую.
Но и для Харкушки все единственно,
До кого-бъ тамъ киргизы ни грабились,
На кого-бъ ни точили ножи свои булатные,
На кого-бъ ни припасали арканы крученые.
У Харкушки намѣренье благое,

---

[1]) Кара-Куль—киргизское урочище, по русски „Черное озеро“.

Благое намѣренье, христіанское:
Разбить, избить киргизскихъ бàтырей,
Отбить у нихъ охоту дурацкую —
Топтать зелены́-луга казацкіе,
Мутить, осквернить воды Яицкія,
Пугать, гонять рыбу красную,
Рыбу красную, пужливую, прихотливую.
Подъѣзжаютъ киргизы ко Яикъ-рѣкѣ,
Становятся киргизы по край кряжа,
Того кряжа высокаго, Индерскаго,
По край луга зеленаго,
Того луга заповѣднаго,
Растилаютъ по землѣ бѣлы войлочки,
Все персидскіе, хивинскіе коврики,
Разставляютъ свои легкія джуламеечки.
Коней, стреноженныхъ и спутанныхъ,
Пущаютъ пастись во зеленый лугъ,
Во зеленый лугъ, не кошенный, не тронутый,
Пущаютъ безъ часовыхъ, безъ караульщиковъ.
Разводятъ огонечки веселые,
Наводятъ котелочки чугунные,
Варятъ мясо кобыляцкое,
Тѣхъ кобылъ ворованныхъ.
Сидятъ киргизы за ужиномъ:
Жрутъ маханъ, похваливаютъ,
Пьютъ кумызъ, покрякиваютъ,
О голенища пальцы повытирываютъ,
Чрезъ бороды слюнами подзвикиваютъ,
Пьютъ, жрутъ, прохлаждаются,
Надеждой будущихъ удачъ потѣшаются.
Любо, весело киргизамъ кумызничать:
Времячко стоитъ благодатное, весеннее,
Ноченька стоитъ тихая, прохладная,
Комаровъ и мошекъ въ заводѣ нѣтъ.
Не чуютъ, не вѣдаютъ киргизскіе бàтыри,
Что стережетъ ихъ удалый Харкушко;
Дожидается Харкушко темной ноченьки,
Спускается со своего тепла гнѣздышка

И плыветъ Харкушко за Яикъ-рѣку.
Переплымши Яикъ-рѣченьку,
Ужомъ ползетъ къ киргизскому лагерю. . . . . .

(Съ рукописи І. И. Желѣзнова).

10.

Индрикъ-звѣрь.

(Варіантъ къ былинѣ про Устиманъ-звѣря).

Не галичья стая подымалася,
Не звѣриное собраньице собиралося,
Не галичья стая въ перелетъ летитъ,
Не звѣриное собраньице въ перебѣгъ бѣжитъ,
Напередъ бѣжитъ собака, лютый Индрикъ-звѣрь.
У Индричка копыточки булатныя,
Шерсточка на Индричкѣ бумажная,
Напередъ его щетинушки запрокинулись,
На спиночкѣ два блюдечка серебряны,
На блюдечкахъ два яблочка катаются,
Жемчугъ-бунчукъ разсыпается.
Подбѣгаетъ собака ко быстрой рѣкѣ,
Ко той рѣченькѣ, ко быстру Днѣпру.
Засвисталъ-то онъ, загаркалъ по звѣриному,
Зашипѣлъ-то онъ, собака, по змѣиному;
Оттого-то Нѣпречка всколыхалася,
Оттого-то съ дубьевъ вершины посломалися.

(Изъ очерка быта Уральскихъ казаковъ, соч. І. И. Желѣзнова).

11.

Сыръ-матерый дубъ.

Какъ во дàлече, подàлече, во чистомъ полѣ,
Выросталъ тутъ батюшка, сыръ-матерый дубъ.
У сырà дуба кореньице булатное,

У сырà дуба коринушко жемчужное,
У сырà дуба сучья-вѣточки хрустальныя,
На сыромъ дубу листоченьки бумажные.
На сыромъ дубу было гнѣздышко соколиное,
Подъ сырымъ дубомъ было стойлице коневіе.
Не ясёнъ соколъ надъ добрымъ конемъ насмѣхаться сталъ:
— „Ужъ ты, кляча ли моя, кляча, сивый, рѣзвый конь!
На тебѣ ли, сивый рѣзвый конь, шерсть ослиная (оленяя)[1])
А чернò мясо на рѣзвомъ конѣ что воронее!“
За обидушку то добрý коню показалося:
Не ясёнъ соколъ со добрымъ конемъ позаспорились,
Они спорились не на сто рублевъ, не на тысячу,
Заложилися о своихъ буйныхъ о головушкахъ:
Доставалося соколу летѣть чрезъ синё-море,
А коню бѣжать приводилося кругъ синя-моря.
Обѣгалъ онъ, славный, рѣзвый конь, кругъ синя-моря,
Добѣгалъ онъ до мѣстечка до урочнаго,
А яснаго, буйна сокола и въ появи нѣтъ.
Напившись онъ, наѣвшись, онъ во стойло сталъ.
Прилеталъ ясёнъ соколъ ко добрý коню,
Во когтяхъ держалъ бѣлую лебедушку.
Коню рѣзвому ясенъ соколъ извиняился,
Говорилъ ему рѣчи ласковы, со повинною:
— „Ужъ летѣлъ я, ясенъ соколъ, чрезъ синё-море,
Ужъ видалъ я гусей, лебедей, сѣрыхъ утицевъ,
Увидалъ я лебедушку, лебедь бѣлую,
У лебедушки увидалъ я гогольчика:
У меня, соколà, очи ясныя завидчивы,
Вотъ затѣмъ-то я, ясенъ соколъ, и замѣшкался!

(Библіотека для чтенія 1861 года, № 3).

---

[1]) Нѣкоторыя поютъ „мышиная“.

ПРИМѢЧАНІЕ КЪ ПѢСНЯМЪ-БЫЛИНАМЪ.

Нѣкоторыя пѣсни-былины совершенно не казачьяго творчества, а древне-русскаго, народнаго, и самый смыслъ ихъ ничего не имѣетъ казачьяго, но почему онѣ сохранились и поются въ современномъ казачьемъ кругу, намъ въ этомъ укажетъ сама исторія. Извѣстно, что казачество произошло изъ разноплеменныхъ народовъ, стекавшихся со всѣхъ концовъ земли на широкую и раздольную Волгу и образовывавшихъ тамъ разгульныя разбойничьи шайки. Въ эти шайки вошли „бѣглецы съ береговъ воинственнаго Дона, и въ черныхъ локонахъ еврей, и дикіе сыны степей: калмыкъ, башкирецъ безобразный, и рыжій финнъ, и съ лѣнью праздной, вездѣ кочующій цыганъ“ [1])... Управителями же этихъ воинственныхъ и буйныхъ шаекъ были въ большинствѣ русскіе, москвичи, изъ-за Камы, изъ Нижняго Новгорода, и проч., гдѣ, между ними, мы видимъ знаменитаго въ исторіи Ермака, покорителя царства Кучума. Всякому понятно, что въ этомъ сбродномъ, разбойничьемъ притонѣ, бушевавшемъ на Волгѣ и на Каспійскомъ морѣ, нѣсколько различныхъ нарѣчій, нравовъ, обычаевъ и у каждаго была своеплеменная бытовая исторія. Калмыкъ, у досуга, напѣвалъ и восхвалялъ свои раздольныя степи и своихъ героевъ-батырей, въ родѣ Чингисхана и Тамерлана, башкирецъ, на тростниковой дудкѣ (чебызга) печально наигрывалъ „Разореніе“ [2]), жидъ и цыганинъ напѣвали въ пѣсняхъ свое безпріютное положеніе и кругосвѣтное разсѣяніе, а русскій, подъ вліяніемъ горѣлки, воспѣвалъ вынесенныя имъ со своей родины былины. Въ нихъ онъ восхвалялъ древнихъ русскихъ могучихъ богатырей: Владиміра—Красно-солнышко, Добрыню Никитича и другихъ...

Разнообразная народная толпа эта сформировалась на

---

[1]) Выдержка изъ стихотворенія Пушкина.

[2]) Заунывный мотивъ, выработанный башкирами, производящій на нихъ особенное впечатлѣніе.

Волгѣ въ дружную массу и, назвавшись казаками, время отъ времени роднилась между собою узами военно-разбойничьей жизни; въ ней появились знаменитые предводители-атаманы, которые, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вредили, а въ большинствѣ помогали русскому государству. Однако, не добрые слухи носились въ народѣ о Волжскихъ казакахъ и ихъ атаманахъ и, по повелѣнію въ то время Іоанна Грознаго, были высланы на Волгу стрѣльцы для укрощенія казачьихъ разбоевъ, „ловить и вѣшать безъ разбора всѣхъ тяглыхъ, бѣглыхъ мужиковъ и всѣхъ мятежныхъ казаковъ“ [1]).

Этимъ была прервана удало-разбойничья казачья жизнь на Волгѣ и казаки вынуждены были искать себѣ другаго пріюта для свободы и разгула.

Большая часть изъ нихъ, приблизительно около 600 человѣкъ, подъ предводительствомъ атамана Ермака, отправилась вверхъ по Волгѣ, проникла на сѣверо-востокъ до рѣки Тобола и, преодолѣвъ великія преграды, въ концѣ-концовъ, вступила въ Сибирь и завоевала русскому государству Сибирское царство. Другіе же пошли на Каспій, остановились на устьѣ рѣки Яика. Чтобы не оставаться при морѣ и не быть пиратами, казаки пошли вверхъ по рѣкѣ Яику и, перенеся различныя препятствія со стороны нападавшей на нихъ, господствовавшей въ то время по Яику Золотой орды, проникли по нему вверхъ верстъ на шестьсотъ и остановились, устроили пикеты, посты и дружно отражали нападавшихъ на нихъ полу-дикихъ кочевыхъ народовъ.

Укоренившись такимъ образомъ на новомъ поселеніи, они организовали изъ себя казачье войско. О такомъ лихомъ поступкѣ казаковъ узнало русское государство, и казаки не замедлили прійдти съ повинною въ вѣчное его подданство служить и отражать враговъ государства за вѣру и Царя:

И государь простеръ на казаковъ
Свое благословенье столь далеко,

---

[1]) Указъ царя Іоанна Грознаго.

Что казачества съ нихъ не снялъ
И весь Уралъ отъ устьевъ до истока
Имъ въ вѣчное владѣнье даровалъ.
Тогда завоеватели Яика
Дрались противъ отечества враговъ,
Работали винтовка ихъ и пика
Противу турокъ, шведовъ, поляковъ.
Но болѣе заслуга ихъ велика
Была въ защитѣ гранныхъ береговъ
Сторожеваго, быстраго Яика,
Чѣмъ ограждались отъ кайсаковъ
Всѣ приволжскія селенья“ [1]).

Вотъ кто наши дѣды и вотъ почему у насъ, въ современномъ казачьемъ кругу, не забыты древне-русскія былины, вынесенныя нашими дѣдами изъ домовъ, съ Руси, сперва на Волгу, а потомъ и на Яикъ, въ тотъ глухой уголъ юго-восточнаго края того времени.

[1]) Выдержка изъ стихотворенія Н. Ѳ. Савичева.

ОТДѢЛЪ II.

РАЗБОЙНИЧЬИ ПѢСНИ.

1.

Какъ на Волгѣ-рѣкѣ, на Камышинкѣ,
Живутъ казаки, люди вольные,
Донскіе, гребенскіе со яицкими;
У казаковъ — атаманушка [1])
По имени Ермакъ, сынъ Тимофѣевичъ.
Не золота его трубочка вострубила,
Не звонкая, не громкая его рѣчь возговорила,
Говорилъ-то намъ Ермакъ Тимофѣевичъ:
— „Ужъ вы слушайте, братцы, послушайте,
Дайте мнѣ, Ермаку, думушку придумати:
Проходитъ у насъ лѣто теплое,
Наступаетъ зима холодная,
Еще гдѣ же намъ зиму зимовать?
Намъ на Волгѣ быть — все ворами слыть,
На Яикъ идти — переходъ великъ,
Подъ Казань идти [2]) — Грозенъ Царь стоитъ,
Грозенъ Царь, Иванъ Васильевичъ;
У него много силы — арміи,
Не мало, не много — сорокъ тысячей.
Не идти ли, братцы, намъ на Иртышъ рѣку?
Мы возьмемъ, братцы, Тоболъ городъ
И пойдемъ къ Царю съ повинною,

---

[1]) „Атаманъ“ — происходитъ отъ новгородскаго слова „ватаманъ“, т.-е. начальникъ ватаги, голова, предводитель.

[2]) Казань взята въ 1552 году.

Возьмемъ топоръ со пикою".
Ловилъ Ермакъ, сынъ Тимофѣевичъ
Своего наилучшаго коня,
Вздѣвалъ свою уздечку тесьмяную,
Накладывалъ потники бѣлы-бумажные,
И накладывалъ свое сѣделице черкасское,
Подтягивалъ двѣнадцать подпругъ шелковыхъ,
Не для красы, а для крѣпости;
Садился Ермакъ на своего добраго коня
И поѣхалъ къ Царю своему съ повинною.
Пѣшкомъ идетъ Ермакъ, свою силу ведетъ,
Онъ идетъ потихохоньку и почастехоньку,
Подъѣзжаетъ онъ къ широку дворцу,
Къ широку дворцу царскому,
Ко крылечку окрашенному,
Онъ слѣзъ, Ермакъ, съ добра коня,
Потихохоньку и почастехоньку,
Онъ пошелъ, Ермакъ Тимофѣевичъ,
Во царски бѣлыя палатушки.
Онъ идетъ, Ермакъ, сынъ Тимофѣевичъ,
Потихохоньку и почастехоньку,
Онъ взошелъ во царски бѣлы во палатушки:
— „Ты здорово, батюшка нашъ, православный Царь,
Иванъ, сынъ Васильевичъ!
Я пріѣхалъ къ тебѣ, Ермакъ, съ повинною,
Я шатался, мотался, Ермакъ,
По чисту полю и по синю морю,
Разбивалъ я, Ермакъ, бусы-корабли [1])
И татарскіе, и басурманскіе,
А больше — корабли государевы:
Государевы корабелички безъ примѣтушекъ,
Безъ царскаго герба".
Да возговорилъ нашъ батюшка, православный Царь:
— „Ужъ вы, гой еси, князья, бояре

---

[1]) Бусы-корабли, собственно, то-же, что дубовые корабли, т.-е. небольшія лодки, долбленыя изъ одного дерева, съ набивными изъ досокъ бортами.

И думные мои боярушки!
Еще что̀ мнѣ дѣлать надъ Ермакомъ,
Иль казнити, или вѣшати?“
Да возговорилъ одинъ думчій бояринъ:
— „Еще мало намъ Ермака казнити, вѣшати“.
Да возговорилъ Ермакъ, сынъ Тимофѣевичъ:
— „Злодѣй бояринъ, не царскій думчій!
Безъ суда хочешь меня казнити, вѣшати!“
Богатырская его сила подымалася
И богатырская его кровь разгоралася,
Вынималъ Ермакъ изъ своихъ ноженъ саблю вострую:
Буйная голова отъ плечъ могучихъ отвалилася
И по царскимъ палатамъ покатилася.
Ермакъ въ бѣдѣ сидитъ, бѣдой крутитъ,
А думчіе боярушки испугалися,
Изъ царскихъ палатушекъ разбѣжалися,
А царская персона перемѣнялася.

(Съ рукописи І. И. Желѣзнова).

2.

Варіантъ.

Какъ на Волгѣ — на рѣкѣ, да на Камышинкѣ,
Казаки, братцы, живутъ, люди вольные:
Все донскіе, гребенскіе со яицкими.
У казаковъ былъ, братцы, атаманушка,
Ермакомъ звали Тимофѣевичемъ.
Не злата труба, братцы, вострубила имъ,
Не она звонка взговорила рѣчь —
Взговорилъ рѣчь Ермакъ Тимофѣевичъ:
— „Ой вы, братцы, казаки, вы послушайте,
Да мнѣ думушку попридумайте:
Какъ проходитъ у насъ лѣто теплое,
Наступаетъ, братцы, зима холодная.
Куда, братцы, мы зимовать пойдемъ?
Намъ на Волгѣ жить — все ворами слыть!

На Яикъ идти — переходъ великъ!
На Казань идти — Грозенъ Царь стоитъ,
Грозенъ Царь стоитъ, все не милостивый.
Онъ послалъ на насъ рать великую,
Рать великую — въ сорокъ тысячей;
Такъ пойдемъ-же, братцы, да возьмемъ Сибирь!“

(Съ рукописи Н. Ф. Савичева).

3.

Варіантъ.

На рѣкѣ, на рѣчкѣ, братцы,
Было на Камышинкѣ:
Собиралися, соѣзжалися
Люди вольные,
Что донскіе, гребенскіе казаки
Со яицкими.
Атаманомъ былъ у нихъ
Ермакъ-душа,
А по отчеству Тимофѣевичъ.
Вотъ онъ рѣчь говоритъ,
Какъ въ трубу трубитъ:
— „Вы подумайте, ребятушки,
Да подумайте,
Да меня, Ермака-казака,
Вы послушайте:
Вотъ проходитъ у насъ, братцы,
Лѣто теплое,
Наступаетъ-то у насъ
Зимушка холодная.
Да мы гдѣ же эту зимушку
Зимовать будемъ?
На Яикъ-городъ идтить —
Переходъ великъ;
На Казань-городъ идтить —
Тамъ самъ Царь стоитъ,

Тамъ самъ Грозный Царь, —
Иванъ Васильевичъ,
А на тихомъ Дону быть —
Намъ ворами слыть".

(Кавказскій Вѣстникъ, 1883 года, № 27).

4.

Варіантъ.

Шатался, мотался Ермакъ, сынъ Тимофѣевичъ,
Онъ шатался, мотался по чисту полю,
По чисту полю, Ермакъ, да по синю морю,
Разбивалъ же, Ермакъ, всѣ бусы-корабли:
Татарскіе, армянскіе, басурманскіе,
А и больше того — корабли осударевы!
Осударевы кораблики безъ примѣтушекъ,
Да безъ царскаго они безъ ербычка.
Возговорилъ Ермакъ, сынъ Тимофѣевичъ:
— „Ой вы, гой еси, мои братья-товарищи,
Вы морскіе, удалые разбойнички!
Еще гдѣ мы зиму зимовать будемъ?
Намъ на Волгѣ жить, братцы, все ворами слыть,
На Яикъ идти — переходъ великъ.
Идти-ль намъ, не идти — на Иртышъ рѣку:
Мы съ Иртышъ-рѣки возьмемъ Тоболъ-городъ,
Тоболъ-городъ возьмемъ бѣлой грудію,
Бѣлой грудію возьмемъ, безъ свинца, безъ пороха,
Безъ свинца, безъ пороха, съ камчатной одной плеткою,
И поѣдемъ мы къ Царю съ повинною,
Поведемъ ему свои буйны головы,
Во правой рукѣ повеземъ топоръ-плаху".
Ермакъ Тимофѣевичъ ловилъ себѣ добра-коня,
Добра коня, что ни лучшаго,
Добра коня, богатырскаго.
Надѣваилъ на него узду тесьмянную,
Накладывалъ потнички бѣлы-бумажные,

Накидывалъ сѣделице черкасское,
Подтягивалъ двѣнадцать подпругъ шелковыхъ,
Не для красы — для крѣпости.
Садился-де Ермакъ на добра̀-коня,
На добра̀-коня, Ермакъ, на иноходаго.
Передомъ ѣдетъ Ермакъ, сынъ Тимофѣевичъ,
Ужъ онъ ѣдетъ, ѣдетъ потихохоньку,
Ужъ онъ ѣдетъ, ѣдетъ посмирнехоньку:
Подъѣзжаетъ онъ къ широку дворцу,
Къ широку дворцу, да ко Царскому,
Ко крылечку подъѣхалъ ко крашенному.
Какъ слѣзъ Ермакъ со добра̀-коня
И пошелъ Ермакъ въ царскія палатушки.
Ужъ идетъ-де онъ безъ докладушекъ,
Идетъ Ермакъ потихохоньку, посмирнехоньку.
Какъ вошелъ Ермакъ во палатушки,
Во свѣтлыя царски залушки,
Возговорилъ Ермакъ, сынъ Тимофѣевичъ:
— „Здорово ты, нашъ батюшка, православный Царь,
Православный Царь ты, Иванъ Васильевичъ,
Со своими князьями и боярами!
Узнаешь ли Ермака ты, сына Тимофѣевича?
Я пріѣхалъ къ тебѣ со повинною,
Привезъ тебѣ свою буйну голову,
Во правой рукѣ — топоръ-плаху.
Я шатался, я мотался по чисту-полю,
По чисту-полю, по синю-морю,
Разбивалъ я, Ермакъ, бусы-корабли:
И татарскіе, и армянскіе, и басурманскіе,
А и больше твои, осударевы.
Осударевы кораблики безъ примѣтушекъ,
Да безъ царскіихъ они безъ ербычковъ“.
Возговорилъ нашъ батюшка, православный Царь:
— „Ужъ вы, гой еси, мои князья-бояры,
И вы, думчіе мои сенаторушки.
Еще что̀ намъ съ Ермакомъ будетъ дѣлати?
Иль казнить его, или вѣшати,
Иль во всѣхъ винахъ его простити?

Иль велѣть ему Казань, Астрахань взять?..“
Возговоритъ-де одинъ бояринъ-то,
И старшій думчій-сенаторушка:
— „Ой ты, гой еси, батюшка, православный Царь!
Еще мало намъ Ермака казнить-вѣшати?“
Тутъ возговоритъ Ермакъ, сынъ Тимофѣевичъ:
— „Ой ты, гой еси, ты врешь, собака!
Безъ суда, безъ допроса хочешь Ермака вѣшати!“
Богатырская сила въ немъ разгоралася,
Богатырская кровь въ немъ подымалася,
Вынималъ онъ изъ колчана саблю вострую,
Онъ срубилъ, смахнулъ бояpину буйну-голову:
Буйная его головушка отъ плечъ отвалилася,
Да по царскіимъ залушкамъ покатилася.
А и царская картина пермѣнилася,
А и думскіе сенаторы испугалися
И по царскимъ заламъ разбѣжалися.
Возговорилъ нашъ батюшка, православный Царь:
— „Ермакъ во бѣдѣ сидитъ, бѣдой кутитъ,
Еще что̀ намъ надъ Ермакомъ дѣлати?“
Ни одинъ князь отвѣту не далъ:
Во всѣхъ винахъ прощалъ его
И только Казань, да Астрахань взять велѣлъ...

(Библіотека для чтенія, 1861 года, № 3).

5.

Какъ проходитъ, братцы, лѣто теплое,
Настаетъ, братцы, зима холодная.
И гдѣ-то мы, братцы, зимовать будемъ?
На Яикъ намъ пойдтить — переходъ великъ,
А за Волгу пойдтить — намъ ворами слыть,
Намъ ворами слыть, быть половленнымъ,
По разнымъ по тюрьмамъ поразсаженнымъ,
А мнѣ, Ермаку, быть повѣшену.
Какъ вы думайте, братцы, да думайте,
Меня, Ермака, вы послушайте!“

Ермакъ говоритъ, какъ въ трубу трубитъ:
— „Пойдемте мы, братцы, подъ Казань-городъ,
Подъ тѣмъ ли подъ городомъ самъ Царь стоитъ,
Грозный Царь, Иванъ Васильевичъ.
Онъ стоитъ, братцы, ровно три года
И не можетъ онъ, братцы, Казань-городъ взять.
Мы пойдемте, братцы, ему поклонимся
И подъ власть его ему покоримся!“
Какъ пришелъ Ермакъ къ Царю, на колѣна сталъ,
Какъ возговоритъ Царь Ермаку-казаку:
— „Не ты ли, Ермакъ, воровской атаманушка?
Не ты ли разбивалъ бусы-кораблики мои военные?“
— „Я разбивалъ, Государь, бусы-корабли,
Бусы корабли, не орлёные, не клеймёные!
Отслужу я тебѣ, Государь, службу важную:
Ты позволь мнѣ, Царь, Казань-городъ взять,
А возьму я Казань ровно въ три часа,
Да и чѣмъ меня будешь жаловать?“
Какъ надѣлъ Ермакъ сумку старческую,
Платье ветхое, все истасканное
И пошелъ Ермакъ въ Казань за милостынью
Побиратися, христарадничать;
Запримѣтилъ тамъ Ермакъ порохову казну
И вернулся съ тѣмъ онъ ко товарищамъ:
— „Ой вы, братцы мои, атаманы-молодцы!
Да копайте вы ровъ подъ порохову казну!“
Скоро вырыли глубокій ровъ Донскіе казаки,
Какъ поставилъ тамъ Ермакъ свѣчу воску яраго,
Во боченокъ ли поставилъ, полный съ порохомъ,
А другую онъ поставилъ, гдѣ съ Царемъ сидѣлъ.
И сказалъ Ермакъ Царю Грозному:
— „Догоритъ свѣча — я Казань возьму!“
Догорѣла свѣча — въ Казани поднялося облако!
Какъ крикнетъ Ермакъ Донскимъ казакамъ,
Донскимъ казакамъ, Гребенскимъ и Яиковскимъ:
— „Ой вы, братцы мои, атаманы-молодцы!
Вы бѣгите въ городъ Казань скорехонько,
Вы гоните изъ города вонъ всѣхъ басурманъ,

Не берите вы въ полонъ ни одной души:
Плѣнъ Донскимъ казакамъ ненадобенъ!“
Ермакъ тремя-стами казаками городъ взялъ,
Городъ взялъ онъ Казань и Царю отдалъ;
Избавилъ Ермакъ войско царское отъ урона,
За то Царь пожаловалъ Ермака княземъ,
И наградилъ его медалью имянною,
Да подарилъ Ермаку славный, тихій Донъ
Со всѣми его рѣчками и приточками.
Какъ возговорилъ Ермакъ Донскимъ казакамъ:
— „Пойдемте, братцы, на тихій Донъ, покаемся,
Не женатые, братцы, всѣ поженимся!..“

(Донскія казачьи пѣсни Пивоварова, изд. 1885 г., стр. 11—12).

6.

На устьѣ было матушки Волги рѣки:
Собирались казаки-охотники,
Донскіе казаки со яицкими;
Атаманушка былъ у казаковъ
Ермакъ, сынъ Тимофѣевичъ,
Есаулушка [1]) былъ у казаковъ
Со тихàго Дона Донской казакъ,
Тотъ Гаврюшка, сынъ Лаврентьевичъ.
Ермакъ возговоритъ, какъ въ трубу вострубитъ:
— „Вы други мои, Донскіе казаки,
Донскіе, Гребенскіе со Яицкими!
Вы слушайте, други, послушайте,
Вы думайте, други, подумайте:
Проходитъ, други, лѣто теплое,
Настаетъ зима холодная —
И гдѣ то мы, други, зимовать будемъ?
На тихій Донъ идтить — переходъ великъ,

---

[1]) „Есаулъ“ происходитъ отъ монгольскаго слова „есаголъ“—исполнитель приказаній—нѣчто въ родѣ помощника атамана (Учебная русская хрестоматія Полевого).

А на Яикъ пойдтить — такъ ворами слыть,
А подъ Казань грести — Государь стоитъ.
У Государя силы много-множество,
Не много, не мало — сорокъ тысячей.
Тамъ намъ, казакамъ, быть половленнымъ,
По темнымъ темницамъ поразсаженнымъ,
А мнѣ Ермаку, быть повѣшеннымъ,
Надъ самой матушкой, надъ Волгой-рѣкой".
Тутъ не черныя черни зачернѣлися,
Не бѣлые снѣжочки забѣлѣлися,
Зачернѣлись лодки-коломенки,
Забѣлѣлись парусы бязинные,
Тутъ казаки поиспужалися,
По темнымъ лѣсамъ разбѣжалися,
Одинъ оставался атаманушка,
Тотъ Ермакъ, сынъ Тимофѣевичъ;
Онъ рѣчь говоритъ, какъ въ трубу трубитъ:
— „Ой вы, други мои, Донскіе казаки,
Донскіе, Гребенскіе со Яицкими!
А и что жъ вы, други, попужалися?
По темнымъ лѣсамъ разбѣжалися?
Это ѣдетъ къ намъ посланникъ царевъ.
Садитесь вы въ лодки-коломенки,
Забивайте кочеты кленовые,
Накладывайте весельца еловыя,
Гряньте, погряньте вверхъ по Волгѣ-рѣкѣ,
По матушкѣ Волгѣ, подъ Казань-городъ,
Я самъ къ Царю на отвѣтъ пойду,
Я самъ Государю отвѣчать буду!"
Приставали къ крутому, красному бережку,
Выкидали потопчины [1]) дубовые,
Выходили на крутъ красный бережокъ.
Тутъ-то Ермакъ убирается,
Тутъ-то Тимофѣевичъ снаряжается,
Вздѣваетъ сапожки сафьяновые на босу ножку,

---

[1]) Потопчины — мостки.

Кармазинную [1]) черкесочку на опашечку,
Соболиную шапочку на правой бочекъ.
Идетъ Ермакъ къ самому Царю,
Къ тому шатру полотняному,
Идетъ Ермакъ, отряхается,
А Государь глядитъ въ окно, улыбается.
Пришелъ Ермакъ къ самому Царю,
Сталъ Государь его спрашивать:
— „Хорошъ-пригожъ мо̀лодецъ народился,
Въ три ряда черны-кудри завивалися,
На каждой кудринкѣ — по жемчужинкѣ,
Не ты ли Ермакъ Тимофѣевичъ?
Не ты ли воровской атаманушка?
Не ты ли ходилъ, гулялъ по синю-морю?
Не ты ли разбивалъ бусы-корабли?
Тизичьи [2]), мужичьи, мои Государевы?“
Ермакъ говоритъ, какъ въ трубу вструбитъ:
— „Батюшка, надежда, свѣтъ-великій-Государь!
Не вели казнить, вели рѣчь говорить:
Мы не воры были, не разбойники,
А мы были морскіе охотники,
Ходили, гуляли по синю-морю
Не много, не мало, ровно тридцать лѣтъ;
Разбивали мы бусы-корабли,
Тизичьи, мужичьи, Государевы,
Которые были не орлёные,
Признавали мы ихъ за фальшивые:
Коли-бъ они были Государевы,
На нихъ бы были орлы двухглавые,
А то они — не гербованные!“
Государь возговоритъ, какъ въ трубу вструбитъ:
— „Хорошо Ермакъ на суду стоялъ,

---

[1]) Кармазинъ — арабское слово „кырмызи“ или „кримизи“—ткань темно-краснаго цвѣта. У малороссіянъ „кармазина“ значитъ красное сукно.

[2]) Тизики, или тезики—одно изъ татарскихъ племенъ.

Хорошо передъ Государемъ отвѣтъ держалъ,
Но, ой ты, удалой, добрый молодецъ,
Ермакъ, сынъ Тимофѣевичъ!
Достань ты мнѣ славный Казань-городъ,
Возьми у меня силы сколько надобно!“
Ермакъ возговоритъ, какъ въ трубу вструбитъ:
— „Батюшка, надежда, свѣтъ-великій-Государь!
Не надо мнѣ твоей силы много-множества,
Прикажи идти съ Донскими казаками-охотниками,
А ты подойди со своею арміею
Подъ славный подъ Казань-городъ,
А я на бѣлой на зарѣ двери растворю
И армію въ городъ пущу!“
— „Ой ты, мой удалый, добрый молодецъ,
Ермакъ, сынъ Тимофѣевичъ!
Какъ знать войдтить въ Казань-городъ?“
Ермакъ возговоритъ, какъ въ трубу вструбитъ:
— „Батюшка, надежда, свѣтъ-великій-Государь!
Если рыть подкопы глубокіе подъ Казань-городъ,
Закатить боченки зелья лютаго,
Поставлю тебѣ двѣ свѣчи воску яраго,
И поставлю часового своего надежнаго,
Донского казака, есаулушку любимаго,
Ты узнаешь, какъ въ Казань-городъ войдтить,
Какъ догорятъ двѣ свѣчи воску яраго!“
Скликаетъ Ермакъ Тимофѣевичъ Донскихъ казаковъ:
— „Ой вы, Донскіе казаки, охотники,
Вы Донскіе, Гребенскіе со Яицкими!
Садитесь въ лодочки-коломенки,
Гряньте, погряньте вверхъ по Волгѣ-рѣкѣ
Въ тотъ славный Казань-городъ,
Къ тому повелителю Казанскому!“
Пріѣзжаетъ Ермакъ въ Казань-городъ,
Встрѣчаютъ его жители Казанскіе,
Берутъ Ермака подъ бѣлы-руки,
Ведутъ къ повелителю Казанскому,
Во тѣ палаты бѣлокаменныя;
Видитъ повелитель, радуется,

Ермаку Тимофѣевичу низко кланяется,
Беретъ Ермака за праву руку,
Ведетъ въ палаты бѣлокаменныя,
Сажаетъ за столы дубовые,
За скатерти шелковыя,
Ставитъ явство сахарное,
Пойло ставитъ разнопьяное.
Тутъ Ермака повелитель началъ просить:
— „Ой ты, Ермакъ, сынъ Тимофѣевичъ!
Помоги отстоять Казань-городъ“.
Ермакъ возговоритъ, какъ въ трубу вострубитъ:
— „Могу отстоять, когда послушаешь:
Я займу мѣста притинныя,
Поставлю свои караулы крѣпкіе
Надъ пушками долгомѣрными
И буду стрѣлять отъ Царя бѣлаго!
Ой вы, мои Донскіе казаки!
Занимайте мѣста притинныя,
Становите свои караулы крѣпкіе
Надъ тѣми воротами уѣздными,
Переворачивайте пушечки долгомѣрныя
Во славный во Казань городъ,
Отбивайте во вратахъ засовы желѣзные,
Поставьте знамечко Царя бѣлаго!“
На бѣлой зарѣ, на утренней,
Воску яраго свѣчи догораютъ,
Глубокіе подкопы разрываются,
Стѣны каменныя разваливаютъ.
Царя бѣлаго армеюшка во врата убирается,
Нашъ бѣлый Царь радуется,
Входитъ въ славный во Казань-городъ;
Впередъ Ермака Государь здравствуетъ:
— „Поздравляю тебя, Ермакъ Тимофѣевичъ, съ радостью!“
— „А тебя, Государь, поздравляю съ побѣдою!“
Беретъ Государь Ермака за праву руку,
Ведетъ по славному городу Казанскому,
Выходитъ Государь во чисто-поле,
Разставляетъ шатры полотняные,

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде.

Призываетъ Ермака Тимофѣевича.
Государь возговоритъ, какъ въ трубу вструбитъ:
— „Ой ты, удалой мой, добрый молодецъ,
Ермакъ, сынъ Тимофѣевичъ!
Чѣмъ ты хочешь, тѣмъ буду жаловать:
Селами, или подселками,
Или великими городами, помѣстьями?“
Ермакъ возговоритъ, какъ въ трубу вструбитъ:
— „Батюшка, надежда, свѣтъ-великій-Государь!
Не жалуй ты меня городами, подселками,
И большими помѣстьями, —
Пожалуй ты намъ, батюшка, тихій Донъ
Съ вершины, со всѣми рѣками, потоками,
Со всѣми лугами зелеными
И съ тѣми лѣсами темными.

(Донскія казачьи пѣсни, Пивоварова, изд. 1885 г. стр. 13 - 18).

7.

На степи было на Саратовской,
Пониже города Саратова,
Повыше города Камышина:
Собирались казаки, охотники
Донскіе, Гребенскіе и Яицкіе,
Въ кругу [1]) стоятъ, думу думаютъ,
А среди ихъ круга казачьяго,
Тамъ Ермакъ стоитъ, Тимофѣевичъ.
Кунья шуба на немъ на распашечку,
Пола правая — во пятьсотъ рублей,
Пола лѣвая — близу тысячи,
Всей-то шубѣ той и цѣны нѣтути.
Вотъ казакъ-Ермакъ рѣчь возговоритъ:
— „Ой вы, братцы, атаманы-молодцы!
Проходитъ лѣто, лѣто теплое,

[1]) „Кругъ“—главнѣйшее учрежденіе казачьей жизни, вольности и силы; то же, что въ старину называлось новгородскимъ вѣчемъ.

А зима-то наступаетъ холодная,
Гдѣ-то мы, братцы, зимовать будемъ?
Вы подумайте, братцы, подумайте,
Да меня, Ермака, послушайте:
На Яикъ намъ идтить — переходъ великъ,
На тихій Донъ идтить — ворами слыть,
Я хотѣлъ бы вверхъ по Волгѣ идтить;
Пойдемъ-ка, братцы, подъ Казань-городъ:
Подъ нимъ Грозный Царь стоитъ,
У него ли тамъ много силушки,
Онъ семь лѣтъ стоитъ подъ Казанію,
Онъ семь лѣтъ стоитъ — не возьметъ ее!“
Тутъ, подумавши, въ походъ пошли,
Не дойдя Казани, становилися:
— „Станьте, братцы, вы побудьте тутъ,
Я, Ермакъ-казакъ, ко Царю пойду,
Я пойду къ нему, поклонюсь ему,
Разскажу про наше житье-бытье
И скажу ему, какъ городъ взять;
А повѣситъ меня — знакъ вамъ дамъ,
А приметъ меня — по васъ пошлю!“
Вотъ идетъ Ермакъ къ Царю Грозному,
Принимаетъ его Царь за товарища
И сажаетъ его возлѣ себя.
Посадивши, сталъ разспрашивать:
— „Ты кто такой и отколь взялся?“
Тутъ Ермакъ ему сталъ разсказывать:
„Не одинъ я пришелъ, а съ товарищи;
Теперь, Государь, позволь лишь мнѣ,
Разскажу тебѣ какъ городъ взять,
Только сроку дай мнѣ день одинъ,
А теперя, Царь, успокойся ты,
Какъ не сдѣлаю того — повѣсь меня!“
Царь послушался, отпустилъ его.
Вотъ онъ ждетъ день, до вечера;
Не дождавшись, сомнѣваться сталъ:
— „Знать, Ермакъ-казакъ обманулъ меня,
Какъ онъ воромъ былъ — и остался воръ!“

Не успѣлъ Грозный слова вымолвить,
Затряслась земля, всколебалася,
Стѣны градскія разрушалися,
Казаки въ Казань ворывалися,
А орда изъ ней убиралася.
Царь въѣзжаетъ во Казань-городъ,
Онъ тамъ хвалится, прославляется.
Вотъ Ермакъ къ нему является:
— „Чѣмъ, Ермакъ, тебя пожаловать?“
— „Ты отдай, Государь, намъ тихой Донъ
Снизу до верху, сверху до низу,
Съ его рѣками и вершинами!“

(Донскія казачьи пѣсни, Пивоварова, изд. 1885 г., стр. 18—20).

8.

Какъ на славныхъ на степяхъ было Саратовскихъ,
Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Камышина:
Собирались казаки-други, люди вольные,
Собирались они, братцы, во единый кругъ,
Какъ Донскіе, Гребенскіе и Яицкіе;
Атаманъ у нихъ — Ермакъ, сынъ Тимофѣевичъ,
Есаулъ у нихъ — Асташка, сынъ Лаврентьевичъ,
Они думали думушку все единую:
Ужъ какъ лѣто-то проходитъ, лѣто теплое,
А зима-то настаетъ, братцы, холодная,
Какъ и гдѣ-то намъ, братцы, зимовать будетъ?
На Яикъ намъ идтить, да переходъ великъ,
А на Волгѣ ходить намъ — все ворами слыть,
Подъ Казань-градъ идтить, да тамъ Царь стоитъ,
Какъ Грозный-то Царь, Иванъ Васильевичъ.
У него тамъ силы-войска много-множество,
Да тебѣ, Ермаку, быть тамъ повѣшену,
А намъ, казакамъ, быть переловленнымъ,
Да по крѣпкимъ по тюрьмамъ — поразсаженнымъ.
Какъ не золотая трубушка вострубила,

Не серебряная рѣчь громко возговорила,
Рѣчь возговорилъ Ермакъ, сынъ Тимофѣевичъ:
— „Гей вы, думайте, братцы, вы подумайте,
И меня, Ермака, братцы послушайте:
Зазимуемъ мы, братцы, всѣ въ Астрахани,
А зимою мы, братцы, поисправимся,
А какъ вскроется весна красная,
Мы тогда-то, други-братцы, въ походъ пойдемъ,
Мы заслужимъ передъ Грознымъ Царемъ вину свою:
Какъ гуляли мы, братцы, по синю-морю,
Да по синю-морю, по Хвалынскому [1]),
Разбивали мы, братцы, бусы-корабли,
Какъ и тѣ-то корабли, братцы, не орлёные;
Мы убили-ли посланника не царскаго,
Какъ тово-то, вѣдь, посланника Персидскаго!“
Какъ во славномъ было городѣ, во Астрахани [2]),
На широкой, на ровной было площади,
Собирались казаки во единый кругъ,
Они думали думу крѣпкую,
Да и крѣпкую думушку единую:
Какъ зима-то проходитъ все холодная,
Какъ и лѣто настанетъ, братцы, лѣто теплое,
Да пора ужъ намъ, братцы, во походъ идтить.
Рѣчь возговоритъ Ермакъ Тимофѣевичъ:
— „Ой вы, гой еси, братцы, атаманы-молодцы!
Эй вы, дѣлайте лодочки-коломенки,
Забивайте вы кочета еловые,
Накладывайте вы бабайчики сосновые,
Мы поѣдемте, братцы, съ Божьей помочью,
Мы пригрянемте, братцы, вверхъ по Волгѣ-рѣкѣ,
Перейдемте мы, братцы, до царства басурманскаго,
Завоюемъ-ка мы, братцы, царство Сибирское,
Покоримъ его мы, братцы, Царю Бѣлому,
А царя-то мы, Кучума, во полонъ возьмемъ —

---

[1]) По Каспійскому.

[2]) Съ этой строки видимо начинается другая пѣсня, какъ-бы двѣ пѣсни соединены въ одну.

И за то-то Государь-Царь насъ пожалуетъ.
Я тогда-то пойду, братцы, самъ къ Царю Бѣлому,
Я надѣну тогда шубу соболиную,
Я возьму кунью шапочку подъ мышечку,
Принесу я Царю Бѣлому повинную:
Ой ты, гой еси, надежда, православный Царь!
Не вели меня казнить, да вели рѣчи говорить:
Какъ и я-то Ермакъ, сынъ Тимофѣевичъ,
Какъ и я-то воровской, Донской атаманушка,
Какъ и я-то гулялъ, вѣдь, по синю-морю,
Что по синю-морю, да по Хвалынскому,
Какъ и я-то разбивалъ, вѣдь, бусы-корабли,
Какъ и тѣ-то корабли, все не орлёные;
А теперича, надежда, православный Царь,
Приношу я тебѣ буйную головушку
И съ буйной головой — царство Сибирское!
Рѣчь возговоритъ надежда, православный Царь,
Какъ и Грозный-то Царь Иванъ Васильевичъ:
— „Ой ты, гой еси, Ермакъ, сынъ Тимофѣевичъ!
Ой ты, гой еси, войсковой Донской атаманушка!
Я прощаю тебя, да и со войскомъ твоимъ,
Я прощаю тебя за твою службу,
За твою-то ли за службу ко мнѣ вѣрную,
И я жалую тебѣ, Ермакъ, славный, тихій Донъ!“

(Донскія казачьи пѣсни, Пивоварова, изд. 1885 г., стр. 22—25).

9.

У насъ-то было на батюшкѣ, на тихомъ Дону,
Во славномъ было во городѣ у насъ во Черкаскѣ,
Жила-была у насъ тутъ благочестивая вдова,
Не имѣла-то она, братцы, безкорыстнаго грѣха,
А нынче вдова себѣ сына родила...
Пошла слава по всему нашему тихому Дону.
Тутъ съѣзжались всѣ попы, дьяки, архидьяконы,
Нарекали ему имячко Степанушкою.

Степанушка у насъ, братцы, сталъ на возрастѣ,
Какъ младъ-ясенъ соколъ сталъ на возлетѣ:
Доселева Степанушка въ круги къ намъ не хаживалъ,
Крѣпку думушку съ казаками не думывалъ,
А нонѣче Степанушка въ кругу стоитъ,
Съ казаками крѣпку думушку онъ думаетъ.
Возговорилъ Степанушка таковы слова:
— „Ой вы, гой еси, казаки-братцы, добры молодцы!
Послушайте вы, казаченьки, своего атаманушки,
Меня, Степанушку, сына Тимофѣевича, Разина:
Сядемте мы, ребятушки, въ свой легкій корабличекъ,
Побѣжимте мы, ребятушки, во сине-море,
Станемте, ребятушки, разбивать бусы-кораблики
Татарскіе, армянскіе, все басурманскіе,
Безъ того только безъ сизà-орла, безъ Государева;
Поѣдемте, ребятушки, къ Царю съ повинною,
Повеземте съ собой, братцы, топоръ съ плахою,
Повеземте, братцы, Царю дары драгоцѣнные:
Сребро, злато и каменья самоцвѣтные.
Тутъ насъ станетъ Царь благодарить-жаловать,
И станетъ насъ Царь крѣпко спрашивать.
Мы скажемъ Царю всю правду-истину“.
Тутъ возговоритъ православный Царь таковы слова:
— „Ужъ вы, гой еси, младые корабельщики,
Степана Разина вы согласнички!
Скажите мнѣ всю правду-истину:
Гдѣ вы были, гдѣ вы ѣздили?“
Тутъ возговорили младые корабельщики,
Степана Разина все согласнички:
— „Ужь ты, батюшка нашъ, православный Царь!
Мы скажемъ тебѣ всю правду-истину,
Мы гдѣ были, мы гдѣ ѣздили:
Ужъ мы были, ужъ мы ѣздили во синемъ морѣ,
Разбивали мы на синемъ морѣ бусы-кораблички
Татарскіе, армянскіе, все басурманскіе,
Безъ того только безъ сиза орла, безъ Государева.
Ты прости насъ, батюшка, во всѣхъ винахъ,
Ты пусти насъ, батюшка, на Яикъ-рѣку,

Мы заведемъ на рѣкѣ Яикѣ славный Яикъ-городокъ,
Заведемъ мы его между двухъ рѣчушекъ:
При первой рѣчкѣ — при Яикѣ быстрыимъ,
При другой рѣчкѣ — Чаганѣ тихіимъ".
Потомъ побывали они въ городѣ Гурьевѣ,
Изъ Гурьева пошли они на матушку-Волгу-рѣку,
Съ Волги-рѣки пошли они на Узень-рѣку,
Съ Узень-рѣки переправились за Яикъ-рѣку,
Прошли-то они, изошли всю орду азіятскую —
Киргизскую, Трухменскую, Кызылбацкую.

(Русскій Вѣстникъ, 1858 года, стр. 573—574).

10.

Какъ по морюшку, морю синему,
Бросилъ якори воровской корабль.
На корабликѣ муравёнъ чердакъ,
Въ чердакѣ стоитъ золотой бунчукъ,
Съ бунчукомъ рядомъ — царски знамячки,
А у знамячковъ часовой стоитъ,
Молодой казакъ, разудаленькій,
Разудалая головушка,
Молодой парень, лѣтъ пятнадцати.
Супротивъ того караульщика
Раздвижной стоитъ, деревянный стулъ;
На томъ стуликѣ, пригорюнившись,
Сидитъ, голову повѣсивши,
Удалой казакъ Стенька, Разинъ сынъ.
А дотолева нашъ Степанушка
Во казачій кругъ самъ не хаживалъ
И съ казаками крѣпкой думушки,
Братски въ тѣ-поры онъ не думывалъ.
А теперево нашъ Степанушка
Къ казакамъ въ кружокъ, гляди, самъ взошёлъ.

(Отечественныя Записки, 1848 г., стр. 139).

11.

Сонъ Стеньки Разина.

Какъ по морю было, морю синему,
По тому морю, по Каспицкому,
Супротивъ было острововъ Орловыхъ, —
Стоялъ на якорѣ воровской корабль.
На корабликѣ состроенъ былъ муравёнъ чердакъ,
Въ чердакѣ состроенъ былъ золотой бунчукъ,
Въ бунчукѣ стояли царскія знамячки,
Позлаченыя, распущенныя.
У знамячекъ стоитъ часовой казакъ,
Передъ нимъ стоитъ раздвиженный стулъ,
На стулу сидитъ нашъ батюшка, воровской атаманъ,
Степанушка Тимофѣевичъ, по прозванью Разинъ сынъ,
Передъ нимъ стоитъ старшой Есаулъ.
Атаманъ Есаулу сонъ разсказывалъ:
— „Что-то мнѣ, братъ, ночью мало спалось
И во снѣ мнѣ много видѣлось:
Спадала съ меня съ головы кунья шапка,
Распоясался у меня золотъ колчанъ,
И разсыпались у меня калены стрѣлы:“
Есаулъ этотъ сонъ разсуживалъ:
— „Сопадала у тебя съ головы кунья шапка,
Это — пропадетъ твоя буйная головушка;
Распоясался твой золотой колчанъ —
То мнѣ, Есаулу, быть крѣпко ранену;
Разсыпались калены стрѣлы — то казаки наши,
Воры-разбойники, на побѣгъ пойдутъ“.

(Съ рукописи Н. Ф. Савичева).

12.

Какъ по морю, морю синему,
По тому морю, по Каспійскому,
Завиднѣлась въ морѣ легка лодочка,

Не простая лодка, разъѣздна-косна;
Хорошохонько лодка изукрашена,
Бурсымъ, жемчугомъ лодка изунизана
Молодцами лодка изусажена.
На кормѣ-то сидѣлъ Есаулъ съ рулемъ,
А въ носу сидѣлъ Атаманъ съ ружьемъ.
Посреди лодки — золота казна,
На златой казнѣ лежитъ цвѣтно платьице,
На цвѣтномъ платьѣ сидитъ красна дѣвица.
Есаулушкѣ она — сестра рòдная,
Атаманушкѣ — полюбовница.
Какъ сидитъ она, слезно плачетъ;
Атаманушка плакать уговаривалъ:
— „Ты не плачь, не плачь, красна дѣвица,
Мы поѣдемъ съ тобой въ твою землюшку,
Въ твою землюшку, къ отцу, къ матери“.

(Сообщилъ казакъ Иванъ Соболевъ).

13.

За Ураломъ, за рѣкой,
Казаки гуляютъ
И стрѣлою каленòй
За рѣку пускаютъ.
Гей, гей, гей-ей! не робѣй!
За рѣку пускаютъ.
Казаки не простаки —
Вольные ребята,
И на шапкахъ тумаки,
Всѣ живутъ богато.
Гей, гей, гей-ей! не робѣй!
Всѣ живутъ богато.
Темны ноченьки не спятъ,
Въ полѣ разъѣзжаютъ:
Все добычу стерегутъ,
Свищутъ, не зѣваютъ.
Гей, гей, гей-ей! не робѣй!
Свищутъ, не зѣваютъ.

Нашъ товарищъ — острый ножъ,
Шашка-лиходѣйка;
Пропадемъ мы не за грошъ,
Жизнь наша — копѣйка.
Гей, гей, гей-ей! не робѣй!
Жизнь наша — копѣйка.
Вотъ, сибирскіе купцы
Ѣдутъ съ соболями!
Ну-те, братцы, молодцы,
Пустимся стрѣлами...
Гей, гей, гей-ей! не робѣй!
Пустимся стрѣлами.
Мы добычу подѣлимъ,
Сладко попируемъ,
Славно выпьемъ, поѣдимъ —
Все горе забудемъ.
Гей, гей, гей-ей! не робѣй
Все горе забудемъ.
Наша шайка не мала,
Живемъ безъ пачпорта.
Кто къ намъ въ руки попадетъ,
Всѣхъ отправимъ къ чорту!
Гей, гей, гей-ей! не робѣй!
Всѣхъ отправимъ къ чорту!

Въ настоящій отдѣлъ „Разбойничьихъ пѣсенъ“ вошли и тѣ, кои относятся къ пѣснямъ Донского войска, что̀ объясняется тѣмъ, что во всѣхъ этихъ пѣсняхъ упоминаются Яицкіе (нынѣ Уральскіе) казаки, а равно условіями, помѣщенными въ примѣчаніи къ отдѣлу „Былинъ“.

ОТДѢЛЪ III.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

1.

Яикушка Горыновичъ.

(Поется унылымъ мелодичнымъ голосомъ).

Яикъ ты нашъ, Яикушка
Яикъ, сынъ Горыновичъ! (2)
Про тебя ли, про Яикушку
Идетъ слава добрая, (2)
Про тебя-ль, про Горыныча,
Идетъ рѣчь хорошая. (2)
Золочёно у Яикушки
Его было донышко, (2)
Серебряны у Яикушки
Его были краешки, (2)
Жемчужные у Горыныча
Его круты бережки. (2)
Мутнехонекъ нашъ Яикушка,
Бѣжишь ты быстрехонько. (2)
Прорылъ, протекъ нашъ Яикушка
Всѣ горушки, всѣ долушки, (2)
Выметывалъ нашъ Яикушка
Посередь себя часты островы. (2)
Съ вершинъ взялся нашъ Яикушка,
Бѣжишь же ты вплоть до устьица, (2)
До славнаго ты до моря,
До моря до Каспицкаго, (2)
Какъ до славнаго до города,

До города до Гурьева. (2)
За Гурьевомъ выпадаилъ ты
Во батюшку-сине-море, (2)
Какъ до славнаго до острова,
До острова Камынина. (2)
На островѣ Камынинѣ,
Братцы, старики живутъ[1]), 2)
Старики, братцы, старожилые
Они по девяносто лѣтъ. (2)
Съ покоренною золотой ордой
Старики, братцы, во ладу живутъ. (2)

Круты бережки, низки долушки
У нашего пресловутаго Яикушки,
Костьми бѣлыми, казачьими, усѣяны,
Кровью алою, молодецкою, упитаны,
Горючьми слезми матерей и женъ поливаны.

Гдѣ кость лежитъ —
Тамъ шиханъ стоитъ;
Гдѣ кровь лилась —
Тамъ везель сплелась;
Гдѣ слеза пала —
Тамъ озерцо стало.

2.

Варіантъ Яикушки.

Яикъ ты нашъ, Яикушка,
Яикъ, сынъ Горыновичъ! (2)
Про тебя, Яикъ Горыновичъ,
Идетъ слава добрая, (2)

[1]) Всѣ острова, лежащіе въ устьяхъ Урала, весьма незначительны, необитаемы, и только нѣкоторые изъ нихъ служатъ пристанищемъ для рыболововъ.

Про тебя, Яикъ Горыновичъ,
Идетъ рѣчь хорошая. (2)
Золочено у Горыныча
Твое было донышко, (2)
Серебряны у Горыныча
Твои круты бережки. (2)
Изрылъ же ты, зыкопалъ
Всѣ горушки-долушки, (2)
Среди себя повыметалъ
Часты, мелки островы. (2)
Со вершинъ взялся Горыновичъ,
Бѣжишь вплоть до устьица, (2)
До славнаго до моря,
До моря Каспицкаго, (2)
До славнаго до города
Бѣжишь ты до Гурьева. (2)
Выпалъ ты за Гурьевымъ,
Батюшка, во сине-море (2)
До славнаго до острова,
До острова Камынина. (2)
На островѣ Камынинѣ
Старцы живутъ старые, (2)
Живутъ старцы старые
Тамъ по девяносто лѣтъ. (2)
Въ ладу старцы старые
Съ ордою покоренною,
Золотой ордой.

(Сообщилъ М. П. Х — нъ).

3.

Маринкинъ городокъ.

Ты Яикъ, Яикъ, быстра рѣченька!
Издалека течешь ты мутнехонька,
Позади себя оставляешь ты:
Въ одну сторону круты яры,

Въ другу сторону — желты́ пески.
Круты яры — обрывчаты,
Желты́ пески — разсыпчаты.
Ахъ, бывало, мы, казаки-братцы,
По твоимъ волнамъ лихо плавали
На легкихъ стругахъ за добычею,
За персидскою, за хивинскою.
Ты, Яикушка, золотое дно;
На твоемъ на днѣ, у крута яра,
У крута яра, у дуваннаго,
У дуваннаго, у Маринкина [1]),
Лежитъ лодочка позатоплена
Съ золотой казной, со Маринкиной,
Въ Москвѣ каменной ей награбленной!
Ты теки, теки, нашъ Яикушка,
Ты корми, корми насъ удалыихъ,
Добрыхъ молодцевъ, слуговъ вѣрныихъ
Царя-батюшки благовѣрнаго.

4.

Казаки дуванъ дуванятъ.

Яикъ ты нашъ, сынъ Горыновичъ!
Золотое твое, Яикушка, донышко,
Серебряны твои, Яикушка, бережки;

---

[1]) Маринкинъ яръ находится на правомъ берегу Урала, между Кулагинскимъ и Гребенщиковскимъ поселками, онъ иначе называется „Красный-Маринкинъ Яръ“. Мѣстность эта, отъ большой проѣзжей дороги, выдается высокимъ мысомъ въ луга, прилегающіе къ Уралу съ правой его стороны и была окопана рвомъ, слѣды котораго видны были въ 1852 году, когда, по распоряженію покойнаго П. Б. Хорошхина, завѣдывавшаго тогда, въ качествѣ начальника, нижней дистанціей, на мѣстѣ этомъ были произведены раскопки. Вырыли кирпичи, осколки глиняной посуды, уголья и проч. остатки жилья. Уралъ отъ этого мѣста теперь отошелъ далеко, самая крѣпость была не на островѣ, а около, причемъ островъ былъ соединенъ съ крѣпостью мостомъ, на которомъ и хранились сокровища этихъ удальцовъ-разбойниковъ. Ва-

Весною ты, Яикъ, быстрехонекъ бѣжишь,
Урываешь ты свои круты бережки,
Посреди себя выметываешь часты островы.
На тѣхъ островахъ казаки, братцы, дуванъ дуванятъ [1]).
Дѣлили они золоту казну пуховой шляпой,
Одного добра молодца задуванили:
Доставалась ему, добру молодцу, красная дѣвица;
За досаду ему это показалося,
Возговорилъ добрый молодецъ таковы слова:
— „На бою была моя головушка самая первая,
А на дуванѣ — самая послѣдняя“.
Тутъ беретъ онъ красну дѣвицу
За правую руку, за золотъ перстень,
Обнажилъ онъ свою саблю острую
И хотѣлъ отрубить ей буйну голову.
И тутъ красна дѣвица возмолилася,
Молодцу въ рѣзвы ноги поклонилася:
Возговоритъ ему красна дѣвица:
— „Ой ты, гой еси, добрый молодецъ!
Не руби ты мнѣ буйну голову,
Вотъ тебѣ съ меня золотой перстень во пятьсотъ рублей,
Вотъ тебѣ кунья шуба во всю тысячу,
А я тебѣ, дѣвица, ни-за что пришла“.

(Сообщилъ М. П. Х — нъ).

5.

Варіантъ 1-ый.

Выметывалъ нашъ Яикушка
На синемъ морѣ Камынь-островъ.
На островѣ Камынѣ казаки живутъ,

ріантъ этотъ относится ко времени сидѣнья Заруцкаго и Марины Мнишекъ на р. Яикѣ, между Гребенщиковскимъ и Кулагинскимъ поселками, откуда потомъ, вмѣстѣ съ Мариной и ея сыномъ, Заруцкій былъ выданъ русскому правительству (въ іюнѣ мѣсяцѣ 1614 года).

[1]) „Дуванъ“—дѣлежъ, „задуванили“ - обдѣлили. Дуванный яръ находится на лѣвомъ берегу рѣки Урала, между поселками Кулагинскимъ и Гребенщиковскимъ.

Казаки живутъ, люди вольные.
Разбивали они на синемъ морѣ
Бусы-корабли, все легкія лодочки,
Разбили одну лодочку съ золотой казной,
Снимали съ золотой казной красну дѣвицу,
Красну дѣвицу, раскрасавицу, дочь купецкую,
И начали дѣлить золоту казну пуховой шляпой.
На конъ клали раскрасавицу, красну дѣвицу
И начали между себя трясти жеребій:
Доставалась атаманушкѣ красна дѣвица,
Возговорилъ тутъ атаманушка таковы слова:
— „На бою-то я, атаманушка, самый первый былъ,
На паю, на дуванѣ я послѣдній сталъ,
Что досталась мнѣ, атаманушкѣ, красна дѣвица!“
Возговоритъ красна дѣвица таковы слова:
„Ужъ ты, гой еси, казачій атаманушка!
У меня на правой рукѣ есть золото кольцо,
Золото кольцо, оно во пятьсотъ рублей,
Поднизочка есть на мнѣ во всю тысячу,
Самой-то мнѣ, красной дѣвицѣ, цѣны-то нѣтъ,
Я сотку тебѣ, атаманушка, шелковой коверъ“.

(Русскій Вѣстникъ, 1858 г., ч. IV, стр. 586—587).

6.

Варіантъ 2-ой.

Какъ Яикъ-то нашъ, все Яикушка,
Онъ бѣжитъ, бѣжитъ нашъ быстрехонекъ,
Выпадаилъ онъ въ море синее,
А на синемъ морѣ часты островы,
А на островахъ казаки живутъ,
Казаки, братцы, народъ вольный все.
Тамъ дуванъ они все дуванили
Пуховой шляпой добры молодцы:
Какъ на пай клали по пятисотъ рублей,
Какъ на конъ клали красну дѣвицу;

Доставалася красна дѣвица добру молодцу,
Добру молодцу, разудалому;
Возговорилъ-то онъ громкимъ голосомъ:
— „На бою ли моя головушка наипервая,
На дуванѣ ли, такъ послѣдняя!“
Какъ выхватывалъ добрый молодецъ саблю острую,
Онъ и снять хочетъ красной дѣвицѣ буйну голову.
Какъ возговоритъ красна дѣвица добру молодцу:
— „Не губи меня, красну дѣвицу!
Во ушахъ у меня серьги во пятьсотъ рублей,
На рукахъ перстни — въ цѣлу тысячу,
А сама-то я тебѣ такъ пришла“...

(Изъ книжки для чтенія въ народныхъ школахъ Уральскаго казачьяг войска, 1866 г., стр. 8—9, сост. А. П. Хорошхинъ).

7.

Не ясные соколики слеталися [1]).

(Походъ Шамая въ Хиву).

Не ясные соколики слеталися,
Не хивинскіе визирушки съѣзжалися:
Соходилися, соѣзжалися добры молодцы
Казаки, братцы, пріяицкіе.
Заедино они думу крѣпку думали:
— „Да кому изъ насъ, ребята, атаманомъ быть?
Атаманомъ быть, ребята, есауломъ слыть?
Ужъ мы выберемъ, ребята, атаманушку,
Атаманушку мы выберемъ „походнаго“,
Есаулушку мы выберемъ „залетнаго“.

---

[1]) Содержаніе этой пѣсни показываетъ, что совѣщаніе у казаковъ происходило въ киргизской степи, на берегахъ Сыръ-Дарьи, и относится къ несчастному походу атамана Шамая въ Хиву, приблизительно въ первой четверти XVI вѣка. Несчастный походъ Шамая окончился тѣмъ, что самъ онъ попалъ въ плѣнъ къ калмыкамъ, а спутники его или пали жертвой голода, или были плѣнены хивинцами. Этимъ-то событіемъ и была вызвана настоящая пѣсня.

Атаманъ-то говоритъ, братцы, какъ въ трубу трубитъ,
Есаулъ-то говоритъ, братцы, какъ въ свирѣль свиститъ:
— „Еще долго-ль намъ, ребята, на Дарьѣ стоять?
На Дарьѣ стоять, ребята, караулъ держать?
Не пора ли намъ, ребята, во походъ идти?
Мы Дарью-рѣку пройдемъ рано съ вечера,
А Куванъ-рѣку пройдемъ во глуху полночь,
А въ Хиву придемъ, ребята, на бѣлой зарѣ.
Мы хивинскому визирю не поклонимся,
Со его младыми женами познакомимся.
Зимовать въ Хивѣ, ребята, не останемся,
А покоримся, поклонимся Царю Бѣлому,
Царю Бѣлому, ребята, благовѣрному!..“

(Изъ очерка быта Уральскихъ казаковъ, изд. 1858 г., ч. II, стр. 70—71, соч. І. И. Желѣзнова).

8.

Варіантъ.

Не ясные соколики слеталися,
Не визири хивинскіе съѣзжалися:
Сходились и съѣзжались добры молодцы,
Удалые казаки, пріяицкіе.
Они крѣпкую тутъ думу думали:
— „Кому изъ насъ, ребята, атаманомъ быть?
Атаманомъ быть, ребята, есауломъ слыть?
Мы выберемъ себѣ здѣсь въ атаманушки,
Налета мы возьмемъ себѣ походнаго,
Нечая-казака [1]) возьмемъ бывалаго!“
Нечай говоритъ — словно труба трубитъ,
Начнетъ покрикивать — словно свирѣль свиститъ:
— „А и долго-ль намъ, ребята, на моряхъ стоять?
На моряхъ стоять, ребята, лишь разбой держать!

[1]) Очевидно, здѣсь произошла ошибка, — вмѣсто Нечая слѣдуетъ считать Шамая.

Не пора ли намъ, ребята, все опомниться,
Все опомниться, ребята, воспокаяться,
Воспокаяться, ребята, въ своихъ вольностяхъ?
Не идти ли намъ, ребята, во Россіюшку,
Во Россіюшку, ребята, все съ повинною?
Мы съ повинною пойдемъ къ Царю Бѣлому,
Понесемъ мы къ нему свои головы повинныя,
А не то пойдемъ, ребята, да полонимъ Хиву,
Покоримъ мы ее Царю-батюшкѣ,
А Хивой тогда, ребята, мы поклонимся".

(Отечественныя Записки, 1848 года).

9.

Ургенчъ.

(Преданіе 1605 года).

По крутымъ берегамъ, вдоль Яика рѣки,
Видны здѣсь, видны тамъ, казаки, казаки...
Все-то вольный народъ, всюду сабли стучатъ,
Нѣтъ печали, заботъ, всюду пѣсни звучатъ.
Здѣсь и тамъ тумаки, черный волосъ до плечъ,
И шумятъ казаки и свободна ихъ рѣчь.
Вотъ кружокъ, — атаманъ въ серединѣ стоитъ.
— „Что намъ сдѣлаетъ ханъ?" громко онъ говоритъ:
— Городъ брошенъ, слышь, имъ, ни хивинца въ немъ нѣтъ,
Со всѣмъ войскомъ своимъ ханъ Арабъ-Магометъ
На кочевкѣ живетъ. Мы къ Ургенчу пойдемъ;
Кто желаетъ въ походъ?" Всколыхнулась кругомъ
Вся толпа... „На коней!" всюду слышится крикъ
И летитъ вдоль степей онъ неистовъ и дикъ.
Дремлетъ знойная степь... Вонъ, обозъ казаковъ
Протянулся, какъ цѣпь, по вершинамъ холмовъ.
Славно сдѣланъ набѣгъ: взято шелкъ, серебро;
Въ девятьсотъ, слышь, телѣгъ все поклали добро,
Да красавицъ, къ тому-жъ, взято въ плѣнъ девятьсотъ.
Всколыхнулась Аму, когда гаркнулъ „въ походъ!"
Ханъ-Арабъ, услыхавъ про набѣгъ казаковъ,

И помчался стремглавъ Ханъ-Арабъ на враговъ.
Дремлетъ знойная степь, и обозъ казаковъ
Протянулся, какъ цѣпь, по вершинамъ холмовъ.
Что за пыль тамъ взвилась въ сторонѣ, далеко,
И столбомъ поднялась высоко, высоко?..
То, быть можетъ, косякъ лошадей, дикихъ козъ?
Зорко смотритъ казакъ, — остановленъ обозъ...
Ближе, ближе... И вотъ гулъ пошелъ по толпамъ:
Вмѣсто козъ, лошадей, на вспѣненныхъ коняхъ
Мчалась туча людей съ ярой злобой въ очахъ...
И шайтаны не такъ были бъ страшны въ тотъ мигъ...
Но не дрогнулъ казакъ... „Сабли вонъ!“ ревъ и гикъ раздались
И въ пыли, словно духи толпой,
Въ одинъ мигъ изъ земли они ринулись въ бой...
Въ мигъ свернули въ кружокъ свой обозъ казаки,
И защелкалъ курокъ, засверкали клинки...
Бьются день. Солнце жжетъ. Обложилъ врагъ кругомъ
И вздохнуть не даетъ подъ палящимъ лучемъ.
Жаждой мучимъ казакъ, кровь изъ труповъ онъ пьетъ.
Сталъ кругомъ лютый врагъ — нѣтъ ни шагу впередъ!
Бьются ночь. Кучи тѣлъ вознеслись здѣсь и тамъ
И орелъ прилетѣлъ къ посинѣвшимъ тѣламъ.
Удалился орелъ — и голодной толпой,
Когда мѣсяцъ взошелъ, волки подняли вой!
Да, не даромъ далась эта битва врагамъ,
Но не даромъ пришлась и лихимъ казакамъ:
Не одинъ лютый врагъ въ этой битвѣ погибъ,
Ни единый казакъ не пришелъ на Яикъ —
Всѣ погибли... Орелъ трупы съ клектомъ терзалъ,
Да, какъ мѣсяцъ взошелъ, волкъ голодный ихъ рвалъ...
Даже въ пѣснѣ простой нѣтъ ни слова о томъ,
Какъ былъ страшенъ тотъ бой, какъ валился кругомъ
И ревѣлъ лютый врагъ, какъ гудѣлъ стонъ и гикъ,
И какъ бился казакъ и неистовъ, и дикъ [1]).

(Изъ книжки для чтенія въ народныхъ школахъ Уральскаго казачьяго войска, 1866 года).

---

[1]) Пѣсня эта напоминаетъ собою походъ Яицкихъ казаковъ въ Хиву въ 1605 году, подъ предводительствомъ атамана Нечая. Несчаст-

10.

Не сизой орелъ леталъ по поднебесью —
Есаулъ гулялъ по лѣсику,
Онъ гулялъ, гулялъ, погуливалъ,
Добрыхъ молодцевъ пробуживалъ:
— „Вы вставайте-ка, ребятушки,
Пробуждайтесь, добры молодцы,
Добры молодцы-горынычи.
Не спокойно на Яикѣ здѣсь:
Помутился нашъ Яикушка
Отъ истоковъ до синя моря,
До синяго, до Каспицкаго".
Взбунтовался нашъ казачій кругъ
Всѣ, отъ стара и до малаго
Нѣту у насъ атаманушки,
Атаманушки, Нечаюшки:
Погубила добра молодца
Чужа, дальняя сторонушка,
Та сторонушка несчастная,
Не добра страна хивинская!

(Сообщилъ В. А. Чалусовъ).

11.

Бой казаковъ на Утвѣ.

(Поется плавнымъ, заунывнымъ голосомъ).

Какъ за славною за рѣчкой, за Утвою,
За Утвинскими-то было за горами:
Да распахана тамъ пашня яровая.
Пашня пахана не плугомъ, не сохою,
А распахана та пашня яровая

ный походъ Нечая окончился тѣмъ, что весь отрядъ его, состоящій изъ тысячи вооруженныхъ казаковъ, палъ подъ ударами оружія хивинцевъ.

Мурзъ киргизскихъ, да хивинскихъ копіями!
Взборонена та пашня яровая
Лишь копытами киргизскихъ, дикихъ коней,
И засѣяна та пашня яровая
Удалыхъ нашихъ казаковъ головами.
Добрый молодецъ засѣялъ — самъ уѣхалъ:
Ты рости, молъ, моя пашня, зеленѣйся,
На поливочку ужъ ты, молъ, не надѣйся!
Кто польетъ тебя? Развѣ что съ неба дождикъ,
Иль источитъ горьки слезы мать родная! [1])

(Отечественныя Записки, 1848 г., № 8, стр. 142).

12.

Варіантъ 1-й.

Какъ за рѣченькой было за быстрою,
За Утвою,
За славными было за Утвинскими
За горами:
Распахана была тамъ пашенка
Яровая;
Не плугомъ была пашня пахана,
Не сохою,
Взборонена была та пашенька
Не бороною,
Распахана эта пашенька не плугомъ
И не сохою:

---

[1]) Описываемое въ этой пѣснѣ событіе относится ко времени жизни Яицкихъ казаковъ на Голубомъ-городищѣ, что на островѣ Кашъ-Яикъ (станъ), близъ рѣки Илека, около конца XVI и начала XVII столѣтій. Изъ нѣкоторыхъ бумагъ временъ Петра Великаго и послѣдующихъ временъ видно, что у Яицкихъ казаковъ, на рѣкѣ Утвѣ и за Утвою, побоища съ кочевыми народами происходили не рѣдко. Значеніе этой степной рѣки, впадающей въ Уралъ съ лѣвой стороны его, близъ Бородинскаго поселка, въ этомъ отношеніи, надо полагать, было не маловажное, оно крѣпко засѣло въ казачьихъ головахъ и выразилось въ приведенной пѣснѣ, дошедшей до насъ.

Распахана была эта пашенка
Булатными копіями,
Взборонена она была коневьими
Копытàми.
Не рожью она была, братцы, засѣяна,
Не пшеницею:
Засѣяна была, братцы, казачьими
Головами.
Засѣялъ ее добрый молодецъ,
Самъ уѣхалъ;
Засѣявши ее, онъ, добрый молодецъ,
Самъ повѣдалъ:
— „Ты рости, моя пашенка,
Зеленѣйся,
На поливочку ты, моя пашенка,
Не надѣйся!
Кто польетъ тебя? развѣ что
Съ неба дождичекъ!
Ты прости, моя пашенка,
На сей землѣ,
Оставайся ты, моя пашенка,
Въ этой землѣ.

13.

Варіантъ 2-ой.

Какъ за рѣчкою-то было за Утвою,
За Утвинскими-то было за горами:
Распахана была одна пашенка,
Пашня была яровая!
Не плугомъ была пашня пахана,
Не плугомъ, да и не сохою:
Распахана была эта пашенка
Казачьими копіями.
Не ржою была пашня засѣяна,
Не ржой она, не пшеницей:

Засѣяна была эта пашенка
Казачьими головами,
Заборонена была эта пашенка
Коневьими копытами...
Засѣялъ-то эту легку пашенку
Одинъ младъ полковничекъ.
Засѣявши эту свою пашенку,
Самъ онъ слезно тутъ заплакалъ:
— „Рости, рости, моя легка пашенка,
Рости въ полѣ, зеленѣйся!
На поливочку, моя легка пашенка,
На поливу не надѣйся:
Что польетъ тебя, мою пашенку,
Съ небесъ частымъ дождичкомъ!“ [1]).

14.

Походъ Бековича въ Хиву.

Какъ на устьѣ-то было, братцы, Яикушки,
На краю моря было Каспицкаго,
Что во славномъ городкѣ было во Гурьевѣ:
Собирались тутъ войска царскія,
Войска царскія, ребята, все изъ-за моря,
А съ войсками, братцы, казаки были
Гребенскіе, братцы, и пріяицкіе — старожилые.
Какъ посланникомъ Царя былъ князь Бековичъ,
И сказалъ всѣмъ намъ онъ словечушко:
— „Вотъ нашъ батюшка, православный Царь,
Посылаетъ насъ на Аму-Дарью рѣку,
На Аму-рѣку, на Ургенчъ-городъ.
Завоюемъ мы ханство хивинское,
Покоримъ его, братцы, Царю Бѣлому,

---

[1]) Какъ этотъ варіантъ, такъ и предшествовавшій, записаны со словъ хорошаго пѣсенника, старожила-казака 1-ой Уральской станицы, Александра Филипповича Голохвостова и, затѣмъ, провѣрены со словами многихъ другихъ любителей мѣстныхъ казачьихъ пѣсенъ.

Царю бѣлому, ребята, Петру первому,
И хивинцевъ всѣхъ расколотимъ тамъ,
Самого хана мы въ полонъ возьмемъ.
И за то, за все, наградитъ онъ васъ,
Наградитъ онъ васъ всѣхъ по царски.
А теперь, братцы, вы послушайте,
Вы послушайте, казаки-братцы,
Что походъ будетъ намъ труднехонекъ:
На пути своемъ не встрѣтимъ рѣчушекъ, —
Одна гола степь, безъ дороженекъ..
Ой вы, братцы мои, вы казаченьки,
Пріяицкіе-старожилые, постарайтеся,
Сослужите службу небывалую,
Помогите вы Царю-батюшкѣ.
А возьмемъ Хиву, погостимъ мы тамъ
И къ холодной зимѣ мы домой придемъ"... [1])

(Казачій Сборникъ, 1887 года, выпускъ 1-ый, стр. 69—70).

15.

Подымалася погодушка
Полуденная,
Заносила погодушка всѣ пути,
Дороженьки,
Всѣ пути широкіе.

---

[1]) Пѣсня эта, вѣроятно, была сложена казаками во время формированія въ 1717 году, въ Гурьевѣ, особаго отряда, и напоминаетъ собою Хивинскую экспедицію въ томъ году, произведенную подъ главнымъ начальствомъ гвардіи капитана, князя Бековича Черкаскаго. Въ отрядѣ этомъ было 1500 яицкихъ казаковъ съ атаманомъ Никитой Трофимовичемъ Бородинымъ и 500—гребенскихъ. Слова, сказанныя Бековичемъ Черкаскимъ, къ сожалѣнію, не сбылись, такъ какъ весь его отрядъ, а въ томъ числѣ и Яицкіе казаки, измѣннически погибъ въ Хивѣ: нѣкоторые умерли подъ ударами шашекъ, а другіе окончили свое существованіе въ тяжеломъ рабствѣ. Атаманъ Бородинъ впослѣдствіи вернулся изъ плѣна на Яикъ и былъ войсковымъ атаманомъ яицкихъ казаковъ.

Только не занесло одну тутъ
Дороженьку,
Путь широкую, до самаго
Царя-города.
Какъ по этой по дороженькѣ
Проходила армеюшка Царя бѣлаго,—
Петра перваго.
Напередъ-то у ней шли
Яицкіе казаченьки.
Дошли они до рѣчушки,
До Дуная быстраго,
Они становилися.
Какъ черезъ эту рѣченьку
Перевозу не было,
Никакого перелазу,
Ни легкихъ лодочекъ.
Они Богу помолилися, —
На своихъ добрыхъ коняхъ
Черезъ рѣку во походъ пошли [1])...

16.

За славною было за рѣчушкой
За Дунаемъ,
Во невѣрной во земелюшкѣ
Было во Турецкой:
Не сизые-то орлы къ ясну-соколу
Солеталися,
Инералушки къ фельдмаршалу въ гости
Соѣзжалися.
Выпивали-то они зелена вина
По единой чарѣ,
Какъ россейскому Императору
Они поздравляли,

[1]) Пѣсня эта записана со словъ 80-лѣтняго казака Требушинскаго поселка А. Хохлачева, который не могъ припомнить ея окончанія.

Поздравляли-то они его
Съ легкіимъ походомъ.
Еще какъ-то намъ съ непріятелемъ,
Съ туркомъ быти:
Мы не можемъ его, басурманина,
Его побѣдити,
Не удержатъ-то его крѣпкіе
Караулы,
Не остановятъ-то его главныя
Батареи.
Далекохонько-то наша батареюшка,
Она проходила,
Широкохонько-то она путь дороженьку
Проложила,
Какъ до славнаго до города
До Царь-града.

(Сообщилъ казакъ Потапъ Телятовъ).

17.

Про Игнатьюшку Иваныча Некрасова.

Помутился, возмутился нашъ славный, тихій Донъ,
Помутился, возмутился съ вершинъ вплоть до устьица,
До самаго до славнаго города Черкасскаго.
Возмутилъ его, помутилъ его, братцы, донской казакъ,
Что Игнатьюшка, сынъ Ивановичъ, Некрасовъ.
Игнатьюшка, сынъ Ивановичъ, со рѣки ушелъ,
Онъ ушелъ, увелъ силы-рати сорокъ тысячъ,
Опричь-де, опричь-де стариковъ старожилыихъ,
Опричь-де малолѣточковъ малолѣтнихъ,
Отъ умовъ-де, отъ умовъ-де казачьихъ прироженыихъ!
Со вечера добры молодцы въ походъ собиралися,
Во глуху полночь перелазили славный, тихій Донъ,
На бѣлой зарѣ перелазили славну Нѣпречку,
На восходѣ солнца краснаго перелазили Дунай быструю.
Перелѣземши Дунай быструю становилися,

Становились, добры молодцы, въ зеленыхъ лугахъ,
Расположились, добры молодцы, казачьимъ, теплымъ лагеремъ,
Распускали, добры молодцы, знамечку позлащенную.
Собирался къ златой знамечкѣ казачій кругъ,
Во кругу стоитъ хорошенькій, раздвиженный стулъ,
На стулу сидитъ нашъ ласковый атаманушка,
Что Игнатьюшка, сынъ Ивановичъ, Некрасовъ,
Передъ нимъ стоятъ его сотнички, пятидесятнички,
Да любезные его стоятъ всѣ хоружіе [1]).
Они пишутъ отъ Игнатьюшки скорый липортъ,
И шлютъ его съ скорымъ посломъ, съ каленой стрѣлой,
Къ нашему ко батюшкѣ, ко бѣлому Царю,
Какъ къ Петрушкѣ, сыну Алексѣевичу:
— „Спасибо-те, батюшка, ты насъ поилъ-кормилъ,
Ты поилъ-кормилъ насъ, батюшка, берегъ, жаловалъ,
Ты въ одномъ же на насъ, батюшка, прогнѣвался —
Ты прислалъ же къ намъ, на тихій Донъ, розыщика,
Ты розыщика прислалъ къ намъ Долгорукова [2]);
Безъ указа Государева онъ разорять насъ сталъ,
Безъ московскаго курьера „командировать“ насъ сталъ.
Стариковъ нашихъ старожилыихъ велитъ казнить-вѣшать,
Молодыхъ казаковъ беретъ онъ во солдаты,
Молоденькихъ малолѣточковъ беретъ онъ во некруты,
Молодыхъ красныхъ дѣвушекъ беретъ онъ во постелю,
Онъ молоденькихъ младенцевъ кидаетъ за заборы!
Оттого-то мы бросили житье-бытье свое, богачество,
Мы пошли-то къ турецкому хану въ подданьице“.
Довѣдался о томъ батюшка, православный Царь,
Выходилъ батюшка на красенъ крылецъ,
Возговорилъ батюшка, православный царь, таковы слова:
— „Ужъ вы, гой еси, мои слуги вѣрные!
Вы подайте мнѣ коня рѣзваго, сивогриваго,
Осѣдлайте его вы сѣдельцемъ черкасскіимъ.

---

[1]) Отъ слова „хорунка“—знамя, знаменосецъ, — первый офицерскій казачій чинъ.

[2]) Князь Юрій Владиміровичъ Долгоруковъ былъ посланъ съ отрядомъ на Донъ „для сыску бѣглыхъ“, гдѣ и былъ убитъ казаками Булавина.

Побѣгу я, православный Царь, ко Игнатьюшкѣ,
Ворочу его я, Игнатьюшку, его со путинушки!“
Подбѣгалъ нашъ батюшка къ Дунай-рѣченькѣ,
Онъ сымалъ, сымалъ съ себя пухову шляпу,
Онъ махалъ, махалъ Игнатьюшкѣ, назадъ домой!
Говоритъ рѣчь Игнатьюшка Царю бѣлому:
— „Прощай, прощай, нашъ батюшка, православный Царь,
Спасибо-те, батюшка: ты насъ поилъ-кормилъ,
Поилъ-кормилъ ты насъ, православный Царь, берегъ-
жаловалъ“.
Пошелъ тутъ нашъ Игнатьюшка во путинушку,
Во путинушку пошелъ, въ чужу-дальну землюшку [1]).

(Русскій Вѣстникъ, 1858 года, № 8, стр. 420—421).

---

[1]) Пѣсня эта хотя и относится къ Донцамъ, но Уральцы ее также любятъ и во всякой задушевной компаніи поютъ ее съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой, почему я ее и помѣстилъ въ настоящій сборникъ. Некрасовъ былъ однимъ изъ важнѣйшихъ дѣятелей Булавинскаго бунта, но подъ Азовомъ онъ былъ разбитъ со своею шайкою, вслѣдствіе чего съ Дона пробрался на Волгу, гдѣ овладѣлъ Саратовымъ, Царицынымъ и друг. приволжскими селеніями. Видя для себя опасность отъ войскъ князя Василія Владиміровича Долгорукова (родной братъ убитаго князя Юрія Долгорукова), онъ взялъ свою жену, дѣтей и со своими единомышленниками, въ числѣ 2,000 человѣкъ, ушелъ въ 1696 году за Кубань, въ подданство крымскаго хана, и поселился на житье близъ Тамани, на берегу Чернаго моря; а потомъ, передавшись турецкому султану, Некрасовцы переселились на Дунай, гдѣ живутъ и по нынѣ близъ города Тульчи. Съ 1879 года они находятся въ подданствѣ Румынскаго Королевства и занимаются рыболовствомъ въ гирлахъ Дуная. Некрасовцы исповѣдуютъ православную вѣру и живутъ до сихъ поръ весьма зажиточно. Дружественныя чувства къ Донскому казачеству сохранены Некрасовцами и до настоящаго времени. Одному русскому путешественнику они говорили: „А мы съ ними (съ Донцами) и не бьемся: мы черезъ нихъ палимъ, а они черезъ насъ. Какъ можно биться? Мы свои!“ (Русскій вѣстникъ 1866 года, № 6). До войны 1877—1878 гг., Некрасовцы выставляли турецкому султану болѣе 3,000 вооруженныхъ всадниковъ. Они, т.-е. турки, зовутъ некрасовцевъ „Игнатъ-казакъ“. Многіе изъ нашихъ казаковъ-уральцевъ, вначалѣ сентября 1878 года, во время похода Уральскаго казачьяго № 1-го полка изъ города Тульчи черезъ Дубруджу на Шумлу, бесѣдовали съ Некрасовцами въ ихъ жилищахъ, причемъ послѣдніе принимали нашихъ казаковъ весьма радушно и любезно разспрашивали ихъ о житьѣ-бытьѣ на Уралѣ.

18.

Участіе Яицкихъ казаковъ въ битвѣ подъ Азовомъ.

Ужъ какъ шли-прошли казаченьки съ моря Чернаго,
Съ того-ли Черна моря, со турецкаго.
Шли лугами, болотами, шли топилися,
Ко Азову ко городу торопилися,
Не дошедши до Азова, становилися.
Занимали полей подъ лагерь на 12 верстъ,
А подъ шанцы съ батареею на 15 верстъ.
Становились они, братцы, коней разсѣдлывали,
Не разставивъ караулы, коней кинули,
Пустивъ коней въ поле, сами спать легли.
А одинъ лишь казакъ-старый, былъ догадливый:
Не пустилъ онъ добра-коня въ поле чистое,
Не покинулъ, казакъ-старый, на арканъ сажалъ,
А и самъ не спитъ, старикъ нашъ, больше такъ лежитъ.
Вдругъ несчастье надъ казаками случилося:
Набѣжали непріятели, турки храбрые,
Отнимали у казаковъ добрыхъ коней всѣхъ.
На ту пору казакъ-старый пробуждается,
Пробудившись, казакъ-старый сталъ коня сѣдлать,
А между тѣмъ въ городъ Азовъ шлетъ посыльщика.
Ужь какъ ждетъ-ли казакъ-старый посла скораго,
Не дождавшись, казакъ-старый самъ въ Азовъ скакалъ.
А до тѣхъ поръ городъ Азовъ намъ растворенъ былъ,
А теперь городъ Азовъ крѣпко запертъ намъ.
Какъ садился казакъ-старый на добра-коня,
Догонялъ онъ басурмана, турка храбраго,
Одинъ отбилъ, казакъ-старый, всѣхъ коней назадъ! [1])

(Отечественныя записки, 1848 г., № 8, стр. 140).

---

[1]) Пѣсня эта вызвана битвою 500 Яицкихъ казаковъ съ турками подъ Азовомъ, въ войну 1695—1697 гг., подъ общимъ начальствомъ походнаго атамана Андрея Головачева. Въ 1696 году, во время осады и взятія штурмомъ Азова, казаки участвовали тутъ подъ начальствомъ боярина Алексѣя Семеновича Шеина. Когда на требованіе русскихъ—

19.

Пріуныли, пріутихли на Дону донски казаки,
А яицкіе, донскіе, запорожскіе.
А и что казаки унылы?
Пріуныли на Дону донски казаки,
Да что взялъ у нихъ Государь-Царь городъ
Со тремя съ тѣми со малыми съ пригородками,
А и со славною со Кубаньей, съ крѣпкимъ Лютикомъ [1]).
А во славномъ, да во Черкасскомъ земляномъ городкѣ,
А стоитъ у казаковъ золотой бунчукъ,
А на бунчукѣ стоитъ чуденъ золотой крестъ,
А передъ крестомъ туто стоитъ войсковой ихъ Атаманъ,
А по имени ли Флоръ, сынъ Минаевичъ [2]).
Ко кресту тутъ собирались донски казаки,
А и донскіе, гребенскіе, запорожски-хохлачи,
Становились молодцы во единый войсковой кругъ;
Середи круга стоитъ войсковой атаманъ,
По имени ли Флоръ, сынъ Минаевичъ.
Атаманъ рѣчи говорилъ, будто во трубу трубилъ:
— „А и вы, братцы-казаки, вы яицкіе, донскіе, запорожскіе,
Пособите мнѣ, атаману, вы думу думати:
Челобитну-ли намъ писати, Государю подавать?
Самому-ли мнѣ, атаману, въ Москву ѣхати?
Перемирье-бы взять передъ самимъ Царемъ:
Залегли пути-дороги за сине-море гулять

сдать городъ, турки отвѣчали пушечными выстрѣлами, а затѣмъ, съ значительною для себя потерею, сдѣлали жестокое нападеніе на нашъ лагерь, Яицкій казакъ убилъ изъ пищали храбрѣйшаго изъ турецкихъ наѣздниковъ, по имени Дуланъ-Мирзу, снялъ съ него треузорчатый панцырь, отрубилъ голову и привезъ ее въ станъ. Татары сильно домогались выкупить эту голову, но тщетно.

[1]) Лютикъ былъ построенъ въ 18 верстахъ отъ Азова и взятъ казаками 18 іюня 1695 года. По взятіи Азова, донскимъ казакамъ было отдано приказаніе защищать Лютикъ всѣми силами „въ случаѣ нападенія непріятеля изъ за Кубани“.

[2]) Фролъ Минаевичъ Минаевъ былъ донскимъ атаманомъ съ 1680 по 1700 годъ.

Еще отъ вора, отъ Васьки съ дѣтьми.
Залегли пути-дороги за сине-море,
А и не стало намъ добычи на синемъ морѣ
И на тихомъ Дону, на Ивановичѣ!“
И поѣхалъ атаманъ въ каменну́-Москву,
Еще будетъ атаманъ въ каменно̀й Москвѣ,
Поклонился Государю о праву руку,
Сквозь слезы онъ словечко едва выговорилъ:
— „Ахъ, свѣтъ нашъ, надежда, благовѣрный Царь!
А и грозенъ Осударь, Петръ Алексѣевичъ!
Прикажи намъ на Дону чѣмъ кормитися?
Залегли пути-дорожки на сине-море
Отъ вора, отъ Васьки съ дѣтьми,
Еще тѣ наши дороги увойныя-ли!“
— „Ай, гой еси, атаманъ и съ донскими казаками!
У тебя, у атамана, есть казачій судъ:
Если не порядочно живетъ,
Суди правдой по тому суду,
По тому суду, да правому —
Живи съ казаками на Дону во миру!“

(Донскія казачьи пѣсни, Пивоварова, 1885 года, стр. 56—57).

20.

По край было бережка Кіянъ-моря,
Какъ на устьецѣ было Дарьинскомъ:
Выростало тутъ деревцо кипарисово.
Съ комелечку-то было это деревцо свилеватое,
А ко вершинушкѣ было это деревцо кудреватое,
На вершинушкѣ были у деревца развилочки.
Полюбилъ-то это деревцо младъ-сизой соко̀лъ:
Онъ завиваилъ-то себѣ тепло гнѣздо,
На завивочку клалъ золото-сѐребро,
Украшаилъ-то мелкимъ жемчугомъ . . . . . .

(Записана со словъ приказнаго Зеленовской станицы Ф. Яшкова).

21.

Разцвѣтало наше батюшко, Черно-море,
Оно не цвѣтами,
Разцвѣтало-то оно, наше батюшко, Черно-море,
Оно кораблями,
Еще маленькими, черноморскими
Оно все стругами.
Вдругъ несчастьице у насъ на Черномъ морѣ,
Несчастье случилося:
Поднималася съ горъ погодушка,
Она полуденная,
Уносила-то нашъ легонькій корабличекъ
Во сине-море.
Не на мѣстѣ-то нашъ легонькій корабличекъ
Онъ остановился,
Становился-то нашъ легонькій корабличекъ,
Онъ среди моря,
Близъ пучины [1]) . . . . . .

(Сообщилъ казакъ Бородинской станицы, Потапъ Телятовъ).

22.

Какъ по морю-морю, по Еврейскому,
Тутъ плыли-выплывали тридцать три-кораблика.
Какъ одинъ-то корабль напередъ бѣжитъ, какъ соколъ летитъ,
У него носъ, корма — по звѣриному,
А водяные бока — по змѣиному.
Какъ во этомъ корабликѣ разукрашенъ чердакъ,
Въ чердакѣ стоитъ раздвиженный стулъ,
На стулу сидѣлъ самъ Пруцкой король,

---

[1]) Пѣсня эта, къ сожалѣнію, недокончена. По словамъ Телятова, она относится къ числу историческихъ пѣсенъ и въ прежнее время была въ большомъ ходу на Уралѣ, но въ половинѣ настоящаго столѣтія совсѣмъ вышла изъ употребленія.

Передъ нимъ стоятъ два невольничка,
Со тиха-Дона два полковничка.
Какъ возговорилъ имъ Пруцкой король:
— „Ужъ вы, гой еси, два невольничка,
Со тихова Дона два полковничка!
Какъ мнѣ въ нынѣшней ночи мало спалось,
Мало спалось, много видѣлось:
Мнѣ привидѣлся чистъ-ракитовъ кустъ,
На кусту сидѣлъ младъ-ясенъ соколъ,
Во когтяхъ держалъ бѣлу-рыбицу".
Отвѣчали ему два невольничка,
Со тихова Дона два полковничка:
— „Ужъ ты, гой еси, Пруцкой король!
Чистъ-ракитовъ кустъ — раздвиженный стулъ,
На кусту сидѣлъ младъ-ясенъ соколъ — православный Царь,
А въ когтяхъ держалъ бѣлу-рыбицу — это перо лебединое".

(Сообщилъ М. П. Х—нъ).

23.

Варіантъ.

Какъ по морю-морю, по Еврейскому,
Какъ тутъ плыли-выплывали тридцать три кораблика,
Какъ одинъ-то корабль напередъ бѣжитъ, какъ соколъ летитъ;
У кораблика носъ, корма — по звѣриному,
А водяные бока — по змѣиному.
Какъ во этомъ кораблѣ разукрашенъ чердакъ,
На этомъ чердакѣ — все дубовые столы,
Возлѣ столика — раздвиженный стулъ,
На стулу сидѣлъ самъ Пруцкой король,
Передъ нимъ стоятъ два невольничка,
Два невольничка, два казачьи полковничка,
Во рукахъ держатъ золотой подносъ,
На подносѣ стоитъ рюмочка серебряна,
Во серебряной во рюмочкѣ сладка водочка.
— „Ты изволь-ка, изволь, Пруцкой король,

Соизволь принять, да выкушать,
Изъ неволюшки насъ выпустить".

(Библіотека для чтенія 1861 года, № 3-й).

24.

Бой казаковъ съ киргизами.

По горамъ-то было, по Индерскимъ,
По раздольицамъ было широкимъ,
Собиралося тутъ собраньице киргизское:
Не мало ихъ было и не много — сорокъ тысячъ;
Предводителемъ былъ у нихъ ханъ-султанъ, Сержалинъ-отецъ.
Повыше крѣпости Кулагиной, пониже яру Чепушинскаго,
Пикетные казаки ихъ скараулили,
Подавали вѣстыньку и вверхъ, и внизъ до войскова.
Тутъ казаки, братцы, собиралися,
Всѣ Яицкіе соѣзжалися,
Думали-то они думу крѣпкую за-едино,
Черезъ Яикъ-рѣку переправлятися.
Во глухую полночь соѣзжалися,
Распустили они полковое знамя,
Поставили они распятье-образъ,
Чутко Богу, молились, низко кланялись.
Помолившись Богу, распростилися,
Распростившись, на ударъ [1]) пошли.
Напередъ-то бѣжитъ дорожей добрый молодецъ,
Васильюшка, Митрясовъ сынъ,
Во рукахъ-то онъ держитъ полковое знамя.
Возговорилъ-то Василій таковы слова:
— „Ой вы, гой еси, казаки, братцы, Яицкіе!
Вы не робьте, казаки, не разбѣгайтесь".
На крылѣ у киргизъ бѣжитъ злодѣй басурманинъ,
Басурманинъ, Каракалпачининъ,
За плечьми у него турка цѣльная;

[1]) „На ударъ" значитъ — въ атаку.

Онъ стрѣлялъ въ дорогаго добра-молодца,
Убивалъ-то его во бѣлую грудь,
Онъ падалъ коню на черную гриву,
А съ черной гривы—на мать-сыру-землю.
Какъ разбили казаки Яицкіе собраньице киргизское,
И, разбивши, стали дуванъ дуванить:
Доставалось на казака хорошей одежды
По сѣнной кошнѣ.

(Изъ пѣсенника Сахарова, ч. IV, 1839 г., стр. 260—262).

25.

Объ Алтынскомъ знамени.

(Изъ событія 1774 года).

На зорѣ было, на зоренькѣ,
На восходѣ было красна солнышка,
Во полку у насъ несчастье случилося:
Что убили во полку у насъ хорунжаго,
Что ни лучша изъ насъ перва воина,
Что Иванушку Семіоныча Бархановскова.
Какъ убили его во бѣлую грудь,
Во бѣлую грудь, въ ретиво сердце.
Онъ вскричалъ, взгаркнулъ громкимъ голосомъ:
— „Ужъ ты, гой еси, мой племянничекъ,
Что Степанушка, сынъ Михайловичъ! [1])
Подбѣги ко мнѣ ты скорехонько!
Поддержи, подыми знамя царское,
Знамя царское, все Алтынское [2]),
Не допусти ты знамя до сырой земли!
Сбереги, соблюди знамя царское [3]),

---

[1]) По фамиліи Горбачевъ.

[2]) Въ этомъ „Алтынскомъ“ знамени не трудно угадать Голштинское знамя, бывшее у Пугачева и надѣлавшее много хлопотъ.

[3]) При разбитіи мятежниковъ у Сальникова завода, полковникъ Михельсонъ отбилъ Голштинское знамя Дельвичева драгунскаго полка. Какимъ образомъ знамя это досталось Пугачеву — было загадочно для

Знамя царское, все Алтынское!“
И онъ палъ-то къ коню на черну гриву,
Со черной-то гривы — на сыру землю.

(Морской Сборникъ, 1859 года, № 9, стр. 28).

26.

Сокращенный варіантъ этой пѣсни.

Изъ-за горъ-то было, братцы, высокіихъ,
Изъ-за кустика, куста было ракитова,
Не лютая-то змѣя, змѣюшка выпалзывала,
Не свинцова-то пуля, пулечка вылетывала;
Упадала пулечка, она во казачій полкъ,
Никого-то въ полку пуля не обранила,
Убивала пулечка младшаго урядничка,
Что ни лучша у насъ перва воина.
Упадалъ молодецъ къ коню на черну гриву,
Со черной-то гривы падалъ на сыру землю.

(Морской Сборникъ, 1859 года, № 9).

27.

✓Годъ князя Волконскаго на Уралѣ.

(Кочкинъ пиръ).

На зарѣ-то было, все на зоренькѣ,
Зарѣ было утренней; (2 раза)
На восходѣ-то было у казаченьковъ,
Было солнца краснаго: (2 раза)
Среди торгу, все базарушки,
Среди красной площади, (2 раза)
Собирались тутъ все казаченьки,

всѣхъ. (См. „Пугачевъ и его сообщники“ Дубровина, 1884 года, томъ III, стр. 355).

Они во единый кругъ. (2 раза)
Во кругу стоитъ у казаченьковъ,
Стоитъ раздвиженный стулъ; (2 раза)
На стулу сидитъ у казаченьковъ,
Сидитъ самъ-то Волконскій князь, [1]) (2 раза)
Передъ нимъ-то стоитъ у казаченьковъ,
Стоитъ добрый молодецъ [2]); (2 раза)
Онъ стоитъ, стоитъ разудаленькій,
Самъ не тряхнется, не ворохнется, (2 раза)
И русы его кудерюшки не шелохнутся.
Какъ не бьютъ его и не ругаютъ,
Но крѣпко спрашиваютъ:
— „Ты скажи, скажи, разудаленькій,
Разскажи ты правду-истину: (2 раза)
Ты какого рода-племени?
Ты не царь-ли какой,
Аль какой-нибудь сынъ княжескій? (2 раза)
Али присланъ ты, добрый молодецъ,
Изъ иной земли къ подговору насъ?
Аль пришелъ ты къ намъ, ты посломъ какимъ?“
И добрый молодецъ, разудаленькій, [3])
Сталъ отвѣтъ держать передъ допросчикомъ:
— „Не тебѣ-бъ меня, добра молодца,
Не тебѣ-бъ меня здѣсь допрашивать,
И не мнѣ-бы, разудалому,
На твои рѣчи отвѣтъ сказывать,
Правду-истину повѣдывать!..
А спроси-ка насъ нашъ, самъ, батюшка,
Нашъ отецъ, православный царь —
Вотъ ему, такъ, отцу общему,

---

[1]) Князь Григорій Семеновичъ Волконскій, въ началѣ настоящаго столѣтія, былъ Оренбургскимъ и Самарскимъ генералъ-губернаторомъ и въ 1806 году находился на Уралѣ, для водворенія спокойствія, нарушеннаго при введеніи въ войскѣ новаго положенія.

[2]) А другіе поютъ: „Стоитъ самъ Павловъ-казакъ“.

[3]) Поютъ и такъ: „И Павловъ-казакъ, разудаленькій“.

Пропадай моя головушка! —
Разсказалъ бы я правду горькую“ [1]).

(Отечественныя Записки, 1848 г., № 8, стр. 139).

28.

Варіантъ.

На зарѣ было, братцы, на зоренькѣ,
Зарѣ было утренней;
На восходѣ-то, у казаченьковъ,
Было солнца краснаго:
Среди торгу, да базарушки,
Середь красной площади;
Собиралися тутъ казаченьки,
Они во единый кругъ [2]).

---

[1]) Содержаніе этой любимой и популярной пѣсни вызвано введеніемъ новаго положенія въ Уральскомъ казачьемъ войскѣ, послѣдовавшаго въ 1803 году, по которому составъ войска опредѣленъ былъ въ 10 конныхъ полковъ пяти-сотеннаго состава, но, вслѣдствіе неумѣлаго обращенія при вводѣ этого положенія въ дѣйствіе, оно породило за собою рядъ неудовольствій со стороны казачества, что́ повлекло за собою выселеніе многихъ изъ войска въ Сибирь и другія мѣста. Въ пѣснѣ этой фигурируетъ Уральскій казакъ, Ефимъ Ивановъ Павловъ, который, будучи, при введеніи новаго положенія 1803 года, въ головахъ воспротивившихся принять это положеніе, былъ наказанъ кнутомъ, затѣмъ ему вырвали ноздри, наложили клейма на лобъ и щеки и сослали въ каторжныя работы. Спустя 30 лѣтъ, т.-е. въ 1836 году, Павловъ былъ возвращенъ изъ Сибири въ войско. Здѣсь, будучи уже древнимъ старикомъ (болѣе 70 лѣтъ), онъ, за подачу въ 1837 году, въ числѣ другихъ казаковъ, просьбы Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу, во время пріѣзда Его Высочества на Уралъ, былъ снова осужденъ въ ссылку, но, благодаря его старости, ссылка была замѣнена ему заключеніемъ въ Оренбургскій острогъ, гдѣ онъ и окончилъ свое существованіе.

[2]) „Кругъ“—главнѣйшее учрежденіе казачьей жизни, вольности и силы. Всякій не опороченный казакъ имѣлъ право голоса въ кругу, въ которомъ казаки, несмотря на то, были-ли они конные или пѣшіе, размѣщались лицомъ въ середину. Всѣ дѣла рѣшались въ кругу и немедленно приводились въ исполненіе. Теперь всѣ эти круги уничтожены и только, иногда, бываютъ на рыболовствахъ для обсужденія какого-либо вопроса, касающагося исключительно только одного рыболовства.

Во кругу стоитъ у казаченьковъ,
Стоитъ раздвиженный стулъ,
На стулу сидитъ у казаченьковъ,
Сидитъ самъ Волконскій князь,
Передъ нимъ стоитъ разудаленькій,
Стоитъ самъ Павловъ казакъ.
Онъ стоитъ, разудаленькій,
Стоитъ, самъ не тряхнется,
А русы его кудерюшки,
Кудри не шелохнутся.
Его бить не бьютъ, разудалаго,
Его крѣпко спрашиваютъ,
Изъ ума его, разудалаго,
Его все вывѣдываютъ:
„Ты скажи, скажи, разудаленькій,
Скажи правду, истину:
Не король-ли ты, иль королевичъ,
Иль ты королевскій сынъ?
Изъ иной-ли ты, изъ земелюшки,
Изъ земли грозенъ посолъ?“
— „Не тебѣ меня, разудалаго,
Тебѣ меня спрашивать,
Да не мнѣ тебѣ, разудалому,
Не мнѣ тебѣ было сказывать,
А спросилъ бы меня, разудалаго,
Спросилъ православный царь,
Я сказалъ бы ему, Царю бѣлому,
Сказалъ бы правду, истину“.

(Уральскія войсковыя вѣдомости, 1886 г., № 26).

29.

Казаки въ 1812 году.

Ужъ ты пьешь, ты гуляешь, Наполеонушка,
Ничего не знаешь.
Не скорой-то курьеръ, во глуху-то полночь,
Курьеръ прибѣгалъ,

Съ нерадостной вѣстинькой
Его поздравлялъ:
Разбили твою арміюшку, Наполеонушка,
Злые, храбрые казаченьки,
Твоихъ главныхъ думчихъ сенаторовъ
Въ полонъ взяли,
Твоего родимаго племянничка, Наполеонушка,
Его изрубили.
Какъ восплакнулъ же нашъ Наполеонушка
Горькими слезами,
Во слезахъ, во горючихъ, слово вымолвилъ:
— „Не жаль мнѣ, не жаль
Своего роднаго племянничка,
Жаль мнѣ сенаторовъ!“
Какъ вскричалъ-то, возгаркнулъ
Своимъ громкимъ голосомъ:
— „Писаря-ли вы мои, писаря,
Мои молодые,
Напишите вы Царю грамоту
Поскорѣе,
Мы пошлемъ же къ Царю
Генералушку посмѣлѣе!“ [1])

(Сообщилъ А. Г. Назаровъ).

30.

Изъ-за лѣсу было, лѣсу темнаго,
Изъ-за горъ-то было, горъ высокіихъ,
Не бѣлая заря занималася,
Не красно солнце выкатилося,

---

[1]) Въ отечественной войнѣ отъ Уральскаго казачьяго войска участвовало пять конныхъ полковъ: № 3-й полкъ, подъ начальствомъ подполковника Михайлова, № 4-й — полковника Назарова, № 5-й — полковника Буренина, № 6-й — подполковника Бородина и № 7-й — полковника Щапова. Всѣ эти полки, за исключеніемъ № 7-го полка, участвовали при пораженіи и изгнаніи непріятеля изъ Россіи и находились за границей.

Не двѣ арміюшки соѣзжалися:
Перва армія отъ Царя бѣлаго,
Втора армія — славна Франція.
Въ авангардъ пошли полки казачьи,
Во казачьемъ полку несчастье случилося,
Сраженьице у нихъ прилучилося:
Изъ подъ кустика, куста ракитова,
Не лютая-то змѣя выползала,
Свинцовая пуля тутъ вылетала,
Упадала она во казачій полкъ.
Никого-то въ полку не поранила,
Убивала пулечка во полку урядничка,
Ферисанушку, сына Григорьича,
По фамиліи сына Манскова;
Упадалъ онъ коню на черну гриву,
Со черной гривы — на мать-сыру-землю.
Ужъ онъ друзьямъ, братьямъ наказывалъ:
— „Ужъ вы, гой еси, братья-товарищи!
Вы коли будете на святой Руси,
На родномъ нашемъ Уралѣ-рѣкѣ,
То скажите тамъ родному батюшкѣ
Низкой поклонъ,
Родной матушкѣ — челобитьице,
Молодой женѣ — своя волюшка.
Остаюсь я здѣсь на чужой странѣ,
На чужой странѣ, все во Франціи.

(Сборникъ пѣсенъ Сахарова, ч. IV, 1839 г., стр. 295—297).

31.

На зарѣ-то было на зоренькѣ,
На зарѣ-то было, все на утренней,
На восходѣ солнца краснаго.
То не вѣтры поднималися,
Не сине море всколыхалося,
Не фузеюшка въ полѣ грянула,
Не лютая змѣя въ полѣ свиснула,

Просвиснула пу́лечка свинчатая;
Она падала, да не на землю,
Не на землю, пуля, не на воду:
Она падала во казачій полкъ,
На урочную на головушку,
Что на перваго есаулушку!
Попадала она промежъ бровей,
Промежъ ясныхъ очей.
Упадалъ есаулушка коню на черну гриву:
— „Охъ вы, братцы мои, вы товарищи!
Поднимите меня на ворона-коня,
Отвезите меня во палатушку,
Положите меня на сухо сѣно!
А кому придется вамъ быть на Уралѣ-рѣкѣ,
Поклонитесь ему, Горыновичу,
Отцу, матери, молодой женѣ;
Передайте ей, чтобъ не убивалася,
Въ свое платье убиралася
И не оставляла отца, мать моихъ“ [1]).

32.

На горѣ-то было, братцы, на высокой,
Тамъ стоялъ французскій Бонапартушка.
Онъ стоять-то стоялъ, зорко всматривался,
И въ подзорную трубу все высматривалъ.
Онъ смотрѣлъ на свою на армеюшку,
Какъ армеюшка его порастеряна
И вся малыми частями поразсѣяна,
По горамъ, по доламъ, по темнымъ лѣсамъ.
Раскидалъ, растерялъ эту армію
Нашъ россійскій Царь Александрушка.
Какъ отъ Рейна до Парижа до столичнаго
Провожать ходилъ французовъ съ угощеньицемъ,

[1]) Пѣсня эта относится къ службѣ Уральскихъ казаковъ въ отечественную войну.

Со ружейнымъ огнемъ, огнемъ пушечнымъ.
Провіантъ и фуражъ съ собой не взятъ былъ
И въ запасѣ казны тоже не было.
Напередъ-то летѣли ясны соколы, —
Казаки, братцы, все уральскіе.
На фуражировочку уральцы часто ѣздили,
Ромъ съ шампанскимъ виномъ пили въ волюшку;
На закуску къ вину брали, гнали они
Отъ французовъ скотъ въ свои лагери,
А въ продуктахъ совсѣмъ не нуждалися.
Какъ взошли въ Парижъ, во французскій градъ,
Распустили они царски знамечки,
Весь Парижъ городъ подъ квартирушки
Войска русскіе тотчасъ заняли.

(Записана со словъ 80-лѣтняго казака Требушинскаго поселка, Ананія Иванова Хохлачева).

33.

Смерть Александра Благословеннаго.

Не вечерняя-ли у насъ, братцы, зоренька, зоря спотухала,
Что не полуночная-ли у насъ, братцы, звѣздынька, звѣзда возсіяла:
Какъ во первыхъ просвѣтила эта звѣздынька Москву съ Петербургомъ,
Во вторыхъ, просвѣтила эта звѣздынька царскія полатушки.
Во полатушкахъ лежитъ Царь нашъ, батюшка,
Православный Царь, Александръ Павловичъ[1]), лежитъ онъ вспомираетъ.
Передъ нимъ-то стоитъ сама Государыня, Елизавета Алексѣевна,
Стоитъ она и слезно плачетъ по родномъ нашемъ Царѣ-батюшкѣ;

[1]) Александръ I скончался въ Таганрогѣ 19 ноября 1825 года. При сопровожденіи тѣла его черезъ Москву находился Уральскій казачій № 2-й полкъ, которымъ тогда командовалъ Е. А. Бородинъ, состоявшій въ чинѣ подполковника.

Во слезахъ она, наша Государыня, слово молвила:
— „На кого-же ты, Царь, спокидаешь свое царство?“
Отвѣчалъ ей православный Царь, Александръ Павловичъ:
— „Спокидаю-де я свое бѣлое царство
Во первыхъ, на Царя Константина Павловича,
А во вторыхъ, на Царя Николая Павловича“.

(Сообщилъ древній казакъ Дарьинскаго поселка, В. Набугорновъ).

34.

Заунывно, братцы, въ каменной Москвѣ
Въ большой колоколъ зазвонили;
Какъ не стало, братцы, въ каменной Москвѣ
Большой, братцы, державушки,
Какъ нѣту Царя у насъ, Осударюшки [1]).
Съѣзжалися къ нему, къ Осударюшкѣ,
Князья къ нему, генералушки,
Съѣзжалися къ нему, къ Осударюшкѣ,
Попы, дьяконы, архиереюшки,
И купцы къ нему именитые.
Свозили къ нему золоту́ казну,
Лили ему гробницу золотую.

(Сообщилъ В. П. Мартыновъ).

35.

Походъ съ Ціолковскимъ.

Какъ между желтыхъ песковъ
Дороженька пролегала не широкая.
Какъ по той-то, по той,
По этой по дороженькѣ
Никто по ней не прохаживалъ, —

[1]) Вмѣсто слова „осударюшки“ нѣкоторые поютъ „Петра Алексѣевича“.

Только шелъ-то, прошелъ
По ней полкъ казаченьковъ.
Попередъ-то полку, братцы,
Несли знамя царское,
Попередь-то знамя, братцы,
Ѣхалъ младъ полковничекъ,
По прозванью онъ былъ
Станиславушка Тимоѳеевичъ,
Прозваньемъ Ціолковскій.
Онъ всходилъ-то, всходилъ,
Нашъ младъ полковничекъ,
Все на горушку, на высокую,
Онъ смотрѣлъ-то, смотрѣлъ,
Нашъ младъ полковничекъ,
Все во трубочку, во подзорную.
Ничего въ полѣ онъ не усмотрѣлъ,
Только узрилъ, увидалъ,
Нашъ младъ полковничекъ,
Одну рѣчку Эмбу [1]) . . . . . .

(Сообщилъ, безъ окончанія, казакъ Ѳаддѣй Ивлевъ).

36.

Варіантъ къ этой пѣснѣ.

Лежала путь-дорожка
По гòрамъ, по доламъ,
До славной вплоть до рѣчки,
До рѣчки до Эмбы.
Никто по той дорожкѣ

[1]) Пѣсня эта напоминаетъ намъ о быстромъ и лихомъ походѣ особаго отряда Уральскихъ казаковъ, въ составѣ 800 человѣкъ, подъ командою войскового старшины Стахея Дмитріевича Мизинова, подъ главнымъ начальствомъ полковника Ціолковскаго, въ киргизскую степь, для водворенія въ ней спокойствія. Отрядъ этотъ выступилъ съ линіи Урала 22 мая 1823 года и, сослуживъ славную свою службу, лѣтомъ того-же года возвратился обратно на Уралъ.

Никто не проѣзжалъ,
А шелъ, прошелъ по тропкѣ
Одинъ казачій полкъ.
А впереди, предъ ратью,
Несутъ всѣ знамена,
За знаменами ѣдетъ
Полковникъ молодецъ.
Выходитъ нашъ полковникъ
На гору высоку,
Глядѣлъ, смотрѣлъ полковникъ
Въ подзорную трубу.
Но ничего полковникъ
Тутъ въ полѣ не видалъ,
А видѣлъ нашъ полковникъ
Одну рѣчку-Эмбу,
А вдоль по ней, по рѣчкѣ,
Ростетъ камышъ-трава.
Со вечера та травка
Чего-то поднялась,
Къ полуночи камышикъ
Опять попріутихъ.
Вотъ такъ и нашъ полковникъ:
Съ зарею поднялся,
Лишь выглянуло солнце,
Въ походъ онъ собрался.
Попросимъ-ка, ребята,
Полковника-отца,
Попросимъ его дружно
Намъ сдѣлать здѣсь привалъ.
„Позволь, позволь, полковникъ,
Намъ здѣсь поотдохнуть;
Еще позволь, полковникъ,
Намъ кòней покормить;
Еще позволь, полковникъ,
Намъ кòней разсѣдлать;
Казачьи наши сѣдла
Позволь здѣсь обсушить“.

(Отечественныя Записки, 1848 г., № 8, стр. 140).

37.

Походъ на киргизъ.

Кайбала, салтанъ-разбойникъ,
Ужъ такой-то безпокойникъ!
Въ саму зимнюю пору
Объявилъ салтанъ войну —
Объявлялъ бàтырь войну
Хану-Джангиру своему.
Казаки изъ Горъ въ походъ ходили,
По дикой степи гуляли,
Старшину Кайбалу искали,
Но ордынцевъ не видали.
Подъѣзжали ко марý,
Увидали Кайбалу.
Увидамши Кайбалу,
Заманили старшину.
Генералъ нашъ, Бородинъ,
Отъѣзжалъ въ сторону одинъ,
Подъѣзжалъ онъ ко марý,
Замаячилъ Кайбалу:
— „Ты салтанъ ли Кайбала,
Укажи намъ, гдѣ вода!“
Салтанъ съ лошади слѣзалъ,
Таку рѣчь, злодѣй, держалъ:
— „Ни воды нѣтъ, ни травы,
Лишь желты одни пески“ [1]).

(Изъ очерка „Быта уральскихъ казаковъ“, соч. І. И. Желѣзнова, изд. 1858 г., ч. I, стр. 24—25).

---

[1]) Пѣсня эта напоминаетъ собою походъ Уральскихъ казаковъ въ великій постъ 1829 года, подъ командою войскового атамана, генералъ-маіора Давыда Мартемьяновича Бородина, изъ Горской крѣпости въ степь Букѣевской орды, противъ киргизъ внутренней орды, намѣревавшихся, подъ предводительствомъ султана этой орды Каипъ-Галія Имамова, извѣстнаго какъ между казаками, такъ и между киргизами, подъ сокращеннымъ именемъ „Кайбалы“, изъ неудовольствія къ хану Джан-

38.

Изъ событія 1837 года.

Не грозна туча изъ-за облака,
Туча поднималася:
Пріѣзжалъ къ намъ, на быстрой Уралъ,
Къ намъ небывалый гость,
Не бывалый гость — Царь-наслѣдничекъ.
Старики, братцы, старожилые къ нему собиралися,
Съ лицомъ радушнымъ старики, братцы, ему поклонялися:
— „Ты заставь, заставь, Царь-наслѣдничекъ,
Насъ жить по старому,
Ты покинь, покинь, Царь-наслѣдничекъ,
Насъ на быстрой рѣкѣ“.
Не золоченая туто трубочка,
Трубочка вострубила,
Говорилъ же тутъ наслѣдничекъ
Своимъ громкимъ голосомъ:
— „Вы подите-ка, послужите за горы Кавказскія,
Усмирите-ка злую вы орду, орду не корливую,
Не корливую орду, — черкесъ со лезгинами“ . . . .

39.

Походъ Перовскаго въ Хиву.

Славно, братцы, пришло время:
Мы идемъ всѣ на Хиву,
Истребимъ Хивинско племя —
Наживемъ себѣ хвалу.

гиру, перейдти за Уралъ, но, встрѣтившись съ ними въ степи, недалеко отъ Урала, генералъ-маіоръ Бородинъ, выѣхавъ впередъ на переговоры, склонилъ Каипъ-Галія оставить свои затѣи, какъ ни къ чему доброму не ведущія, кромѣ лишь напраснаго кровопролитія и разоренія. Султанъ остановилъ движеніе киргизъ и велѣлъ разойтись по своимъ кочевкамъ. По случаю этого событія и появилась у казаковъ настоящая пѣсенка, въ которой они честятъ Кайбалу и разбойникомъ, и злодѣемъ.

Нашъ Перовскій молодецъ,
Всѣмъ казакамъ онъ отецъ,
Царь насъ съ нимъ въ походъ послалъ
И Хиву взять приказалъ.
У насъ въ лагеряхъ веселье,
Каждый день все новоселье,
Намъ дано всего сполна
И одѣты мы тепло.
Мы черезъ Эмбу перейдемъ
И Усть-Уртъ перешагнемъ,
Тамъ мы спустимся подъ горы,
Гдѣ живутъ хивинцы-воры.
Мы морозовъ не боимся,
Намъ бураны нипочемъ;
Джибаги прокляты сбросимъ,
Скинемъ теплы сапоги,
Шапки теплыя доносимъ —
Будемъ бравы молодцы.
Мы съ колоннами сойдемся,
Винну порцію запьемъ;
А хивинцевъ за ихъ дѣло
Расколотимъ подлецовъ.
Какъ въ колонну всѣ сомкнемся
И какъ грянемъ въ разъ „ура!“
Тутъ погибнетъ вся Хива.
Мы избавимъ отъ неволи
Своихъ братьевъ, земляковъ [1])...

(„Древн. и Нов. Россія“ 1880 г., № 9).

40.

Припѣвка.

„Мы, уральскіе казаки,
Идемъ съ радостью въ походъ.
Генералъ съ нами Перовскій —

[1]) Пѣсня эта напоминаетъ собою походъ двухъ уральскихъ казачьихъ полковъ (№ 4-го, подъ командою полковника Бизянова и № 5-го,

Никакихъ намъ нѣтъ заботъ:
Онъ казачью службу знаетъ,
Не оставитъ насъ ни въ чемъ;
Провіантомъ насъ проводитъ,
Фуражемъ насъ наградитъ.
Мы муниціей исправны,
Всѣмъ нарядомъ снабжены.
У насъ шашки, пики востры;
Только быть намъ воруженнымъ,
Какъ мы, словно на ученьѣ,
Разъѣзжаемъ всегда въ строй;
Командуемъ всѣмъ въ сраженьѣ,
Мы идемъ въ кровавый бой.
Вотъ намъ драться не учиться,
Мы бывали на войнахъ;
Лишь бы дали намъ сразиться,
Расчирхаемъ всѣхъ ихъ въ прахъ —
И потомъ мы возвратимся
Во Уральскій городокъ".

(Уральцы. Соч. І. И. Желѣзнова, т. III, 1888 г., стр. 115).

41.

Проводы миссіи въ Хиву.

(21 апрѣля 1841 года).

Пришелъ, братцы, новый годъ,
Мы идемъ всѣ во походъ.
Мы апрѣля дождались,
На походъ мы поднялись.
Утромъ, рано, чуть разсвѣтъ,
Трубачъ зорю протрубитъ:
Мы съ постелей поднялись,
Въ путь-дорожку собрались.

подъ командою войскового старшины Назарова), подъ общимъ начальствомъ полковника Ф. Г. Бизянова, въ зиму 1839—1840 гг., въ отрядѣ генерала Перовскаго, въ Хивинскую экспедицію.

Послы ноченьки не спали
Ихъ въ походѣ провожали.
Мы песчаные мары
Проходили и въ жары.
На утренней на зарѣ
Подходили къ Сыръ-Дарьѣ;
На Дарьѣ-рѣчкѣ стояли,
Легки лодки припасали,
Легки лодки припасали —
Посланничковъ переправляли.
Переправивши пословъ,
До хивинскихъ городовъ
Проводили, мы простились,
На родину возвратились [1]).

(Съ рукописи І. И. Желѣзнова).

42.

Уральцы возводятъ Раимское укрѣпленіе.

Вотъ приходитъ славно время,
Мы идемъ всѣ на Дарью:
Истребимъ Коканско племя,
Какъ огнемъ спалимъ траву.
Тамъ у моря, при Дарьѣ,
Мы сыскали бугорокъ.
Саженъ во сто, или болѣ,
Захватили уголокъ.
Повелѣнье получили,
За работу мы тотчасъ,

[1]) Пѣсня эта напоминаетъ намъ походъ четырехъ уральскихъ казачьихъ сотенъ, подъ командою есаула Петра Бородина, для сопровожденія миссіи, снаряженной подъ главнымъ начальствомъ Генеральнаго Штаба подполковника Бларамберга, въ Хиву и Бухару. Отрядъ этотъ выступилъ съ Урала 21 апрѣля 1841 года и слѣдовалъ черезъ киргизскую степь къ рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ. 29 сентября того-же года отрядъ этотъ возвратился на линію Урала.

Какъ Раимско укрѣпленье [1])
Очутилося у насъ.
Славно здѣсь мы поживаемъ,
Будто въ матушкѣ Руси,
Спиртомъ горе запиваемъ,
Забываемъ труды всѣ.
Мы, уральскіе казаки,
Мы умѣемъ какъ пожить:
Свинцомъ, порохомъ богаты,
Мы умѣемъ угостить...
И коканцы всѣ толкуютъ
Укрѣпленье наше взять —
Какъ грачами налетаютъ
И не знаютъ, какъ начать.

(Сообщилъ казакъ Потапъ Телятовъ).

43.

Изъ военныхъ событій 1853—1856 гг.

Сильна буря прошумѣла,
Встрепенулись всѣ края:
Межъ народа пролетѣла
Вѣсть, идти весной въ походъ.
Какъ по линіи уральской
Не сизой орелъ леталъ,
Онъ къ намъ вѣсточки приноситъ,
Царя бѣлаго приказъ:
„Двумъ полкамъ идти въ походъ!“
Ружья новыя, пистонны,
Шашки острыя имѣть, —
Подъ начальствомъ Горчакова
Лестно будетъ умереть.
Онъ намъ слова два-три скажетъ, —

---

[1]) Пѣсня эта сложена казаками по поводу возведенія ими въ 1847 году, близь устья рѣки Сыръ-Дарьи, Раимскаго укрѣпленія, которое, впослѣдствіи, упразднено и вмѣсто его, выше по Сыръ-Дарьѣ, построено Казалинское укрѣпленіе.

Шашки вонъ, пойдемъ на смерть!
Мы французовъ не боимся,
Полетимъ туда стрѣлой,
Съ басурманомъ мы сразимся
На смерть, не на животъ.
Подъ кустикомъ ракитовымъ
Казакъ голову склонилъ,
Вдругъ пронзила его сердце,
Свинцова пуля прошла;
Кровь бѣжитъ изъ этой раны
На источный на песокъ.
Солетайтеся вороны
Изъ дремучіихъ лѣсовъ,
Растерзайте мое тѣло,
По мелкіимъ по частямъ,
Растаскайте мои кости
По ракитовымъ кустьямъ.
Вы положте мои кости
По ракитовымъ кустьямъ,
Вы засыпьте мои кости
Тѣмъ источныимъ пескомъ [1]).

(Записано со словъ казака Бородинскаго поселка Савелія Рябова).

44.

Иканскій бой [2]).

(Въ первоначальномъ видѣ).

Въ степи широкой, подъ Иканомъ,
Насъ окружилъ коканецъ злой

---

[1]) Пѣсня эта относится къ Крымской войнѣ 1853—1856 гг., въ которой отъ Уральскаго войска участвовало два полка: № 1-й полкъ—подъ начальствомъ полковника П. Б. Хорошхина и № 2-й полкъ—подъ начальствомъ подполковника К. М. Чурѣева. Оба эти полка выступили съ Урала въ декабрѣ мѣсяцѣ 1853 г. и находились въ началѣ войны на Дунаѣ, а потомъ перешли форсированнымъ маршемъ въ Крымъ, гдѣ и оставались до окончанія войны, участвуя во многихъ стычкахъ противъ непріятеля.

[2]) Пѣсня эта считается сотенною пѣснею 4-й сотни № 2-го Уральскаго казачьяго полка.

И трое сутокъ съ басурманомъ
У насъ кипѣлъ кровавый бой.
Мы отступали... Онъ за нами
Толпами тысячными шёлъ,
И путь нашъ устилалъ тѣлами,
И кровь струилъ на снѣжный долъ.
Мы шли впередъ... Свистѣли пули,
И ядра рвали насъ въ куски,
Но мы и глазомъ не моргнули —
Все шли впередъ... Мы — казаки.
Мы шли впередъ; ряды рядѣли;
Геройски умиралъ казакъ;
Про плѣнъ мы слышать не хотѣли,
И, какъ траву, косилъ насъ врагъ.
И три морозныхъ дня, три ночи,
Три ночи, долгія, какъ годъ,
Въ крови и не смыкая очи,
Мы шли, сквозь тучи пуль, впередъ...
Вокругъ валились наши братья,
Коканецъ кожу съ нихъ сдиралъ,
И басурманское проклятье
Во слѣдъ намъ съ пулей посылалъ...
Свинцомъ пробитые, лежали
Герои наши здѣсь и тамъ,
И снѣгъ съ презрѣніемъ бросали
Горстьми въ лицо своимъ врагамъ;
И обезглавленное тѣло
Рубилъ врагъ въ мелкіе куски...
И тутъ не дрогнули мы... Смѣло
Всѣ ждали смерть, какъ казаки.
И, снявши голову героя,
Злодѣй къ сѣдлу ее вязалъ,
Чтобъ похвалиться послѣ боя,
Какъ онъ съ лежачимъ воевалъ...
Но вотъ, въ степной дали сверкнули
Родные, русскіе штыки, —
И всѣ отраднѣе вздохнули,
Перекрестились казаки...

Потомъ взглянули братъ на брата,
И грустно стало: — многихъ нѣтъ...
И всѣ они у супостата, —
И къ нимъ ведетъ кровавый слѣдъ...
И, слѣдомъ этимъ отступая,
Врагъ трупы мертвые терзалъ...
Но, наши головы сбирая, —
Своихъ онъ больше насбиралъ...
И мертвыхъ длиннымъ караваномъ
(Намъ послѣ сказывали такъ),
Покончивъ бойню подъ Иканомъ,
Повезъ въ подарокъ хану врагъ...
А мы, собравъ тѣла героевъ,
Могилу вырыли и въ ней,
Для мира, вѣчнаго покоя,
Зарыли всѣхъ богатырей...
И маръ насыпали надъ ними —
Пусть вѣки-вѣчныя стоитъ,
И громко съ вѣтрами степными
О нашей славѣ говоритъ.
Пусть говоритъ, какъ подъ Иканомъ
Насъ окружилъ коканецъ злой,
И какъ мы бились съ басурманомъ
За славу родины святой [1]).

(Составилъ А. П. Хорошхинъ).

---

[1]) Въ началѣ декабря 1864 года, комендантъ города Туркестана, полковникъ Жемчужниковъ, былъ извѣщенъ о направленіи къ этому городу значительныхъ непріятельскихъ скопищъ, съ цѣлью овладѣть вновь Туркестаномъ. Желая провѣрить достовѣрность этихъ свѣдѣній и, въ случаѣ подтвержденія ихъ, разузнать, по возможности, расположеніе коканцевъ, полковникъ Жемчужниковъ приказалъ есаулу (нынѣ генералъ-маіору) Сѣрову двинуться для этого, съ отдѣльною Уральскою сотнею, входившею въ составъ гарнизона города Туркестана, по направленію къ селенію Иканъ (въ 20 верстахъ отъ Туркестана) на рысяхъ. Въ рекогносцировку эту назначены были исключительно лишь тѣ урядники и казаки, лошади которыхъ отличались быстротою бѣга; такихъ казаковъ оказалось всего только 98 человѣкъ. Кромѣ того, этой сотнѣ былъ переданъ, на случай нападенія непріятеля, одинъ горный единорогъ при четырехъ артиллеристахъ. Есаулъ Сѣровъ выступилъ, по ука-

45.

Иканскій бой.

(Въ исправленномъ видѣ).

Въ степи широкой, подъ Иканомъ,
Насъ окружилъ коканецъ злой,
И двое сутокъ съ басурманомъ
У насъ кипѣлъ кровавый бой.
Мы залегли... Свистѣли пули
И ядра рвали все въ куски,
Но мы и глазомъ не моргнули —
Стояли мы... Мы — казаки...

занію, 4 декабря и ночью того-же числа подошелъ къ селенію Иканъ, гдѣ, находившійся тутъ двѣнадцати-тысячный отрядъ коканцевъ, подъ предводительствомъ тогдашняго правителя Коканскаго ханства Алимкула, окружилъ со всѣхъ сторонъ отрядъ есаула Сѣрова, который успѣлъ, однако, отступить на заранѣе замѣченную позицію. Казаки спѣшились; изъ мѣшковъ съ провіантомъ и фуражемъ и изъ верблюдовъ и лошадей устроили наскоро брустверъ, дабы, прикрываясь за нимъ отъ нападавшихъ со всѣхъ сторонъ коканцевъ, посылать, въ свою очередь, и имъ свои свинцовыя конфекты. Выстрѣлы казаковъ были настолько удачны, что коканцы, намѣревавшіеся было нѣсколько разъ штурмовать казаковъ, принуждены были строить мантелеты и подвозить арбы, подъ прикрытіемъ которыхъ стали подходить къ расположенію сотни. 4, 5 и 6 декабря казаки бились съ неизмѣримо превосходившею ихъ силою, и только тогда, когда большая часть храбрецовъ пала въ неравномъ бою, а горный единорогъ, вслѣдствіе порчи, оказался негоднымъ къ употребленію, есаулъ Сѣровъ, видя, что и всѣ остальные изранены, рѣшилъ отступать. Не взирая на безчисленныя нападенія непріятельскихъ массъ, казаки храбро отражали эти нападенія своими выстрѣлами и, пройдя нѣсколько верстъ среди окружавшихъ ихъ непріятельскихъ полчищъ, пробились наконецъ чрезъ нихъ для того, чтобы соединиться съ высланнымъ изъ Туркестана на помощь отрядомъ. Изъ 108 человѣкъ, бывшихъ въ сотнѣ, 56 человѣкъ заплатили жизнью за свой геройскій подвигъ, а 43 — тяжко изранены. Послѣдствіемъ такой геройской битвы было то, что Алимкулъ не дерзнулъ уже больше нападать со своими полчищами на гарнизонъ Туркестана и постыдно отступилъ отъ него, не достигнувъ предположенной цѣли. За этотъ славный подвигъ есаулъ Сѣровъ Всемилостивѣйше произведенъ въ чинъ войскового старшины и награжденъ орденомъ Св. Георгія 4-й степени, а всѣмъ про-

И смерть носилась, мы рѣдѣли;
Геройски все стоялъ казакъ;
Про плѣнъ мы слышать не хотѣли
(А этого желалъ нашъ врагъ).
Держались мы два дня, двѣ ночи,
Двѣ ночи, долгія, какъ годъ,
Въ крови и не смыкая очи.
Затѣмъ мы ринулись впередъ...
Вокругъ валились наши братья,
Коканецъ кожу съ нихъ сдиралъ
И басурманское проклятье
Во слѣдъ намъ съ пулей посылалъ...
Свинцомъ пробитые, лежали
Герои наши здѣсь и тамъ,
И снѣгъ съ презрѣніемъ бросали
Горстьми въ лицо своимъ врагамъ;
И обезглавленное тѣло
Рубилъ врагъ въ мелкіе куски...
Но мы не дрогнули... и смѣло
Всѣ ждали смерть, — какъ казаки.
И снявши голову героя,
Злодѣй къ сѣдлу её вязалъ,
Чтобъ похвалиться послѣ боя,
Какъ онъ съ лежачимъ воевалъ...
Но вотъ, въ степной дали сверкнули

чимъ казакамъ, оставшимся въ живыхъ, пожалованы знаки отличія военнаго ордена и кромѣ того выдано еще въ награду по 3 руб. Спустя 20 лѣтъ послѣ этого знаменитаго Иканскаго боя, по ходатайству бывшаго наказного атамана Уральскаго казачьяго войска, генералъ-лейтенанта князя Голицына, въ ознаменованіе особаго Монаршаго благоволенія къ подвигамъ, мужеству и храбрости означенной сотни въ этомъ дѣлѣ и для увѣковѣченія блестящаго дѣла этого въ памяти Уральскихъ казаковъ, въ концѣ 1884 года, 4-й сотнѣ Уральскаго казачьяго № 2-го полка Высочайше пожалованы знаки отличія на головные уборы съ надписью: „За дѣло подъ Иканомъ 4, 5 и 6 декабря 1864 года“. Въ настоящее время на полѣ битвы поставленъ памятникъ изъ жженаго кирпича, обнесенный оградою изъ 8 орудій, соединенныхъ тормазными артиллерійскими цѣпями и затѣмъ вокругъ этого памятника разведенъ садикъ.

Родные, русскіе штыки
И всѣ отраднѣе вздохнули,
Перекрестились казаки...
Потомъ взглянули братъ на брата,
И грустно стало: — многихъ нѣтъ...
И всѣ они у супостата,
И къ нимъ ведетъ кровавый слѣдъ...
И, слѣдомъ этимъ отступая,
Врагъ трупы мерзлые терзалъ...
Но, наши головы сбирая,
Своихъ онъ больше насбиралъ...
И мертвыхъ длиннымъ караваномъ
(Намъ послѣ сказывали такъ),
Покончивъ бойню подъ Иканомъ,
Повезъ въ подарокъ хану врагъ...
А мы, собравъ тѣла героевъ,
Могилу вырыли, и въ ней,
Для мира, вѣчнаго покоя,
Зарыли всѣхъ богатырей...
И маръ насыпали надъ ними —
Пусть вѣки-вѣчныя стоитъ,
И громко съ вѣтрами степными,
О нашей славѣ говоритъ.
Пусть говоритъ, какъ подъ Иканомъ
Насъ окружилъ коканецъ злой,
И какъ мы бились съ басурманомъ
За славу родины святой.

(Изъ брошюры „Иканскій бой 4, 5 и 6 декабря 1864 года". М. П. Хорошхина. Спб., 1884 г.).

46.

Иканскимъ героямъ.

(Пѣсня эта поется на мотивъ: „Куда ты ведешь насъ — не видно не зги!". — Жизнь за Царя).

Хвала вамъ, уральцы, герои Икана!
Вы славу умножили предковъ своихъ,
Давно побѣдившихъ врага-басурмана

За быстрымъ Ураломъ, въ пустынныхъ степяхъ.
И сколько же мужества, нравственной силы,
Къ престолу, къ отчизнѣ высокой любви
Оказано вами на краѣ могилы,
При видѣ товарищей, павшихъ въ крови!
Вашъ маленькій лагерь былъ въ полѣ обложенъ,
Какъ островъ волнами морскими кругомъ,
И путь къ отступленію былъ загороженъ
Стократно сильнѣйшимъ, свирѣпымъ врагомъ.
Безъ сна и безъ пищи, три дня отражали
Вы дикихъ коканцевъ стрѣльбу и напоръ;
Напрасно вамъ сдаться они предлагали —
Съ презрѣньемъ отвергли вы ихъ договоръ.
Предъ явною смертью вы духомъ не пали.
Начальникъ сказалъ вамъ: „умремъ, иль уйдемъ!“
„Умремъ всѣ, но съ честью!“ вы дружно вскричали
И ринулись смѣло впередъ, на проломъ.
На мигъ непріятель пришелъ въ изумленье,
Геройскою дерзостью былъ пораженъ;
Но тотчасъ коканцы пришли въ изступленье,
Сплотились, стѣснили со всѣхъ васъ сторонъ.
Возможно ль представить ужаснѣй картину?
Въ упоръ въ васъ стрѣляли и сбить не могли...
Вы кровью смочили степную равнину,
Дорогой кровавой верстъ восемь прошли.
Герои всѣ вмѣстѣ и каждый отдѣльно, —
Никто, умирая, изъ васъ не стоналъ,
И раненый, только еще не смертельно,
До раны смертельной отважно стоялъ.
Одежду всю верхнюю вы побросали —
Такъ жарко вамъ было подъ градомъ свинца;
Убитыхъ товарищей ружья ломали,
Сражаясь упорно съ врагомъ до конца...
Хвала вамъ, Иканцы, и честь вамъ по праву!
Вы правы предъ долгомъ и русскимъ царемъ,
И знамени войска доставивши славу,
Вы многое дали потомкамъ взаёмъ.

(Н. Ф. Савичевъ).

47.

Уральцы въ походѣ у Адаевцевъ.

(Событіе 1870 года).

Въ Мангишлакѣ былъ начальникъ—
Подполковникъ былъ Рукинъ.
Издавна тамъ дѣло длилось,
Скоро высланъ въ фортъ приказъ.
Царь что скажетъ, будетъ вѣрно
И исполнится какъ разъ:
Той бумаги содержанье:
На киргизъ взложить налогъ.
Несмотря на то, полковникъ
Шлетъ посланника въ орду,
Чтобы біи въ фортъ съѣзжались
Къ марту пятому числу.
— „Переведи имъ, переводчикъ:
Ставку буду дѣлать я
И борьба будетъ отлична—
Всѣхъ шалями передарю“.
Соѣзжалось біевъ много
И случилось тутъ какъ разъ:
Тутъ полковникъ былъ прилеженъ,
Руку каждому давалъ.
Онъ зашелъ промежъ кибитокъ,
Такъ Маяеву [1]) сказалъ:
— „Приведи верблюдовъ двадцать,
Я хочу въ походъ идти!“
Онъ взглянулъ глазомъ не мило
И дрожась ему сказалъ:
— „Хорошо-съ, будутъ готовы;
Какъ прикажете привесть?“
— „Ко пятнадцатому марту
Чтобъ готовы были здѣсь!“

[1]) Заурядъ-хорунжій Бій Бай-Магометъ Маяевъ, — управляющій верхней дистанціей Адаевскаго рода киргизъ, кочующихъ въ Усть-Уртѣ

Шлетъ другой приказъ по форту:
Выбрать сорокъ казаковъ,—
У всѣхъ ружья нарѣзныя,
Чтобъ готовились въ походъ,
Взявъ на мѣсяцъ провіанта
И завьючивъ верблюдовъ.
Въ воскресенье, послѣ обѣда,
Передъ выходомъ въ походъ,
Какъ молебенъ отслужили,
Перекрестились, да пошли.
Передъ дворомъ остановились
И построились фронтомъ;
Тутъ Рукинъ, полковникъ, вышелъ: —
— „Здорово, братцы!“ намъ сказалъ;
— „Мы идемъ въ походъ на мѣсяцъ,
Съ Богомъ, братцы“, — онъ сказалъ
И скомандовалъ „направо“, —
Командиръ нашъ [1]) напередъ.
Тутъ мы грянули всѣ пѣсню
И смотрѣлъ на насъ народъ;
А въ отрядѣ былъ вожака—
Здѣсь знакома ему степь.
Онъ повелъ отрядъ изъ форта
Прямо въ горы „Сарташи“ [2]);
Въ Сарташахъ мы ночевали,
Рано встали на зарѣ,
Живо вьючили верблюдовъ,
И отправились впередъ.
Вдругъ киргизъ Адайска рода
Выбѣгаилъ къ намъ въ отрядъ,
Передалъ такую рѣчь:
— „Собралась орда въ горахъ!“
Ихъ, поганцевъ, было много,
Ровно чернаго грача.
Они съ крикомъ налетали,

[1]) Хорунжій Лявкинъ.
[2]) Урочище близъ Каспійскаго моря.

Выстрѣлъ сдѣлали въ отрядъ.
Нашъ Багайдинъ [1]), славный воинъ,
Выбѣгалъ къ нимъ напередъ.
Онъ надѣялся на храбрость,
Побѣдить хотѣлъ врага.
Вдругъ несчастье съ нимъ случилось:
Не ударило ружье!
А киргизъ было такъ много,
Дальше идти было нельзя;
Тутъ отрядъ былъ остановленъ,
Какъ убили молодца.
Его тѣло схоронили
Въ той же дикой сторонѣ...
. . . . . .
Память вѣчная Уральцамъ,
Гдѣ тѣла ихи лежатъ:
Тѣла тлѣются героевъ
Въ той далекой сторонѣ.
И Рукинъ ихъ, подполковникъ
Положилъ среди степей [2]).

(Сообщилъ В. А. Чурѣевъ, изъ Сарайчиковской станицы).

48.

Походъ Кауфмана въ Хиву.

Мы давно сжились съ степями
И давно привыкли къ нимъ,—
И предъ дикими ордами
Ужъ не первый разъ стоимъ.

---

[1]) Урядникъ.

[2]) Пѣсня эта есть чисто казачьяго творчества, въ которой казаки воспѣваютъ походъ своихъ станичниковъ-уральцевъ на Мангишлакѣ въ 1870 году. Весною этого года, для конвоированія Мангишлакскаго пристава, подполковника Рукина, его помощника, есаула А. Ф. Логинова, и управляющаго верхней дистанціей Адаевскаго рода киргизъ, заурядъ-хорунжаго Маяева, при поѣздкѣ ихъ въ степь для ввода въ дѣйствіе новаго положенія между киргизами, было назначено, изъ состава гарнизона форта Александровскаго, тридцать-восемь казаковъ и два урядъ-

Вотъ велѣлъ намъ Царь Великій
На Хиву идти въ походъ,
И раздались всюду клики:
За Царя! за Русь! — впередъ!
Черезъ горы въ непогоду,
Припѣваючи прошли...
Слава русскому народу!—
Дѣти русской мы земли!
И прошли мы степь, какъ море,
Сквозь песчаный ураганъ...
Тамъ онъ ходитъ на просторѣ,
Вьетъ съ бархана на барханъ...
Тамъ и птица не летаетъ,
Лишь песокъ летитъ столбомъ...
А теперь весь миръ ужъ знаетъ,
Что намъ степи нипочемъ.
Слава намъ! Хивинецъ дикій
Свою голову склонилъ.
Что задумалъ Петръ Великій,
Александръ то довершилъ!..
И прислалъ онъ намъ „спасибо“
И медали далъ войскамъ:
На край свѣта мы пошли бы
За такую милость къ намъ.
Шелъ Бековичъ въ оны годы

ника, подъ начальствомъ хорунжаго Ливкина. Выступивъ изъ форта 15 марта, Рукинъ направился съ отрядомъ мимо полуострова Бузачи на заливы Карагачъ и Александръ-Бай, но 23 марта, въ горахъ Саратыши, отрядъ былъ внезапно окруженъ большимъ скопищемъ киргизъ Адаевскаго рода. Казаки остановились, спѣшились и въ такомъ положеніи находились три дня, т.-е. до 25 марта, дѣлая перестрѣлку съ осаждавшими ихъ киргизами. Потерявъ въ этой перестрѣлкѣ трехъ человѣкъ убитыми и нѣсколько ранеными, 25 марта, въ половинѣ дня, по настойчивому приказанію подполковника Рукина, казаки сложили оружіе въ кучу (см. „Уральскія вѣдомости“ 1870 года №№ 8 и 37); киргизы набросились на измученныхъ трехъ-дневнымъ боемъ казаковъ, задавили ихъ, такъ сказать, своею силою; сначала они взяли оружіе, а потомъ, забравъ казаковъ въ плѣнъ, подѣлили ихъ между собою. Виновникъ этого постыднаго дѣла, Рукинъ, застрѣлился тутъ-же, на мѣстѣ, изъ револьвера.

И Перовскій ратовалъ:
Но пропали ихъ походы,
И давно ихъ слѣдъ пропалъ...
Только нашъ походъ суровый
Будутъ помнить, будутъ чтить,
Но вѣдь намъ совсѣмъ не ново
Царю бѣлому служить!.. [1])

(А. П. Хорошхинъ).

49.

На взятіе Хивы.

Ночи темны, тучи грозны,
По поднебесью идутъ.
Идутъ, идутъ казаченьки,
Идутъ они тихимъ маршемъ,
И межъ собою говорятъ:
— „Хотя трудно намъ, ребята,
Подъ хивинцами стоять, —
Труднѣй того намъ, казакамъ,
Подъ пушечки подбѣгать.
Мы подъ пушки подбѣжали,
Закричали въ разъ: „Ура!“
Ура, ура! городъ взяли,
Затряслися стѣны-валъ.
Вы злые, лютые хивинцы!
Покоритеся вы намъ.

---

[1]) Въ Хивинской экспедиціи 1873 года, въ составѣ Туркестанскаго отряда, были двѣ отдѣльныя Уральскія казачьи сотни подъ №№ 1-й и 3-й, подъ начальствомъ войскового старшины Криденера и есаула Хлѣбникова, которыя, за отличіе въ этомъ походѣ противъ туркменъ и хивинцевъ, награждены особымъ знакомъ на головномъ уборѣ, съ надписью: „за отличіе въ Хивинскомъ походѣ 1873 года“. Высокую награду эту, изображенную лентой на папахѣ, носятъ въ настоящее время всѣ чины 1-й и 3-й сотенъ, находящихся въ составѣ Уральскаго казачьяго № 2-го полка.

Если-жь вы намъ не коритесь, —
Пропадете, какъ трава!
Идетъ съ нами мать-Россія,
Всѣмъ сударствамъ голова!“ [1])

(„Уральцы“, соч. І. И. Желѣзнова, изд. 1888 г., т. І, стр. 34).

50.

На Михайловъ день,
Собираются
Во единый кругъ
Казаки-братцы.
Они празднуютъ
Праздникъ войска,
Съ утра раннева
Вплоть до вечера.
Среди круга стоитъ
Знамя царское,
Войсково знамя,
Георгіевское.
Казаки, братцы,
Старожилые,
Передъ нимъ стоятъ,
Богу молятся.
Ужъ ты знамечко,
Знамя царское:
Ты—награда намъ
Осударева.
Заработали мы
Тебя, знамечко,

[1]) Пѣсня эта, какъ видно, передѣлана казаками изъ старой солдатской пѣсни Суворовскихъ временъ, составленной при взятіи Варшавы, а потому казачьяго творчества въ ней весьма немного. Въ хивинской экспедиціи 1873 года, въ составѣ Оренбургскаго отряда, состояло три отдѣльныя сотни Уральскаго казачьяго войска, подъ №№ 1, 2 и 3, подъ начальствомъ есауловъ: А. Л. Гуляева, С. Е. Толстова и Л. Г. Логинова. Изъ нихъ двѣ первыя сотни участвовали во всѣхъ дѣлахъ Оренбургскаго отряда, бывшаго въ Хивинской экспедиціи, а послѣдняя, т.-е. 3-я — только въ дѣлѣ подъ городомъ Кунградомъ.

Не плугомъ, не сохой,
Не лопатою:
Заработали мы
Это знамечко
Шашкой вострою
И винтовкою.
Вмѣсто пота, лилась
Кровь горячая
Удалыхъ казаковъ,
Добрыхъ молодцевъ.
Развѣвайся-жь теперь,
Знамя царское,
И напомни ты намъ
Наши доблести.
За Царь и за Русь
Мы помолимся,
А въ честь праздника
Выпьемъ водочки [1]).

(В. Чалусовъ).

---

[1]) Михайловъ день — 8 ноября, есть историческій войсковой праздникъ Уральскаго войска. Послѣ пожалованія въ 1884 году войскового Георгіевскаго знамени, казаки ежегодно чтятъ этотъ историческій день своимъ празднествомъ.

ОТДѢЛЪ IV.

ВОЕННЫЯ ПѢСНИ.

1.

По степямъ-то, степямъ все раздольнымъ [1])
Пролегала тутъ путь-дороженька не широкая,
Далекимъ-то она пошла, конца-краю нѣтъ.
Никто по этой дороженькѣ не прохаживалъ,
Никто слѣдъ-пути не прокладывалъ.
Только шелъ-прошелъ одинъ сивый, рѣзвый конь,
На боку-то онъ пронесъ сѣделице казацкое,
Полуженыя его стременьица по копытамъ бьютъ,
Ременные поводьица коню ноги путаютъ;
За конемъ-то шелъ разудаленькій, добрый молодецъ,
Добрый молодецъ, удалой казакъ.
Онъ не пьянъ-то шелъ, но шатаился,
За ковыль-травку запинаился [2]),
Горючьми слезми, разудаленькій, заливаился.
Онъ вскричалъ, взгаркнулъ своимъ голосомъ:
— „Ты постой, не бѣги, сивый-рѣзвый конь,
Ужъ мнѣ моченьки нѣтъ за тобой идти:
Одолѣли меня, добра молодца, кровавы раны,
Разломило мои могучи плечи нести знамя царское“...
. . . . . .

(Сообщилъ, безъ окончанія, казакъ Григорій Семіонычевъ).

---

[1]) Нѣкоторые казаки поютъ эту пѣсню и такъ: „По лѣсамъ-то, лѣсамъ, все по лѣсикамъ по дремучімъ“.

[2]) Слова эти замѣняются слѣдующими: „За кусты, прутья запинаился“.

2.

Ахъ, долина моя, ты долинушка,
Ты широкое мое раздольице!
Какъ не пѣшъ-то я по тебѣ хожу
И сѣделице за плечами ношу,
Цвѣтно платье въ торока вяжу,
А добра коня въ поводу веду
За тоненькій поводъ шелковый,
За ту узду, за тесьмянную,
За то кольцо, за серебряно.
Хозяинъ-то рѣчь возговоритъ:
— „Что, рѣзвый конь,
Не веселъ стоишь,
Повѣсилъ ты свою буйную голову?
Аль я на тебѣ тяжелъ сижу?
Аль тяжела моя сбруя ратная?
Аль остро копье булатное?“
Конь хозяину рѣчь возговоритъ:
— „Ты, хозяинъ мой, мой ласковый!
Не тяжелъ ты на мнѣ сидишь,
Не тяжела твоя сбруя ратная,—
Тяжелы мнѣ дальни переходушки,
Безводица, коню, безкормица.
А мнѣ, коню, идти по неволюшкѣ,
А тебѣ, добру молодцу, по охотушкѣ;
Тяжела мнѣ служба Чуманова,
Чуманова, сына Урманова.

3.

Какъ не сонъ-то клонитъ
Мою буйную головушку,
Не сонъ, не дремота валитъ:
То валитъ-то мою головушку
Печаль, да кручинушка;
Какъ съ того-то коня, коня иноходаго

И съ того-то сѣдла,
Сѣдла, добра молодца, черкасскаго,
И со тѣхъ-то струменъ, струменъ булатныихъ.
Рѣзвый конь-то его, добра молодца,
Былъ заносливый,
А уздечка коня, добра молодца,
Узда была тесьмянная,
Удила-то у ней были серебряны;
Вдругъ уздечка-то его тесьмянная разрывалася,
Серебряное-то его колечко распаялося, —
И занесъ-то его сивый, рѣзвый конь
Ко батюшкѣ Черну-морю.
А по Черну-морю растетъ камышъ-травынька,
Все камышъ-трава растетъ,
И листочки у ней пообрѣзаны...

. . . . . .

(Сообщилъ, безъ окончанія, С. А. Плуткинъ).

4.

Варіантъ.

Какъ не сонъ-то клонитъ
Мою буйную головушку,
Не сонъ, не дрема валитъ
Со того коня добра молодца,
Съ коня иноходаго;
Со того-ли сѣдла меня, добра молодца,
Со сѣдла черкасскаго;
Со того-ли стремя
Меня, добра молодца,
Со стремя булатнаго.
Вдругъ несчастьице
Надъ добрымъ молодцемъ,
Несчастье случилося:
Какъ желѣзное его колечко,
Кольцо распаялося,
Не тесьмянная его уздечка,

Узда разрывалася.
У меня-же, вотъ, у добра молодца,
Конь заносливый:
Заносилъ-то меня, добра молодца,
Во дикую степь, къ непріятелю.

(Сообщилъ казакъ Иванъ Соболевъ).

5.

Какъ за рѣчкою, за Кубанкою,
Тамъ казакъ гулялъ, добрый молодецъ;
Своего коня спасалъ,
Ковыль-травку рвалъ,
На огонь ее клалъ —
Клалъ, раскладывалъ;
Свои раны перевязывалъ.
— „Ужъ вы, раны, мои раны,
Вы тяжелыя,
На подживъ раны пошли;
Одна ранушка тяжелая,
На подживъ рана нейдетъ,
Тяжелымъ-тяжела,
Ко сердечку подошла!“
Возговорилъ тутъ добрый молодецъ
Коню своему, коню быстрому:
— „Ужъ ты, конь-ли мой, конь,
Конь, товарищъ мой!
Я съ тобою здѣсь одинъ распрощаюся:
Побѣгай-ка, мой конь,
Въ землю русскую,
Не давайся ты, конь, непріятелю,
Только дайся ты, конь,
Брату родному;
Ты скажи-ка, скажи отцу съ матерью,
Поклонись, поклонись до сырой земли;
Молодой-же женѣ челобитьице,
И скажи-ка ей волю полную:

Хочетъ, замужъ идетъ,
Хочетъ, во вдовахъ живетъ“ [1]).

(Сообщилъ урядникъ Лупъ Бирюковъ).

6.

Варіантъ.

Ахъ ты поле мое, поле чистое,
Ничего ты, поле, не породило!
Породило поле кустъ ракитовый.
Подъ кустомъ-то лежитъ добрый молодецъ,
Добрый молодецъ, молодой казакъ;
Молодой казакъ не убитъ лежитъ,
Не убитъ лежитъ, шибко раненый;
Въ головахъ у него—бѣлъ-горючъ камень,
Во рукахъ у него — сабля вострая,
Во груди у него—пуля быстрая,
А въ ногахъ у него стоитъ добрый конь:
— „Ужъ ты, конь-ли мой, конь, ты товарищъ мой!
Побѣгай-ка ты, конь, во Россіюшку,
Не давайся ты, конь, непріятелю,
Только дайся ты, конь, брату родному;
Да скажи-ка, скажи отцу съ матерью,
Поклонись, поклонись до сырой земли;
Молодой-же женѣ челобитьице
И скажи-ка ей, что усваталъ я
Все невѣстушку — свинцову пулю,
Обвѣнчала меня сабля вострая.

(Сообщилъ казакъ Григорій Семіонычевъ).

---

[1]) Подобная пѣсня, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ, существуетъ какъ у Донскихъ казаковъ (см. „Сборникъ Донскихъ казачьихъ пѣсенъ“, изд. Пивоварова 1885 г., стр. 133), такъ и у Кубанскихъ (см. „Сборникъ боевыхъ пѣсенъ“ К. Вульфа, изд. 1870 года, стр. 75), но она издавна поется и у насъ на Уралѣ, вѣроятно потому, что полки Яицкаго войска въ XVII столѣтіи безпрерывно служили посмѣнно въ низовомъ корпусѣ (по рѣкѣ Кубани) вплоть до Турецкой (Румянцевской) войны, вслѣдствіе чего нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что и пѣсня эта сложена казаками тамъ.

7.

Ужъ вы, горы мои, горы высокія,
Ничего вы, горы, не породили!
Породили только бѣлъ-горючъ камень.
Изъ подъ камушка бѣжитъ быстра рѣченька,
Какъ по рѣчкѣ плыла сѣра утица,
Плывши, она вдругъ воскрякнула:
— „Ужъ ты плавай, плавай, селезень, не заплавайся,
На меня, сѣру утицу, не заглядывайся“.
Какъ по правое крыло растетъ часть-ракитовъ кустъ,
На кусту-то сидитъ младъ-сизой орелъ,
Во когтяхъ-то онъ держалъ черна ворона,
Онъ щипать-то его не щипалъ,
Крѣпко спрашивалъ:
— „Гдѣ ты, воронъ, былъ? отвѣчай-ка мнѣ“.
— „Я леталъ, воронъ, по дикой степи,
По дикой-то степи, по бухарской,
И я видѣлъ тамъ чудо дивное:
Подъ кустомъ-то лежитъ тѣло бѣлое,
Тѣло бѣлое, все казацкое;
Никто къ тѣлу тому не подступится,
Прилетали только три ласточки,
Какъ три ласточки, три касаточки.
Какъ и первая ласточка — его родна матушка,
А вторая ласточка — родная его сестрынька,
Какъ и третья-то ластынька — молода его жена.
Первая ластынька плачетъ, какъ рѣка быстра течетъ,
Вторая ластынька плачетъ, словно съ горъ ручьи текутъ,
Третья ластынька плачетъ, словно утренняя роса:
Какъ и солнышко взойдетъ — роса высохнетъ“.

(Сообщилъ изъ Дарьинскаго поселка А. Е. Митрясовъ).

8.

Варіантъ.

Ужъ вы, горы-ли, горушки высокія,
Ничего-то вы, горы, не породили!

Спородили вы только, горушки,
Одинъ бѣлъ-горючъ камень.
Изъ подъ камешка бѣжитъ
Быстра рѣченька,
Быстра рѣченька, Эмба матушка;
Какъ по бережку растетъ
Частъ-ракитовъ кустъ,
На кустѣ сидитъ пестрая кукушечка,
Подъ кустомъ лежитъ добрый молодецъ,
Въ головахъ-то у него
Лежитъ шашка острая,
А въ ногахъ-то стоитъ
Его рѣзвый конь:
— „Ужъ ты, конь ли мой, конь,
Конь вороненькій!
Ты бѣги-ка, конь,
Къ моей молодой женѣ,
Ты скажи-ка ей,
Что женился я въ иной странѣ,
Во иной странѣ, въ басурманской...

(Сообщилъ безъ окончанія, казакъ В. Набугорновъ).

9.

Нѣту, нѣту у молодца,
Нѣту ни товарища;
Товарищъ у молодца —
Его добрый конь,
Слуга его вѣрный —
Крѣпкій, тугой лукъ,
Посланникъ у молодца —
Калена стрѣла.
Куда стрѣлочку не пошлетъ—
И самъ за ней идетъ.
Послалъ ее добрый молодецъ
Во чисто поле;
Во чистомъ во полюшкѣ
Огонекъ горитъ.

Огонекъ, братцы, горитъ
Малъ-малехонекъ,
А у этого огня
Лежитъ добрый молодецъ:
Не убитый лежитъ онъ —
Крѣпко раненый;
Въ головахъ у молодца
Стоитъ чуденъ крестъ,
Во рукахъ у молодца —
Шашка острая,
А въ ногахъ у молодца —
Его добрый конь.
Конь копытомъ землю бьетъ
Хозяина пробуждаетъ:
— „Встань-ка, встань хозяинъ мой,
Хозяинъ родной!
Ты садись-ка на меня — поѣдемъ домой,
Поѣдемъ домой, къ женѣ молодой.

(Сообщилъ казакъ Иванъ Максимовичъ Соболевъ).

10.

Туманы вы мои, туманушки,
Туманы вы мои разосенніе!
Не подняться ли вамъ, туманушкамъ,
Со синя-моря долой,
А намъ, разудалыимъ казаченькамъ,
Со чиста поля домой!..
Ты, печаль ли моя, кручинушка,
Зла, мучительна тоска!
Не отстать ли тебѣ, кручинушка,
Отъ ретива сердца прочь!
Какъ вечоръ-ночесь, мнѣ, добру-молодцу,
Ночка темна не спалась;
Какъ вечоръ-ночесь, мнѣ, добру молодцу,
Много видѣлось во снѣ:
Будто я убитъ, добрый молодецъ, на бухарской на сторонушкѣ,

Близь Индерскихъ горъ, у Яикушки;
Будто я лежу, разудаленькій, на дикой степи,
А постелюшка мнѣ, добру молодцу, — ковыль-травка постлана,
Изголовьице мнѣ, разудалому, — бѣлъ-горючъ камень лежитъ,
Одѣялице мнѣ, добру молодцу, — темна ночка надо мной;
Мои рѣзвы ноженьки вдоль дороженьки лежатъ,
Мои бѣлы ручушки врозь разложены,
Кудри мои русыя буйнымъ вѣтромъ разнесло,
Очи мои ясныя желтымъ пескомъ засыпаны,
Тѣло мое бѣлое, черны вороны клюютъ;
Сквозь костей-то моихъ, ребрышковъ,
Трава-мурава растетъ,
Ретиво мое сердечушко змѣя лютая сосетъ.

(Сообщилъ В. П. Мартыновъ).

11.

Какъ не ясенъ-то соколъ,
Соколъ по горамъ леталъ,
Молодой-то офицеръ
По полкамъ скакалъ;
Молодые казаки его
Во строю стоятъ,
Во строю стоятъ,
Всѣ на коняхъ сидятъ.
Какъ одинъ-то казачёкъ
Сидитъ, призадумался:
Подъѣзжалъ тутъ къ нему
Младъ полковничекъ,
Началъ спрашивать его,
Все выспрашивать:
— „Что ты, что ты, казачекъ,
Сидишь-призадумался?
Или жалко тебѣ
Свою казачью сторонушку,
Или жалко тебѣ
Отца съ матерью,

Или жалко тебѣ
Свою молодую жену,
Или жалко тебѣ, казакъ,
Малыхъ дѣтушекъ?“
Отвѣчалъ казакъ
Правду-истину:
— „Нѣтъ, мнѣ жаль только
Малыхъ дѣтушекъ...
Малыхъ дѣтушекъ, горемычныихъ,
Что остались они наги, босые,
Насидятся теперь за столомъ голодные,
Наглядятся они кусочка поданнаго“.
(Сообщилъ казакъ Григорій Семіоничевъ).

12.

Славно, браво, казаки,
Уральскіе молодцы,
Мы всегда служить готовы
Всѣмъ начальничкамъ на славу.
Командиръ нашъ, Бородинъ,
Онъ служилъ съ нами одинъ,
Командиръ онъ нашъ, отецъ,
Нашей радости творецъ.
Командиръ нашъ приказалъ
Вечеромъ въ парадѣ быть
Противъ царскаго дворца,
У Александрина крыльца.
Государь нашъ выходилъ
Съ Бородинымъ онъ говорилъ.
Бородинъ тутъ не робѣлъ
Показалъ Царю примѣръ [1]).
Царь по фронту проходилъ,
Похвальбой насъ наградилъ;
Похвальбой насъ наградилъ,
По домамъ всѣхъ распустилъ.
(Сообщилъ казакъ Давыдъ Кучкинъ).

[1]) Своей службы.

13.

Вспомни, вспомни, Шамиль-бергель,
Какъ несчастный ты теперь;
Знать по дѣлу ты страдаешь
И одежды на тѣ нѣтъ.
Вмѣсто мягкихъ подушекъ
И каменья тебѣ въ честь.
Что-то сдѣлалось Тавлинцамъ,
Взбунтовались межъ собой.
Генералъ Клюка [1]) услышалъ—
Переправу утверждалъ.
Бородинъ [2]), нашъ герой храбрый,
Съ полкомъ въ помощь поспѣшалъ.
Тутъ орудія гремѣли,
Ружей звукъ въ ушахъ звенѣлъ...

. . . . . .

(Сообщилъ казакъ Бородинскаго поселка Потапъ Телятовъ).

14.

Слава русскому казаку
Съ командиромъ молодцомъ:
Мы докажемъ супостату
Дружбу пикой и ружьемъ.
Встрепенется ретивое,
Какъ забьютъ походный маршъ.
Слышно было воеванье—
Выступаилъ отрядъ нашъ.
Еще слышно, за Сулакомъ
Куралесилъ тамъ Шамиль.
Онъ спознался съ разной дрянью,
Расхрабрился онъ, какъ бѣсъ.

---

[1]) Клюки-фонъ-Клугенау.

[2]) Полковникъ Иванъ Ивановичъ Бородинъ командовалъ Уральскимъ казачьимъ № 7 полкомъ въ бытность его на Кавказѣ, въ 1841—1846 гг.

Намъ война давно знакома,
Мы вездѣ съ ней обошлись.
Ты теперь, знакомецъ новый,
Насъ въ баталіи дождись.
Мы къ Воздвиженью успѣемъ,
На Петровъ домой придемъ;
Мы Шамиля-лиходѣя
Крестъ научимъ цѣловать.
А что послѣ съ нами будетъ —
Командиры знать должны.
Скажутъ, близь казаки рубять;
Скажутъ, шашки жай въ ножны;
Все-то шашкой сдѣлать можно,
Всюду можно побѣждать [1]).

15.

На Каспійскомъ на морѣ
Стоитъ крѣпость на горѣ:
Кругомъ камнемъ обнесена
И барбеты по стѣнамъ;
Пушки мѣдныя блестятъ,
На всѣ стороны глядятъ.
Комендантъ къ намъ подходилъ
Насъ, уральцевъ, благодарилъ.
Комендантъ у насъ веселый,
Герой храбрый, молодецъ.
Полковничекъ Маевскій,
Всѣмъ казакамъ онъ отецъ.
Онъ казачью службу знаетъ,
Не оставитъ насъ ни въ чемъ:
Провіантъ мы получаемъ
И довольны мы харчемъ;
Винну порцію получимъ—

---

[1]) Пѣсня эта хотя и не принадлежитъ къ произведеніямъ Уральцевъ, но тѣмъ не менѣе сильно распространена на Уралѣ, вслѣдствіе чего она и помѣщена въ настоящемъ „Сборникѣ“.

Себѣ храбрости залучимъ.
Мы живемъ здѣсь, веселимся,
Разсердимся, разъяримся,
Врагу въ руки не дадимся.
Побѣдимъ мы злыхъ враговъ
Вкругъ Каспійскихъ береговъ [1]).

(Сообщилъ казакъ Иванъ Соболевъ).

16.

Царь послалъ насъ въ степь Зіацку
Заводить крѣпость Уральску.
То-то люли, вотъ какъ люли —
Заводить крѣпость Уральску.
Какъ на крутой горѣ высокой,
На равнинѣ на широкой,
То-то люли, вотъ какъ люли —
На равнинѣ на широкой
Стоитъ крѣпость развесела,
Уральцами заведена.
То-то люли, вотъ какъ люли —
Уральцами заведена.
Уральцами заведена,
Кругомъ дерномъ обнесена.
То-то люли, вотъ какъ люли —
Кругомъ дерномъ обнесена.
Кругомъ дерномъ обнесена,
Есть барбеты на углахъ.
То-то люли, вотъ какъ люли —
Есть барбеты на углахъ.
Пушки мѣдныя блистаютъ,
На всѣ стороны смотрятъ,
То-то люли, вотъ какъ люли —
На всѣ стороны смотрятъ
Для злодѣя-лиходѣя,
Для защиты своихъ глазъ.

---

[1]) Пѣсня эта сложена казаками, служившими съ 1833 по 1870 годъ въ фортѣ Александровскомъ.

То-то люли, вотъ какъ люли—
Для защиты своихъ глазъ [1]).

(Сообщилъ казакъ Абрамъ Борисовъ).

17.

Друзья, въ едино соберемся!
Махнемъ мы въ дальній, трудный путь:
Умремъ со славой, иль вернемся
На свой Уралъ поотдохнуть.
За честь и родину поляжемъ
Въ рукахъ съ оружіемъ, — въ бою;
Тогда врагамъ своимъ докажемъ
Казачью храбрость мы свою.
Намъ завѣщали это дѣды,—
Идти упорно на врага,
Нести въ сердцахъ символъ побѣды...
А жизнь!... жизнь намъ не дорога!
Итакъ, въ едино соберемся,
Пройдти далекій жизни путь;
Умремъ со славой, иль вернемся
На свой Уралъ мы, отдохнуть.

(А. В. Чалусовъ).

18.

Бой съ коканцами въ Копъ-суатѣ.

Ну-ка, вспомнимъ-те, ребята,
Какъ съ проклятою ордой
Межъ барановъ Копъ-суата
Былъ у насъ кровавый бой!
И, признаться, какъ-то жутко
Приходилось намъ тогда:

---

[1]) Пѣсня эта составлена казаками въ 1845 году, при возведеніи Уральскаго укрѣпленія, переименованнаго впослѣдствіи въ г. Иргизъ.

Какъ тѣснила цѣлы сутки
Насъ поганая орда!
Но мы шашками, штыками
Отбивали ихъ напоръ:
Всѣ рѣшились лечь костями,
Чѣмъ нажить себѣ позоръ!
Дали слово... и сдержали
(Про то знаетъ крѣпко врагъ:
Какой платой покупали
Они каждый смѣлый шагъ).
Разъ двѣнадцать плотной лавой
Напиралъ онъ на нашъ строй,
И двѣнадцать разъ, на славу,
Рукопашный кипѣлъ бой!
Словомъ, молвить, пиръ кровавый
Былъ для русскаго штыка,
И натѣшилось довольно
Ретивое казака!
Не дочлось, чать, въ ихой рати
Храбрыхъ сотня не одна.
Пусть же помнитъ будетъ кстати
Врагъ урокъ Бородина [1]).

(Урядникъ А. И. Чапкаевъ).

19.

Бой съ коканцами въ 1853 году.

Какъ не тучи небо кроютъ,
Не сѣдой встаетъ туманъ;
И не буря злобно воетъ
Середи нашихъ полянъ:

---

[1]) Въ пѣснѣ этой воспѣвается знаменитое дѣло трехъ Уральскихъ казачьихъ сотенъ, подъ начальствомъ войскового старшины Ксенофонта Фокѣевича Бородина, — съ отрядомъ коканскихъ войскъ, въ 1850 году, въ песчаной мѣстности Копъ-Суатъ, при р. Сыръ-Дарьѣ, близъ крѣпости Акъ-Мечети.

То отъ дальнихъ стѣнъ Кокана
Ханъ коканскій барантой,
Чрезъ пустыни Туркестана,
Къ намъ Касыма [1]) плетъ ордой!
Знать, забылъ штурмъ Акъ-Мечети [2])
И урокъ Бородина [3]):
Снова собралъ пропасть рати,
Снова поднялъ знамена.
Но мы, русскіе казаки,
Не отвыкли отъ побѣдъ:
Бранной славой мы богаты,
Про то знаетъ цѣлый свѣтъ!
Не привѣтливою рѣчью,
Встрѣтимъ мы своихъ враговъ,—
Но убійственной картечью,
Да щетиною штыковъ!
Намъ не долго дожидаться
Привелось къ себѣ гостей,—
Не замедлилъ показаться
Касымъ съ арміей своей!
Пыль взвилась и черной тучей
Одѣваетъ небосклонъ...
И встаетъ вдругъ лѣсъ дремучій
Пикъ ихъ, значковъ и знаменъ!
Торопилися злодѣи,
Они лагерь укрѣплять:
Возводили батареи,
По насъ начали стрѣлять!
Пушки мѣдныя завыли,
Берегъ Сыра задрожалъ,
Ядра съ ревомъ землю рыли,
Свинецъ въ воздухѣ визжалъ!
Огаревъ [4]), полковникъ смѣлый,
Тогда не спалъ, не дремалъ:

---

[1]) Касымъ—коканскій главнокомандующій.
[2]) Штурмъ Акъ-Мечети происходилъ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1853 г.
[3]) Жаркое дѣло въ Копъ-Суатѣ въ 1850 году.
[4]) Огаревъ былъ тогда комендантомъ форта Перовскаго.

Крѣпко помнилъ свое дѣло,
Будто трусилъ и молчалъ.
Трое сутокъ пировали
Басурманы за рѣкой
И насъ дерзко вызывали
Въ рукопашный съ ними бой!
На четвертый же день, рано,
Приказъ отдалъ командиръ:
Подъ прикрытіемъ тумана
Переправиться чрезъ Сыръ.
Перешли мы на курганъ [1]);
Къ бою Шкупъ [2]) построилъ насъ,—
И проклятымъ басурманамъ
Тутъ пробилъ злой казни часъ!
На поклонъ мы имъ послали
Прежде ядеръ и гранатъ;
Вслѣдъ имъ пули засвистали
И посыпались какъ градъ!
Но оправились злодѣи
И, на первый нашъ привѣтъ,
Вмигъ, съ ближайшей батареи,
Намъ прислали свой отвѣтъ.
А межъ тѣмъ, надъ высотами,
Мигомъ рать ихъ собралась,
Зашумѣла знаменами,—
Съ гикомъ бросилась на насъ!
Всѣ ракеты имъ на встрѣчу
Бросилъ мѣтко Соколовъ [3]);
Харитоновъ же [4]) картечью
Осадилъ напоръ враговъ!
Долго длилась перестрѣлка,
Отдыхалъ граненый штыкъ...
„Къ чорту, глупая бездѣлка!“
Молвилъ Шкупъ, — лихой старикъ:

---

[1]) Конусообразная возвышенность.
[2]) Маіоръ 4-го Оренбургскаго линейнаго баталіона.
[3]) Поручикъ артиллеріи.
[4]) Сотникъ Оренбургской казачьей артиллеріи.

„Ну, впередъ, въ штыки, ребята!“
Громко грянулъ барабанъ:
Осѣнясь крестомъ трикраты,
Мы пошли на басурманъ!
Молодецки мы сразились:
Билъ одинъ десятерыхъ!
Хоть коканцы стойко бились,—
Наконецъ мы сбили ихъ!
Робко дрогнули, собаки,
Стоять больше не могли:
Замѣшались, съ поля драки
Въ безпорядкѣ побѣгли!
Послѣ сытнаго обѣда
И дессертъ на славу былъ:
Не забыли дать отвѣдать
Пикъ и шашекъ врагамъ въ тылъ!
Отъ руки кто палъ татарской,
Наградитъ того самъ Богъ!
Намъ же крестъ—подарокъ Царскій—
Побѣдъ будущихъ залогъ!!! [1]).

(Урядникъ Андрей Ивановичъ Чапкаевъ).

---

[1]) Пѣсня эта напоминаетъ собою о жаркомъ дѣлѣ маленькой частицы войскъ изъ состава гарнизона форта Перовскаго, подъ начальствомъ коменданта этого форта, полковника Огарева, противъ двѣнадцати-тысячнаго отряда коканцевъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ взятія русскими войсками коканской крѣпости Акъ-Мечети, отрядъ этотъ, подъ предводительствомъ Сужебека и Касыма, окружилъ фортъ Перовскій и держалъ гарнизонъ его въ осадѣ съ 14 по 18 декабря 1853 года. Въ ночь на 18 декабря, гарнизонъ форта выступилъ изъ крѣпости и, совершенно неожиданно для коканцевъ, атаковалъ ихъ. Тутъ-то и произошелъ кровопролитный бой, заставившій коканцевъ потерпѣть совершенное пораженіе: непріятель, оставляя въ рукахъ русскихъ весь свой лагерь, а также огнестрѣльныя орудія, порохъ и большой запасъ разныхъ продовольственныхъ продуктовъ, принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ вверхъ по рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ. Въ дѣлѣ этомъ принимали живое участіе двѣ сотни Уральскаго войска, подъ общимъ начальствомъ есаула Михаила Гурьяновича Щапова, получившаго въ этомъ дѣлѣ двѣнадцать сабельныхъ ранъ. Сотни эти располагались такъ: на правомъ крылѣ боевой линіи помѣщалась сотня есаула Щапова, а на лѣвомъ — сотня есаула Василія Ивановича Михайлова. Участникъ этого дѣла говоритъ,

20.

Изъ Джулека выступали
Мы скакали долобой [1]):
Путь-дороженьку не знали, —
Намъ попалася тропа.
До аула мы добѣгали,
Розыскали тамъ слѣды, —
Вдругъ на лагерь выбѣгали
Рано утромъ на зарѣ.
Всѣ коканцы крѣпко спали
И не ждали тутъ какъ насъ.
Мы, построивъ быстро лаву,
Стремглавъ бросились на нихъ.
Безъ пощады тутъ рубили
Всѣхъ коканцевъ на повалъ;
И досталось тутъ работы
Всѣмъ: коню и казаку.
Уложивши басурмановъ
Всѣхъ въ могилу крѣпко спать,
И съ побѣдою вернулись
Въ свой Джулекъ обратно мы.

(Сообщилъ казакъ Григорій Семіоничевъ).

21.

Какъ во крѣпости Джулекѣ
Утромъ рано, на зарѣ,
Всѣ войска въ строю стояли
Во пріятной тишинѣ.
Генералъ Дебу выходилъ, —
Насъ съ походомъ поздравлялъ:
Въ поле чистое, къ коканцамъ,

что Уральцы рубили непріятеля, какъ барановъ, а потомъ, когда онъ былъ разбитъ, преслѣдовали его по пятамъ на нѣсколько верстъ.

[1]) Тропинка.

Насъ на бой спѣшилъ скорѣй.
Мы какъ скоро доходили,
Становились тотъ же часъ.
Генералъ Дебу тутъ узрѣлъ
Въ полѣ партію коканцевъ.
Приказъ отдалъ есаулу
И уральскимъ казакамъ —
Скрытно берегомъ пробраться
И ударить въ тылъ врагу.
Есаулъ Буренинъ (старшій)
Онъ исполнить былъ готовъ;
И съ своими казаками
Скоро въ тылъ врага попалъ.
Тутъ, построившись мы фронтомъ,
Шашки вонъ... и на врага [1])!..
. . . . . .

(Сообщилъ казакъ Григорій Семіоничевъ).

22.

Пѣсня лейбъ-гвардіи Уральскаго дивизіона.

Слишкомъ мѣсяцъ простояли,—
Ожидали англичанъ;
И душевно все желали,
Чтобъ на берегъ вышелъ онъ.
Не дождались, и довольно
Въ Балтичъ-портѣ намъ стоять:
У насъ есть ужъ повелѣнье,
Чтобъ идти въ Питеръ опять.
Мы туда пойдемъ съ восторгомъ,
Только счастье у насъ въ томъ:
Съ генераломъ-отцомъ, Бергомъ,
Задать перцу морякамъ.

[1]) Пѣсня эта составлена казаками по случаю боя двухъ Уральскихъ казачьихъ сотенъ, въ 1853 году, на рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ, противъ скопища коканскихъ войскъ, подъ начальствомъ есаула Буренина I.

Ой-вы, ой-вы, англичане,
Вы французы-кунаки!
Не исполнить вамъ желанье—
Къ русскимъ на берегъ взойдти.
Гдѣ вамъ съ русскими сражаться
По приморскимъ городамъ!
Генералъ вамъ Бергъ докажетъ,
Какъ съ русскими воевать.
Онъ не первый разъ докажетъ,
Что Россія — наша мать;
Генералъ вамъ Бергъ докажетъ
Удаль славныхъ казаковъ [1]).

(Сообщилъ урядникъ Лушъ Бирюковъ).

23.

Командиръ съ нами былъ Сладковъ,
Онъ командовалъ полкомъ.
Хотя крѣпко былъ онъ боленъ,
Но желалъ съ нами въ походъ...
Кровь кипитъ и сердце бьется,
Слёзы катятся изъ глазъ...
Мы повсюду съ нимъ готовы,
Куда Богъ-бы ни привелъ,
И сердечно всѣ желаемъ,
Чтобъ сразиться со врагомъ...
Черезъ Днѣпръ мы переходили,
Занимали тамъ посты...
Вдругъ не радостныя вѣсти
Разнеслись у насъ въ полку!
Померъ, померъ нашъ полковникъ,
Покровитель казакамъ.
И пошли мы рыть могилу

[1]) Пѣсня эта относится къ Крымской войнѣ 1853—1856 годовъ, во время которой лейбъ-гвардіи Уральскій казачій дивизіонъ, подъ начальствомъ полковника Меркульева, находился въ составѣ войскъ, охранявшихъ берега Эстляндіи.

Командиру своему....
. . . . . .
Изъ ружей дали мы три залпа
Въ честь командира-молодца...
Оплакавъ мѣсто погребенья,
Сказали: „вѣрно быть тому“,
И маръ насыпали высокій
Мы тамъ любимцу своему [1]).

(Сообщилъ казакъ Ѳаддей Ивлевъ).

24.

Долго-ль, долго-ль намъ, безъ дѣла,
Дармоѣдами здѣсь жить?!..
Праздность, право, надоѣла,
Время-бъ, братцы, послужить.
И зачѣмъ же тумаками
Мы стоимъ почти здѣсь годъ?
Да, съ проклятыми хохлами
Жить ужъ силъ не достаетъ:
Понатерпишься здѣсь муки,
Однимъ словомъ, ни за грошъ;
Или съ голоду, иль со скуки,
Какъ собака пропадешь.
Нѣтъ ни воли, нѣтъ ни ходу,
Нечѣмъ души отвести;
Что лишь вздумай, кричатъ: шкода! [2])
Грозятъ ябеду [3]) сплести.
Поросеночкомъ, иль качкой [4])

---

[1]) Въ пѣснѣ этой казаки воспѣваютъ любимаго своего командира, войскового старшину Александра Яковлевича Сладкова, находившагося во время польскаго мятежа 1863—1864 гг., со ввѣреннымъ ему № 2-мъ казачьимъ полкомъ, на западной границѣ Россіи, т.-е. въ болгарской колоніи „Комратъ“ (въ Бессарабіи, близъ Кишенева), гдѣ онъ и умеръ весною 1865 года.

[2]) Малороссійское слово: „скандалъ“.

[3]) Жалобу.

[4]) Уткой.

Поживиться, братъ, шалишь!
Мамалыгой [1]) лишь ротъ пачкай,
Да хлебай одинъ кулишъ [2]);
А веселыя фасоли [3])
И проклятый этотъ борщъ
На губахъ набилъ мозоли
И промылъ бока на сквозь.
Голь, въ карманѣ ни полушки;
Какъ приходъ съ расходомъ свесть —
Выпить не на что косушки,
А не то, чтобъ къ кралямъ снесть.
Нѣтъ, не къ рожѣ намъ здѣсь, даромъ,
Жить, удалымъ молодцамъ.
Вотъ бы къ туркамъ, иль цицарамъ [4]),
Иль къ проклятымъ полякамъ!
Гдѣ-бы было можно въ полѣ
Молодцамъ погарцевать,
Потузить враговъ и вволю
На ихъ счетъ покоштовать.
То есть съ полькой, иль цицаркой,
За компанство, ну какъ быть,
По старинному, за чаркой,
Годы прошлые забыть [5]).

(Урядникъ Андрей Чапкаевъ).

25.

Ну, товарищи, мы встанемъ
Всѣ въ кружокъ и про свое
Теперь, кстати, воспомянемъ
Распроклятое житье.

---

[1]) Кукурузой.
[2]) Кашица.
[3]) Вареные бобы.
[4]) Австрійцы.
[5]) Пѣсня эта напоминаетъ собою о мирной стоянкѣ Уральскаго казачьяго № 2 полка въ 1863—1865 гг., подъ начальствомъ войскового старшины Сладкова, въ сёлахъ Бобринѣ и Синевѣ, Херсонской губерніи.

Какъ-то намъ на Кучурганѣ
Привелося зимовать:
Жить въ поганомъ балаганѣ
И отъ холоду дрожать.
А желѣзная дорога
И проклятыхъ ссыльныхъ сбродъ [1])
Ужъ куда какъ много, много
Намъ надѣлали хлопотъ.
Мы съ зарей коней сѣдлали:
День—въ разъѣздѣ, а въ ночи
На линейку [2]) высылали
Эту сволочь стеречи.
Однимъ словомъ, безъ порядка,
Помыкали каждый часъ,
Да, вдобавокъ, лихорадка
Доканала совсѣмъ насъ.
И такъ сильно между нами
Развилася эта боль,
Такъ, что цѣлыми возами
Насъ возили въ Тирасполь [3]).
А лошадушки постились:
День—безъ сѣна и овса;
Астрономіи учились
Ночью, глядя въ небеса.
Мудрено-ль, когда за сѣно
Интендантство всегда намъ
Уморительныя цѣны
Высылало по третямъ.
Ну, да къ чорту съ Кучурганомъ
И съ проклятымъ тамъ житьемъ:
Лучше полнымъ мы стаканомъ
Горе прошлое запьемъ! [4]).

(Урядникъ Андрей Чапкаевъ).

---

[1]) Арестантскія роты.
[2]) Полотно желѣзной дороги.
[3]) Уѣздный городъ.
[4]) Пѣсня эта сообщаетъ о стоянкѣ Уральскаго казачьяго № 2 полка, въ 1865 году, при устройствѣ полотна Одессо-Порканской желѣзной дороги, чрезъ долину Кучукъ-Ханъ (Кучурганъ).

26.

Шашка.

Не грусти, моя родная,
Въ черныхъ, траурныхъ ножнахъ:
Скоро, искрами сверкая,
Заиграешь ты въ рукахъ.
Тамъ, за темной синей далью,
Есть старинные враги;
Не скучай же ты печалью,
Жди, надѣйся и терпи!
И когда, мгновенно, грянетъ
Грохотъ пушки боевой,—
Православный Царь возстанетъ
Гнѣвомъ праведнымъ, грозой.
Послужи ему, родная,
И по вражьимъ головамъ
Ты скачи, крутясь, сверкая,
Въ честь прошедшимъ временамъ.
За Царя, за Русь, за вѣру
Силой вѣрной послужи
И, по старому примѣру,
Дерзкихъ грозно накажи.
Серебромъ тогда и златомъ
Я украшу рукоять;
И, красуяся ты златомъ,
Будешь ярко такъ сверкать!
А теперь пока, родная,
Спи, покойся, отдыхай!
И, о будущемъ мечтая,
Славной брани ожидай! [1])

---

[1]) Пѣсня эта, не будучи произведеніемъ Уральцевъ, весьма сильно распространена между ними и всегда поется во всякой задушевной компаніи, а въ особенности въ строевыхъ частяхъ, вслѣдствіе чего и помѣщается въ настоящій „Сборникъ“.

27.

Винтовка.

Ты, винтовка, другъ мой вѣрный,
Кто служить съ тобой не радъ!
И тобой гордится смѣло
Царя русскаго казакъ.
Ты наружностью красива,
Насъ прославила собой,
Ты намъ славу подарила
Превосходною стрѣльбой.
Наведу я твою мушку
Въ отдаленный бѣлый щитъ:
Пуля съ визгомъ отскочила;
Смотрятъ: кругъ уже пробитъ.
Дамъ я выстрѣлъ, другой, третій —
Дѣло къ лучшему идетъ:
Офицеръ сейчасъ отмѣтитъ
И домой меня пошлетъ.
Взявъ винтовку, шагомъ вѣрнымъ
Путь въ палатку я держалъ;
Усъ курчавый, глазъ чернявый,—
Самъ съ собою разсуждалъ:
Какъ приду съ тобой на мѣсто,
Разберу, мой другъ, тебя,
И прозрачною водою
Смою чисто, до бѣла.
Не грусти-жъ, моя родная,
Въ черномъ, траурномъ чехлѣ:
Завтра-жъ, съ утренней зарею,
Со мной будешь на стрѣльбѣ [1]).

---

[1]) Пѣсня эта, также какъ и предыдущая, не есть произведеніе Уральцевъ, и если только попала въ настоящій „Сборникъ“, такъ это потому, что Уральцы очень ее любятъ и готовы пѣть во всякой задушевной компаніи, а въ особенности въ строевыхъ своихъ частяхъ.

28.

Переходъ казаковъ чрезъ киргизскую степь въ Уильское укрѣпленіе въ 1869 году.

(Поется на мотивъ „Было дѣло подъ Полтавой).

Мы съ фонъ-Штемпелемъ барономъ
Переступили за Уралъ,
Транспортъ царскій наложили;
Походъ трудный намъ насталъ.
И, завьючивши верблюдовъ
Мѣшками крупъ и сухарей,
Мы пошли пугать киргизовъ
Точно дикіихъ звѣрей!
Мы киргизовъ не боимся,
Въ бой на нихъ идемъ всегда;
Если-жъ съ ними мы сразимся,
То ужъ, вѣрно, имъ бѣда!
Труды, холодъ, непогоду
Переносимъ, хоть съ трудомъ
Пьемъ соленую мы воду...
Палитъ солнце, какъ огнемъ!
До костей-то насъ промочитъ
Сильный дождикъ съ облаковъ;
Ураганъ пескомъ заноситъ
Насъ, удалыхъ казаковъ!
Царю, отечеству мы служимъ,
Исполняемъ святой долгъ...
Въ лѣто цѣлое исходимъ
Степь мы вдоль и поперекъ.
Куда ни взглянешь, все курганы
(Дикая степь бѣдна водой),
Повсюду лишь холмы песчаны
Съ какой-нибудь на нихъ абой [1]).
Шли мы, братцы, на Уилъ,

[1]) Могила.

Сколько было нашихъ силъ:
Вдругъ летятъ барантачи
На насъ, какъ туча саранчи!
Окруживъ живой волной,
Не пускали за водой
Насъ къ колодцамъ... съ горяча
Мы рубили ихъ съ плеча!
День да ночь мы тутъ не спали
И въ киргизовъ мы стрѣляли —
И кололись и дрались...
До колодцевъ добрались!

(Записана со словъ уряднка Кудряшева).

29.

Во хивинской во долинѣ,
Гдѣ течетъ рѣчка Дарья, —
По хивинскіимъ предѣламъ
Намъ пришлось пройдти теперь.
Греми слава трубой,
Мы дралися за Дарьей.
По садамъ вашимъ хивинскимъ
Разнеслось слово объ насъ!
Тамъ давно путь проложенный
По безводныимъ полямъ;
И гдѣ предки наши были,
Вы теперя прошли тамъ.
Греми слава трубой и проч.
Генералъ нашъ фонъ-Кауфманъ,
Онъ явился за Дарьей,
По пескамъ тамъ, по сыпучимъ,
Проводилъ онъ русскій строй.
Греми слава трубой и проч.
Казаки тамъ спустилися
Съ непріятельскихъ барханъ;
Артиллерія палила,
Очищая путь впередъ.
Греми слава трубой и проч.

Лѣса дымомъ покрывались
Отъ пылающихъ скирдовъ;
И хивинцы всѣ лишались
Въ копны сложенныхъ хлѣбовъ.
Греми слава трубой и проч.
За Кунградомъ — чащи лѣса
Наполнены татарвой;
Завязался бой жестокій
Съ непокорною ордой.
Греми слава трубой и проч.
Ура! кинулись уральцы,
Не боясь пуль дождя:
Подалися чалмоносцы,
Убѣжали въ даль лѣсовъ.
Греми слава трубой и проч.
Шашекъ лезвія крутыя
Притупились отъ штыковъ [1]);
И наѣздники лихіе
Скрозь валялись безъ головъ.
Греми слава трубой и проч.
По пустому и безъ толку
Ханъ хивинцевъ воружилъ;
А самъ, видя неустойку,
Отъ нихъ лыжи навострилъ.
Греми слава трубой и проч.
Сколько времени бунтуютъ?!
Добралися мы до нихъ—
И хивинцы волкомъ выли
И кляли бековъ своихъ.
Греми слава трубой и проч.
Вдругъ толпою и пѣшками
Прямо бросились къ Хивѣ;

---

[1]) Три Уральскія казачьи сотни, участвовавшія въ хивинскомъ походѣ въ 1873 году, въ составѣ Оренбургскаго отряда, были вооружены семи-линейными (драгунскими) ружьями, со штыками. Въ конномъ строю штыки отмыкались и вкладывались въ особыя ножны, прикрѣпленныя къ шашкѣ на поясномъ ремнѣ.

Бѣгутъ съ бритыми башками
Всѣ хивинскіе муллы.
Греми слава трубой и проч.
Стойте! Хочете мириться?
Мы вамъ мѣсто отведемъ:
И на Эмбѣ поселиться
На арканахъ поведемъ!
Греми слава трубой и проч.
Всѣ хивинцы согласились:
Имъ страшна голодна степь.
А мы славою покрылись,
Стали громко пѣсни пѣть.
Греми слава трубой и проч.[1]).

(Сообщилъ урядникъ Стахѣй Подлипалинъ).

30.

Уральцы въ турецкой войнѣ 1877—1878 гг.

Въ битвахъ крѣпко закаленны
И лихіе моряки,
Своимъ жребіемъ довольны
Мы, уральцы-казаки.
На Уралѣ мы родились,
Свыклись въ веслахъ управлять,
А на Каспіи учились
По его волнамъ гулять.
Намъ не первый разъ, ребята,
На Дунай-рѣкѣ бывать;
Ея быстрое теченье

[1]) Пѣсня эта есть подражаніе пѣснѣ, помѣщенной въ „Сборникѣ русскихъ боевыхъ пѣсенъ“, К. Вульфа, изд. 1870 года, стр. 3, начинающейся словами:

„Ахметъ-горское ущелье,
Гдѣ течетъ рѣчка Лаба“ и проч.

Въ шаткихъ лодкахъ переплывать [1]).
Турки грозные хотѣли
Путь къ Балканамъ преградить:
Крѣпко бились, не давали
Дунай быстрый переплыть.
Но въ расчетахъ прогадали
Мусульмане-дураки:
Они этого не знали,
Что плывутъ къ нимъ казаки.
Нашъ челнокъ простой работы,
Не крылатая ладья:
Проплываемъ безъ заботы
Мы въ немъ рѣки и моря.
Такъ къ подножію Балкана,
Чрезъ широкій путь рѣки,
Предъ глазами басурмана
Переплыли казаки.
А потомъ и на Балканахъ
Намъ пришлося побывать,
Гдѣ сражались басурманы
И теряли свою рать.
Вспомнимъ схватку въ Казанлыкѣ,
Гдѣ дрался нашъ командиръ;
Гдѣ его отъ вражьей пики
Спасти вахмистръ ускорилъ [2]).
А подъ Шипкой, стройно, лавой

---

[1]) По разсказамъ Уральскихъ офицеровъ и казаковъ, бывавшихъ въ С.-Петербургѣ, во дворцѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго, тамъ помѣщается большая картина, изображающая лихую переправу Уральскихъ казаковъ черезъ Дунай въ войну 1877—1878 гг.

[2]) Въ жаркомъ дѣлѣ подъ Казанлыкомъ, командиръ Уральской сотни, войсковой старшина Е. Я. Кириловъ, какимъ-то образомъ очутился одинъ, безъ лошади, между турецкими черкесами, которые изрубили-бы его въ куски, еслибы судьба не подослала ему на помощь вахмистра его сотни, Раннева; урядникъ этотъ, верхомъ на лошади, проскакивая мимо Кирилова, закричалъ ему: „Ваше Высокоблагородіе, хватайтесь за стремя!“ Кириловъ быстро ухватился за стремя лошади Раннева и былъ вынесенъ, ею въ карьеръ изъ непріятельскихъ рядовъ.

Мы врубились въ вражій станъ:
Тутъ геройскою отвагой
Пораженъ былъ Сулейманъ.
Подвигъ былъ, ребята, славенъ,
Стычка грозная была.
Храбро бился нашъ Любавинъ [1]),
Впереди кричалъ „ура!“
Но не всѣхъ тамъ насъ спасала
Пуля грозная враговъ,
И, злодѣйка, поражала,
Не жалѣя, казаковъ.
Такъ свою, родную, доблесть
Занесли мы въ край Балканъ.
Не забудетъ нашу стойкость
Турокъ, дерзкій басурманъ [2]).

(В. А. Чалусовъ).

31.

Битва при Геокъ-Тепе въ 1881 году.

(Поется на мотивъ: „Въ степи широкой, подъ Иканомъ“).

Невольно помнятся походы
Въ степной, текинскій оазисъ;
Пустыни мрачной переходы,
Гдѣ мы съ текинцами дрались.
Отрядъ нашъ шелъ, изъ Самарканда,

---

[1]) Сотникъ Г. П. Любавинъ, старшій субалтернъ-офицеръ Уральской сотни, находившейся въ дѣйствующей арміи, какъ одинъ изъ храбрыхъ офицеровъ, очутился въ рядахъ турокъ, гдѣ, обороняясь нѣсколько времени шашкою отъ окружавшихъ его турецкихъ черкесъ, продержался до прибытія къ нему на выручку казаковъ этой сотни (см. романъ „Гроза“ Немировича-Данченко).

[2]) За отличіе въ этой войнѣ, сотнѣ Кирилова пожалованы значки на головной уборъ, изображающіе ленту, съ надписью: „За Турецкую войну 1877—1878 гг.“. Высокую награду эту въ настоящее время носятъ всѣ чины 1-й сотни Уральскаго казачьяго № 1-го полка.

Въ безводный путь, на Учъ-Учакъ [1]);
Терпѣлъ грозу отъ урагана [2]),
Барханы видѣлъ каждый шагъ.
Между пустынь необозримыхъ
Течетъ рѣка Аму-Дарья:
Въ своихъ водахъ, лугахъ, долинахъ,
Отряду роздыхъ воздала.
Ея прозрачну, быстру воду
Не долго пить пришлось въ рѣкѣ:
По ней мы первы взяли броду,
Направивъ путь къ Ахалъ-Теке.
Отъ Шахъ-Сенема до Арта-Кую [3]),
Отъ Арта-Кую до Игды,
Своею поступью лихою
Мы шли верстъ триста безъ воды.
Итакъ, безводный путь, пустынный,
Въ степи отрядъ не задержалъ.
Предсталъ предъ нами холмъ текинскій [4]);
Собой онъ крѣпость украшалъ.
Почти что съ мѣсяцъ мы возились
Съ врагомъ надменнымъ, гордымъ, злымъ:
И день, и ночь въ траншеяхъ рылись,
Пущали пули, ядра къ нимъ.
Но какъ измѣрить ровъ глубокій
И какъ подъ стѣну подползти?
Со стѣнки крѣпости высокой
Глаза текинцамъ отвести?
На этотъ подвигъ не безстрашный
Нашлися двое храбрецовъ: [5])

---

[1]) Учъ-Учакъ — Бухарская крѣпость на правомъ берегу рѣки Аму-Дарьи.

[2]) По переходѣ песковъ Адамъ-Кирилгана, отрядъ нѣкоторое время находился подъ сильнымъ песчанымъ ураганомъ.

[3]) Переходы отъ Аму-Дарьи въ Текинскій оазисъ.

[4]) Холмъ текинскій находится среди крѣпости Геокъ-Тепе. При штурмѣ этой крѣпости, текинцы побѣжали защищать этотъ холмъ, чтобы умереть на немъ, какъ на священной твердыни.

[5]) Съ ними былъ еще третій смѣльчакъ — унтеръ-офицеръ 13 Туркестанскаго линейнаго баталіона — Константиновъ.

Кунаковсковъ — нашъ сотникъ славный —
И съ нимъ казакъ былъ Тетиковъ [1]).
Снаряды сильны заложили,
Когда пришлось все распознать;
Войсками крѣпость обложили,
Чтобъ ловко было штурмовать.
Земля подъ нами затряслася,
Ударилъ дружно барабанъ:
Твердыня крѣпости взвилася,
Собой давила мусульманъ.
„Ура!“ мы дружно закричали,
И хоръ къ атакѣ заигралъ:
Колонны съ гикомъ побѣжали,
Тѣснились, лѣзли на обвалъ.
Въ рядахъ колоннъ непобѣдимыхъ
Уральскихъ сотня казаковъ,
Имѣя храбрыхъ командировъ,
Пошла на приступъ черезъ ровъ.
Въ главѣ Кунаковсковъ со взводомъ,
Вбѣжавшій первымъ на обвалъ.
Лихой нашъ сотникъ слылъ героемъ;
(Убитъ, бѣдняга, на повалъ).
На крѣпость быстро мы взбѣжали...
Геройски велъ насъ Бородинъ.
Тутъ наши шашки заблистали:
„Руби!“ кричалъ намъ командиръ.
Текинцы дрогнули предъ нами,—
Бѣгли къ священному холму;
И мы своими знаменами
Смѣнили ихнюю луну.
Изъ сотни нашей съ честью пали
Числомъ съ двѣнадцать храбрецовъ;
И путь къ побѣдамъ показали,
Идя въ могилу праотцовъ.
Мы тамъ героевъ схоронили,

[1]) Житель Бородинской станицы, убитъ 12 января, при штурмѣ Геокъ-Тепе.

Спустивъ тѣла въ траншейный валъ.
Прощаясь съ ними, говорили:
„Вамъ не вернуться на Уралъ“ [1]).
(В. А. Чалусовъ).

32.

Не туманъ съ моря поднялся,
Три дня сряду дождикъ лилъ.
Генералъ Скобелевъ собирался
Въ Ахалъ-Теке воевать.
День и ночь мы шли въ походѣ
По пескамъ и по пустынѣ.
Притуманились у всѣхъ глаза;
Генералъ Скобелевъ подъѣзжалъ,
Слово ласково сказалъ:
— „Вы здорово, мои братцы,
Вы здорово, казаки;
Не робѣйте вы, Уралы,
Вся Азія знаетъ насъ:
Знаютъ турки и бухарцы,
И хивинцы-дураки...
Пусть узнаютъ и текинцы
Какъ остры шашки у васъ!“
Всѣ „ура“ мы прокричали
И шли смѣло все впередъ.
Всѣ пески мы въ непогоду,
Припѣваючи, прошли.
Тамъ, гдѣ птицы не летаютъ,
Проходили тѣ мѣста;

[1]) 12 января 1881 года, при штурмѣ крѣпости Геокъ-Тепе, изъ состава Уральскаго казачьяго № 2 полка участвовала одна 5-я сотня, подъ начальствомъ войскового старшины Г. О. Бородина. За отличіе въ дѣлѣ, сотнѣ этой пожалованы значки на головной уборъ, съ надписью: „За штурмъ крѣпости Геокъ-Тепе 12 января 1881 года“. Въ настоящее время значки эти носятъ всѣ чины 1-й сотни Уральскаго казачьяго № 3-го полка.

Тамъ песокъ, какъ море плещетъ,
Вьетъ съ бархана на барханъ....
Тепе ядрами покрыли,
Захватили всѣ мѣста.
Генералъ Скобелевъ далъ свободу
Трое сутокъ въ Геокъ-Тепе погулять.
Мы гуляли три денечка,
Про то знаютъ небеса;
Заплакали текинскія жены,
Зарыдала вся невѣрная орда.
Какъ походъ нашъ сей суровый
Будутъ помнить долго всѣ.
Вотъ и царь прислалъ „спасибо“
И медаль на память всѣмъ.
Долго помнить будемъ Каспій,
Какъ Гуляевъ насъ водилъ;
И какъ шашками рубились
На стѣнахъ Геокъ-Тепе.

(Сообщилъ участникъ боя при Геокъ-Тепе, урядникъ Ѳедоръ Бѣляевъ).

33.

Число настало роковое —
Проститься съ родиной велятъ...
И вотъ, забилось ретивое:
„Прощай“ родные говорятъ.
Пора настала разставаться,
Покинуть кровъ — отцовскій домъ...
И поцѣлуемъ помѣняться,
Стать на колѣни предъ отцемъ.
Отецъ, покрытый сѣдиною,
Молитву теплую творитъ;
И, зная службу боевую,
Старикъ тутъ сыну говоритъ:
— „Простись съ дѣтьми, съ женой младою,
Простись, быть можетъ, навсегда;
Простись съ старушкою больною:

Богъ-вѣсть увидишься когда“.
И вотъ, минута наступила:
Паромъ у берега стоитъ;
Тутъ грусть, тоска всѣхъ охватила.
„Садись!“ начальникъ говоритъ.
И сѣли, братцы, перекрестившись,
Помчались по Уралу внизъ,
Съ своей роднею распростившись,
Въ страну безводія „киргизъ“.
На берегу же слышны стоны,
Рыданья женъ и матерей;
Всѣ члены горестію полны...
Забыть любимыхъ сыновей!.. [1])

(„Казачій Вѣстникъ“ 1886 года, № 40).

[1]) Пѣсня эта напоминаетъ намъ проводы изъ Уральска въ Хиву казаковъ № 3-го уральскаго полка. Полкъ этотъ, по Высочайшему повелѣнію, былъ двинутъ въ Аму-Дарьинскій край 25 апрѣля 1885 года

ОТДѢЛЪ V.

УДАЛЫЯ ПѢСНИ.

1.

Хороша наша станица, только улица грязна,
Хороши наши ребята, только славушка худа.
Это правда, это правда, это правда все была!
Только славушка худа, не пускаютъ никуда:
Величаютъ насъ ворами, да разбойниками.
Это правда, это правда, это правда все была!
Мы не воры, мы не плуты, не разбойники,
Мы уральскіе казаки-рыболовщички.
Это правда, это правда, это правда все была!
Ужъ мы рыбушку ловили по сухимъ берегамъ,
По сухимъ берегамъ,—по амбарамъ, по клѣтямъ.
Это правда, это правда, это правда все была!
По амбарамъ, по клѣтямъ, по богатымъ казакамъ.
Выбираилъ насъ хозяинъ, что ни лучшихъ молодцовъ.
Это правда, это правда, это правда все была!
Посылаилъ насъ хозяинъ по базару все гулять.
По базару мы гуляли, невода мы закупали.
Это правда, это правда, это правда все была!
Ужъ такіе невода, что ременны повода.
Запускали невода подъ богатые дома.
Это правда, это правда, это правда все была!
Наловили мы тамъ щукъ, изъ которыхъ шубы шьютъ,
Наловили мы бѣлуженекъ — калачикомъ рожки.
Это правда, это правда, это правда все была!
Наловили мы севрюженекъ — подвязаны хвосты.
У дѣдушки Петра мы поймали осетра.
Это правда, это правда, это правда все была!

Ужъ такого осетра, что гнѣдого жеребца.
За того-то осетра мы попались въ кандалы.
Это правда, это правда, это правда все была!
Мы попались на недѣлю, просидѣли круглый годъ.
Это правда, это правда, это правда все была!
Намъ въ тюрьмѣ сидѣть не скучно,
Только денежкамъ не водъ.
Мы въ парашнички наймемся —
Намъ пойдетъ большой доходъ.
Это правда, это правда, это правда все была!
Какъ пойдетъ доходъ калашный —
Только брюхо распускай.
Отойдетъ доходъ калашный —
Только спину подставляй.
Это правда, это правда, это правда все была!
Какъ завалятъ разъ пятнадцать,
Такъ запляшешь казачка.
Заревешь, словно теленокъ,
Пуще спасскаго дьячка.
Это правда, это правда, это правда все была!
Изъ полицы, изъ тюрьмы идетъ Корневъ со плетьми,
Съ молодецкою ухваткой пожимается плечьми.
Это правда, это правда, это правда все была!
Хоша били насъ всѣхъ больно, гуляли за-то довольно.
Хоша спинушка бита, дѣвченычка нажита.
Это правда, это правда, это правда все была! [1])

(Изъ очерка „Бытъ уральскихъ казаковъ“, соч. І. И. Желѣзнова, 1858 г. ч. I, стр. 56—57).

2.

Казынька.

Казынька-казачекъ,
Казакъ миленькій дружокъ...

---

[1]) Эта пѣсня поется подъ акомпаниментъ балалайки. Она не есть произведеніе Уральцевъ, а занесена ими на Яикъ изъ Москвы, гдѣ они находились на службѣ съ 1818 по 1862 годъ.

Не я тебя поила,
Не я тебя кормила,
На ножки поставила,
Танцовать заставила.
Коротеньки ножки,
Сафьяны сапожки...
Дѣлай!!! [1]). . . .

(Изъ очерка: „Бытъ уральскихъ казаковъ“, соч. І. И. Желѣзнова, ч. І, стр. 55, изд. 1858 г.).

3.

Полянка [2]).

(Поется на мотивъ: „Барынька“).

Полянка, полянка,
Дѣвченка моя,
Да и гдѣ же ты, поляночка, погуливала?!..
Не видать, не слыхать,
Да ничуть про нее!
Взговорилась, взволновалась поляночка во селѣ.
Заразъ очутилась
У дѣвушки на дворѣ.
Всѣ дѣвушки глядятъ, всѣ молодушки смотрятъ;
Не дивуйтесь-ка, сестрицы,
На мое веселье:
Не одна я пришла, со милымъ дружкомъ;
Со миленькимъ дружочкомъ,
Все забавничкомъ.
Вы запойте-ка, сестрицы, вы запойте казачка,
Того казачка,
Все забавничка.
Казакъ, казачекъ, казакъ миленькій дружокъ, —

---

[1]) Подъ эту пѣсню, поющуюся всегда при игрѣ на бандурѣ, казачата отплясываютъ „казачка“.

[2]) Искаженное слово „паненка“.

Ему скачутъ, ему пляшутъ
И его веселятъ.
Прощай, милая коханка, прощай, лапушка моя:
Ѣду въ дальніе края,
Покидаю я тебя;
Прощай, мой свѣтъ, мнѣ милѣе тебя нѣтъ!..
Раздушечка-казакъ,
Поживи у меня,
У меня въ терему, съ моей дочерью:
— „Разсукинъ сынъ, казакъ,
Со двора тебя сгоню!“
— „Я и самъ сойду — три бѣды сведу:
Какъ первую бѣду —
Пару коней уведу;
А вторую бѣду — твою дочь увезу;
А третью бѣду —
Самое тѣ увезу!“

(„Уральскія войсковыя вѣдомости, № 5-й, 1871 г.).

4.

Общая казачья.

Посѣю лебеду на берегу (2),
Свою крупную разсадушку,
Мою крупную, зеленую!
Пригорѣла лебеда безъ воды (2),
Моя крупная разсадушка,
Моя крупная, зеленая!
Пошлю казака по воду (2),
Ни воды нѣтъ, ни казаченьки,
Ни воды нѣтъ, ни молодчика!
Кабы мнѣ, младой, ворона коня (2),
Я бы вольная казачка была,
Я бы вѣрная уральская!
Скакала, плясала по лугамъ (2),
По зеленымъ дубровушкамъ,

По зеленымъ, душистымъ.
Со уральскимъ, молодымъ казакомъ (2),
Съ разудалымъ, добрымъ молодцемъ,
Съ разудалымъ молодчикомъ!

(Сообщилъ В. А. Чурѣевъ).

5.

Какъ во нонѣшнемъ во годѣ
Мы служили во походѣ.
Марья моя, вольный свѣтъ,
Мнѣ милѣе тебя нѣтъ!
Мы служили въ чистомъ полѣ,
Во великомъ, большомъ горѣ.
Марья моя, вольный свѣтъ и проч.
Притомились наши кони,
Мы ложились спать на сѣно.
Марья моя, вольный свѣтъ и проч.
Мы служили... наги, босы,
Позабыли всѣ фарфосы[1]).
Марья моя, вольный свѣтъ и проч.
Мы забыли мать, отца,
Нашей службѣ нѣтъ конца.
Марья моя, вольный свѣтъ и проч.
Позабыли женъ, дѣтей
И про нихъ намъ нѣтъ вѣстей.
Марья моя, вольный свѣтъ и проч.
Какъ приходитъ конецъ лѣту,
Намъ съ Урала вѣстей нѣту.
Марья моя, вольный свѣтъ и проч.
Однѣ вѣсти перепали,
У всѣхъ у насъ кони стали,
Марья моя, вольный свѣтъ и проч.
Какъ мы начали тужить,
Что намъ горько пѣшимъ быть.
Марья моя, вольный свѣтъ и проч.

[1]) Т. е. „форпосты“.

Какъ Чулакъ-Султанъ мотокъ,
Аржанухинъ намъ помогъ.
Марья моя, вольный свѣтъ и проч.
Пріѣзжаилъ къ намъ въ отрядъ,
Онъ поставилъ насъ всѣхъ въ рядъ.
Марья моя, вольный свѣтъ и проч.
Онъ поставилъ насъ всѣхъ въ рядъ,
Не дочелся сорокъ пять.
Марья моя, вольный свѣтъ и проч.
Не дочелся сорокъ пять,
Воротилъ отрядъ назадъ.
Марья моя, вольный свѣтъ и проч.
Воротитесь на Илекъ,
На Буранный на форпостъ.
Марья моя, вольный свѣтъ и проч.
На Буранный на форпостъ,
Я спишу-де съ васъ допросъ.
Марья моя, вольный свѣтъ и проч.
Какъ отрядный вашъ ни глупъ,
Онъ пущаилъ насъ не вдругъ.
Марья моя, вольный свѣтъ и проч.
Онъ пущалъ по одному,
Не сказывалъ никому.
Марья моя, вольный свѣтъ и проч.
Подъ нимъ лошадь солова,
Пуста его голова.
Марья моя, вольный свѣтъ и проч.
Казаки то распознали,
Всеё правду разсказали;
Марья моя, вольный свѣтъ и проч.
Всеё правду показали,
Сиговатова связали.
Марья моя, вольный свѣтъ и проч.
Сиговатовъ-то казакъ
Больше всѣхъ онъ насъ и знатъ.
Марья моя, вольный свѣтъ и проч.
Потому онъ больше знатъ,
А онъ служитъ за-урядъ.

Марья моя, вольный свѣтъ и проч.
А онъ служитъ за-урядъ,
Съ казаковъ деньги сбиратъ.
Марья моя, вольный свѣтъ и проч.
Онъ денежки получатъ,
Казаковъ всѣхъ научатъ.
Марья моя, вольный свѣтъ и проч.
Кто хочетъ быть на рѣкѣ [1]),
Неси денежки въ рукѣ.
Марья моя, вольный свѣтъ и проч.
Сиговатовъ, казакъ-плутъ,
Онъ подвелъ насъ всѣхъ подъ кнутъ.
Марья моя, вольный свѣтъ и проч.
Мы получимъ себѣ кнутъ,
А онъ вѣчно будетъ плутъ.
Марья моя, вольный свѣтъ и проч. [2]).

(Съ рукописи І. И. Желѣзнова).

6.

Ахъ ты, хмѣлюшка, хмѣлекъ, что не развивался?
Гдѣ казакъ спалъ-ночевалъ, что не разувался?
Ночевалъ казакъ-казакъ у красной дѣвчёнки.
„Жалобится дѣвченочка, что ты поздно ходишь,
Что ты, казакъ, поздно ходишь, дороженьку ломишь“.
— „Нехай ее жалобится, красная дѣвица“,
„Меня любитъ круглолицу, красную дѣвицу“.
— „Бросай, казакъ, ружье чистить, приходи до мене!“
„Я бы радъ приходилъ, боюсь человѣка:
Онъ поймаетъ, станетъ бить, сбавитъ мово вѣка“.
— „Приходи ко мнѣ, казакъ, въ субботу на шабашъ.
А я своево старика пошлю по калину:
„Ступай, стара борода, калину ломати,

[1]) На Уралѣ.

[2]) Пѣсня эта напоминаетъ о службѣ отдѣльныхъ отрядовъ уральскихъ казаковъ въ киргизской степи, въ конвоѣ султана-правителя западной части орды.

А я свово казака пріиму до хаты;
Пріиму его до хаты, стану цѣловати".
Цѣловала-миловала, за столикъ сажала.
Сидитъ казакъ за столомъ, горѣлочку ломитъ,
Молодая дѣвченочка бѣлы руки моетъ;
Сидитъ казакъ за столомъ, усы завиваетъ,
Молодую дѣвченочку къ сердцу прижимаетъ [1]).

7.

Туркестанъ мы обложили
И Давлету предложили,
Чтобы онъ сдался! (2)
Но Давлетъ-мурза упрямый,
Онъ клялся передъ кораномъ
За свое стоять! (2)
Не хотѣлось имъ съ Хазретомъ
Разставаться нонче лѣтомъ:
Это ихъ святой! (2) [2]). . . .

(Сообщилъ, безъ окончанія И. А. Бородинъ).

8.

Въ Туркестантѣ мы засѣли,
Изъ-за стѣнъ его глядѣли —
Нѣтъ ли гдѣ кого. (2)
На дворѣ зима стояла,

---

[1]) Пѣсня эта, не будучи произведеніемъ уральцевъ, очень распространена на Уралѣ. Казаки сильно любятъ ее и во всякой задушевной веселой компаніи, напримѣръ, на свадьбѣ, непремѣнно поставятъ ее на ряду съ другими доморощенными пѣснями. Она занесена ими на Уралъ изъ Малороссіи, гдѣ они служили прежде.

[2]) Пѣсня эта сложена про взятіе русскими войсками, въ 1864 году, коканскаго города Туркестана. Въ эту войну казаки участвовали подъ общимъ начальствомъ полковника Н. А. Веревкина, бывшаго впослѣдствіи наказнымъ атаманомъ Уральскаго войска.

(Декабря было начало)
И свѣжій морозъ! (2)
Дали знать сюда Иканцы,
Что идутъ войска коканцевъ —
Просто счету нѣтъ. (2)
Вдругъ приказано Сѣрову
Засѣдлать коней готовыхъ,
На рысяхъ идти! (2)
Казаки его лихіе
Взяли ружья нарѣзныя,
Живо собрались! (2)
Дали намъ одну пушчёнку,
Припрягли къ ней лошадёнку —
На рысяхъ пошли! (2)
Наступилъ вечеръ, смеркалось,
И ночь темная спускалась;
Казаки летятъ! (2)
Подбѣгали близь Икана,
И въ дали, какъ будто въ станѣ,
Мелькнули огни. (2)
А чтобъ лучше все узнать,
Было сказано послать
Вожака впередъ. (2)
Но онъ только что отъѣхалъ,
Какъ разъѣздъ коканскій встрѣтилъ
И скорѣй назадъ! (2)
Сотня наша отступала,
А коканцы окружали —
Просто счету нѣтъ! (2)
Но кому считать охота?
Казаки стали въ пѣхоту,
Сбатовавъ коней! (2)
Казаки были не трусы,
Покрутили себѣ усы
И всѣ на чеку! (2) [1])
Но со всѣхъ сторонъ коканцы

[1]) „На чеку“, значитъ „на-готовѣ“.

Близко лѣзутъ къ намъ, поганцы,
Кинулись въ упоръ! (2)
Закатили въ нихъ картечью:
Посшибали башки съ плечъ —
На поддачу пуль! (2)
Закричали, заревѣли,
И опять было налетѣли,
Да скусили грибъ! (2)
Видятъ жутко, салмоѣды;
Имъ хотѣлося побѣды,
Но не удалось! (2)
Отступили, отвалили,
Три орудья притащили —
И давай качать! (2)
Сильно ядра землю рвали,
Никого не задѣвали,
Только лошадей! (2)
Расторопный сынъ Урала —
Онъ подѣлалъ самъ завалы
Себѣ изъ мѣшковъ! (2)
Онъ сидитъ, мѣтко стрѣляетъ
И тайкомъ пули пускаетъ
Одну за другой. (2)
Жаль, колеса единорога
Поразсыпались немного;
Это не бѣда! (2)
Изъ подъ ящика съ зарядомъ
Живо сняли двое разомъ,
Начали вязать! (2)
Хоть колеса не вращались,
За-то наши натерпѣлись
На спинахъ таскать. (2)
Утромъ пятаго молчали,
Зря заряды не теряли
И все берегли. (2)
Лишь коканцы не зѣвали,
Все стрѣляли, да стрѣляли
Въ поле, дураки. (2)

Время къ вечеру клонилось
И вдали пальба открылась:
Выручка намъ шла! (2)
Встрепенулись казаченьки
И хотѣли, молодченьки,
Къ пушкамъ, на „ура“. (2)
Но пальба вдали вдругъ рѣже;
И пропала вся надежда:
Знать тому такъ быть! (2)
И пока такъ разсуждали,
Вдругъ коканца увидали
Съ запиской въ рукѣ! (2)
Пишетъ нашимъ Алимкулъ,
Что „я вашихъ всѣхъ отдулъ
И прогналъ назадъ. (2)
Лучше сдайтеся, ребята,
Будетъ честно, будетъ свято,
Не обижу васъ; (2)
Вѣру вы мою примите
И скорѣй ко мнѣ идите,
А то горе вамъ“! (2)
Но въ отрядѣ не пугались,
Только думали; старались
Регента [1]) свалить. (2)
Алимкула не свалили,
А коня подъ нимъ подбили,
Славный конь такой! (2)
Видятъ — плохо, не поддались,
Салмоѣды догадались,
И ну, лѣсъ возить! (2)
Они вздумали подкатомъ
Подойти поближе къ хватамъ —
Стали плесть туры! (2)
Тутъ Сѣровъ сказалъ отряду,
Что получитъ тотъ награду,
Кто дастъ вѣсть своимъ. (2)

---

[1]) Алимкулъ былъ регентомъ Коканскаго ханства.

Чтобы выручку послали
И зря сотню не теряли —
Такихъ молодцовъ! (2)
Два охотника явились,
Въ праву сторону пустились,
Съ ними былъ Ахметъ [1]). (2)
Поскакали удалые,
А коканцы сторжевые
Кинулись на нихъ. (2)
Наши живо повернули...
Жаль, что такъ они наткнулись,
Дали знать въ отрядъ! (2)
Но въ отрядѣ не дремали:
Тутъ же снова ихъ послали
Лѣвой стороной! (2)
А пальба не прекращалась
И гранаты выпускались,
Да все въ лошадей! (2)
Пули сыпались, какъ градомъ,
На позицію отряда,
Но Богъ все хранилъ! (2)
Наступилъ день Николая;
Наша сотня удалая
Вела переговоръ! (2)
Дай-ко время поубавимъ
И балясовъ поприбавимъ,
Можетъ проведемъ! (2)
А коканцы догадались
И тотчасъ же постарались
Мантелеты въ ходъ! (2)
Подкатили ихъ къ отряду, —
Толкачевъ-казакъ, зарядомъ,
Въ пухъ разбилъ одинъ! (2)
Самъ навелъ единорогъ онъ
И картечью, дивно много
Повалилъ сарбазъ! (2)

---

[1]) Киргизъ-вожакъ.

И со всѣхъ сторонъ отряда
Близко падали гранаты;
И пошла писать! (2)
Страшно пули тутъ свистали,
Все въ отрядѣ поражали, —
Держаться нельзя! (2)
Въ пушку ершика впустили,
Думать попусту не стали,
Кинулись впроломъ! (2)
Тридцать шесть легло на мѣстѣ,
Остальные дружно, вмѣстѣ,
Стали отступать! (2)
Кои ранены падали,
Ихъ товарищи держали,
Подъ руки вели! (2)
Тутъ убиты оставались,
Отъ нихъ ружья отбирались,
Ломались въ куски! (2)
А коканцы налетали,
И кричали, и стрѣляли,
Думали, собьютъ! (2)
Много хватовъ и джигитовъ
На скаку кидали пики,
Свои кистени! (2)
Казаки все подбирали
И назадъ опять бросали,
Или пулю въ лобъ! (2)
Восемь верстъ наши герои
Возвращались они съ боя
Подъ вражьимъ огнемъ! (2)
Да, не мало тѣхъ героевъ
Полегло на чистомъ полѣ
Отъ коканскихъ пуль! (2)
Ихъ рубили, ихъ терзали,
Даже головы снимали,
Увозя съ собой! (2)
Много наши потеряли,
Но и сами дали память

За родныхъ друзей! (2)
Не забудутъ салмоѣды,
Что имъ стоила побѣда
Такихъ молодцовъ! (2)
Но и тѣ, которы пали,
Къ нимъ горстями снѣгъ кидали,
Живы не дались! (2)
Честь и слава вамъ, Уралы!
Да не мало и бывало
Такихъ славныхъ дѣлъ! (2)
Храбро бились, умирали,
Хотя много потеряли,
Но Царь наградилъ! [1]) (2)

(Л. С. Алексѣевъ).

9.

Варіантъ.

За горами, за долами,
Межъ коканскими садами, —
Битва тутъ была! (2)
День, до вечера, мы бились,
Всѣ гранаты изстрѣляли —
Для насъ ничего. (2)
Какъ шестого декабря,
Съ половины было дня,
Коканецъ кричалъ: (2)
— „Ужъ вы сдайтеся, ребята!
Будетъ чисто, будетъ свято,
Не обижу васъ! (2)
Вѣру вы мою примите
И скорѣй ко мнѣ идите,
А то горе вамъ! (2)

[1]) Подробности боя описаны въ выноскѣ къ 44 пѣснѣ историческаго содержанія, подъ заглавіемъ „Иканскій бой“.

Если вы мнѣ не сдадитесь, —
Сію минуту прекратитесь:
Смерти васъ предамъ"! (2)
Сѣровъ сказалъ намъ слово,
Хоть не скоро, да здорово,
Храбрый нашъ герой! (2)
Мы поставимъ батарею,
Грудью кинемъ мы за нею, —
Дорожку пробьемъ! (2)
Путь-дороженьку пробьемъ,
Всеё кровью обольемъ,
Къ нему не пойдемъ! (2)
Злодѣй бросилъ всѣ законы,
Выставлялъ впередъ колонны
Съ крестнымъ огнемъ! (2)
Ужъ онъ жегъ насъ и палилъ,
Много ранъ онъ надарилъ, —
Для насъ ничего! (2)
Несмотря на эти раны,
Мы патроны въ зубы брали, —
Ружья заряжать! (2)
У насъ пороху не стало
И патроновъ не достало —
Нечѣмъ было взять! (2)
Тридцать шесть легло на мѣстѣ,
Остальные дружно, вмѣстѣ,
Стали отступать! (2)
Тутъ убиты оставались,
Отъ нихъ ружья отбирались,
Ломались въ куски. (2)
Кои ранены падали,
Ихъ товарищи держали,
Подъ руки вели! (2)
Грустно было разставаться,
Намъ съ друзьями распрощаться,
Коихъ у насъ нѣтъ! (2)
Вотъ, спасибо вамъ, уральцы,

Посшибали свои пальцы,
Живы не дались! (2)

(Сообщилъ В. А. Чурѣевъ).

10.

Бой на Ирджарѣ.

На Дарьѣ мы долго жили
Скукою томя народъ;
Въ утѣшенье мы твердили,
Что идти скоро въ походъ.
Не завидна наша доля,
Есть начальства съ нами воля:
Пускай какъ хотятъ! (2)
Окопавшись мы въ Чиназѣ
И ждемъ въ гости къ себѣ эмира:
Думали, придетъ какъ разъ,
Да попроситъ миръ, миръ у насъ!
Былъ бы онъ тогда счастливъ,
Но онъ слишкомъ горделивъ,
Плѣшива башка! (2)
За отбитыихъ барановъ
Онъ хотѣлъ намъ отомстить:
Перебить, какъ таракановъ,
Потомъ плову [1]) наварить!
Посмотримъ, что за пловъ?
Какъ онъ вкусенъ и здоровъ
Изъ насъ, русаковъ?! (2)
Разнеслись по всѣмъ тутъ вѣсти,
Что и эмиръ не вдалекѣ:
Съ нетерпѣнья ждетъ насъ въ гости,
Остановясь на Сыръ-рѣкѣ.

---

[1]) Пловъ—любимое и лакомое кушанье коканцевъ и бухарцевъ. Онъ приготовляется изъ рису и жирной баранины, изрѣзанной въ мелкіе куски; приправой къ нему служатъ морковь и кишмишъ.

Мы не чванные въ томъ
И тотчасъ къ нему пойдемъ,
Только принимай! (2)
Генералъ нашъ, Романовскій,
Одинъ изъ лучшихъ молодцовъ,
Нагрузилъ паркомъ „Перовскій“ [1]),
Взялъ три тыщи удальцовъ.
Дружно пѣсенки запѣли,
Живо за нимъ полетѣли —
Съ радостью впередъ! (2)
На другой день главный бекъ,
Съ сорока тысячьми бухарцевъ,
Встрѣтилъ насъ онъ „Джамбирекомъ“ [2]),
Поразставилъ ихъ близъ шансовъ.
Видимъ, братъ, ты молодецъ,
Что-то будетъ подъ конецъ, —
Тамъ увидимъ мы! (2)
Генералъ нашъ, Романовскій,
Несмотря на ихъ весь сбродъ,
Онъ какъ истый, чистый русскій,
И все двигался впередъ!
Не поробимъ мы, начнемъ,
Путь картечами пробьемъ
И пойдемъ впередъ! [3]) (2)

(Сообщилъ казакъ Иванъ Соболевъ).

---

[1]) Пароходъ Аральской флотиліи.

[2]) Орудіе.

[3]) Пѣснею этою воспоминается знаменитое пораженіе русскими войсками, 9 мая 1866 года, сорока-тысячной арміи коканцевъ и бухарцевъ, предводимыхъ бухарскимъ эмиромъ. Начальникъ русскихъ войскъ, генералъ-маіоръ Романовскій, встрѣтилъ непріятельскую армію на урочищѣ Ирджарѣ, близъ крѣпости Джизака, разбилъ ее и забралъ весь непріятельскій лагерь съ палатками, оружіемъ и большимъ запасомъ продовольствія. Участвовавшія въ этомъ дѣлѣ три отдѣльныя Уральскія казачьи сотни, подъ начальствомъ есауловъ: Черторогова, Голунова и Поликарпова, по выбитіи непріятеля съ позиціи, гнали его до самыхъ Джизакскихъ горъ.

11.

Варіантъ.

Распроклятый, злой бухарецъ,
Хотѣлъ крѣпость нашу взять!
Ай-люли, люли, люли,
Хотѣлъ крѣпость нашу взять!
Русски подняли штыки; —
Они маршъ! какъ дураки.
Ай-люли, люли, люли,
Они маршъ! какъ дураки.
Мы ихъ гнали по тропинкѣ
До высокаго мару.
Ай-люли, люли, люли,
До высокаго мару!
На мару паша стоитъ,
Самъ про русскихъ говоритъ:
Ай-люли, люли, люли,
Самъ про русскихъ говоритъ!
„Посмотрите, басурманы,
На уральскихъ казаковъ“.
Ай-люли, люли, люли,
На уральскихъ казаковъ!
Оглянулися назадъ,
Русски шашками грозятъ!
Ай-люли, люли, люли,
Русски шашками грозятъ.
Ваши мѣдные кунганы
По Дарьѣ всѣ раскидали.
Ай-люли, люли, люли,
По Дарьѣ всѣ раскидали!
Ваши шелковы халаты
По себѣ всѣ разобрали!
Ай-люли, люли, люли,
По себѣ всѣ разобрали!
А бухарскіе паши

Всѣ заплакали, пошли!
Ай-люли, люли, люли,
Всѣ заплакали, пошли!
Наги, босы, побѣжали,
Израненныхъ покидали.
Ай-люли, люли, люли,
Израненныхъ покидали!

(Сообщилъ казакъ Абрамъ Борисовъ).

12.

Скобелевская.

Наше дѣло съ кѣмъ подраться,
Съ непріятелемъ всегда!
Мы не будемъ дожидаться,
Когда онъ придетъ сюда.
Мы сами къ нему пойдемъ
И въ прахъ его разобьемъ...
Разбили въ полѣ лагерь,
Гдѣ намъ скажутъ отдыхать;
Свою храбрость воспомянемъ, —
Русь святую прославлять.
Ночи темны, тучи грозны
По-поднебесью идутъ;
Наши храбрые казаки
Подъ Анджанъ [1]) городъ идутъ.
Идутъ они спѣшнымъ маршемъ,
Межъ собою говорятъ:
— „Намъ не трудно взять Анджанъ
И кипчаковъ покорить:
Генералъ Скобелевъ съ нами,
Намъ и смерть съ нимъ не страшна;
Онъ отецъ нашимъ казакамъ,
Покровитель всѣмъ войскамъ.

[1]) Городъ Андижанъ, Ферганской области.

Царь и орденъ ему далъ,
Чтобъ Коканъ-городъ забралъ!
— „Покажи свое искусство,
Ты привыченъ воевать!“
— „Я надѣюся на Бога
И на храбрость на свою,
За отечество — Россію —
Не щажу я жизнь свою“.
Забіякою пускался;
Подъ Анджаномъ рано всталъ,
Онъ разставилъ силу войска
Вокругъ города его;
Силу войска подкрѣплялъ,
Хану письмецо послалъ;
Ханъ письмо то прочиталъ,
Русскимъ грозно отвѣчалъ:
„Приходи ко мнѣ на штурму
Съ тобой будемъ воевать:
У кого штыки востре,
Тому городомъ владать“...
Засвистали, заблистали
Наши русскіе штыки;
А коканцы испугались, —
Разбѣжались, дураки.
Всѣ пожитки разбросали,
Вонъ изъ города ушли.
Вонъ изъ города пошли,
Во пески они зашли.
Во пескахъ-то мѣста нѣтъ —
Казаки за ними въ слѣдъ:
Казакъ рубитъ, стрѣлокъ бьетъ,
Пуля ходу не даетъ [1]).

(Сообщилъ казакъ Григорій Семіоничевъ).

---

[1]) Пѣсня эта напоминаетъ намъ о Коканской экспедиціи 1875—1876 гг., подъ главнымъ начальствомъ генерала М. Д. Скобелева. Въ экспедиціи этой участвовали три Уральскія сотни: № 2-я сотня — изъ состава № 2-го Уральскаго казачьяго полка, подъ начальствомъ есаула

13.

Походъ на Алай.

Въ славномъ городѣ Коканѣ
Всѣ войска въ строю стоятъ;
Генералъ, Скобелевъ храбрый,
Какъ орелъ въ полѣ леталъ.
Генералъ Скобелевъ вздумалъ
На Алаяхъ побывать:
Въ скоромъ времени въ Коканѣ
Сталъ приказы разсылать...
Всѣмъ войскамъ было извѣстно
И начальникамъ частей,
Что идти на Алайску гору
И на снѣжный, крутой скатъ.
Сборный пунктъ войскамъ назначенъ
Былъ на рѣчкѣ, крѣпость У...
Злы коканцы въ горахъ снѣжныхъ
Давно въ гости къ себѣ ждутъ.
Мы пойдемъ съ восторгомъ въ горы
Съ командиромъ молодцомъ,
Съ есауломъ Шелдяковымъ,
Какъ съ роднымъ нашимъ отцомъ.
Славный ротмистръ Закомельскій
Все въ порядокъ приводилъ,
Самъ на снѣжну Алай-гору
Онъ пѣшечкомъ восходилъ.
Провіантъ, фуражъ съ крупою
Мы таскали на себѣ:

В. И. Жигалина и №№ 1 и 2 отдѣльныя сотни, подъ начальствомъ есауловъ: Шелудякова и Кузьмина; двѣ эти послѣднія сотни были экстренно командированы изъ войска въ 1875 году. За особое отличіе, при взятіи крѣпости Махрама, сотнѣ Жигалина Высочайше пожалованы на головные уборы знаки, съ надписью: „За отличіе въ дѣлѣ 22 августа 1875 года“; послѣднія же двѣ сотни, какъ прибывшія въ Коканъ въ концѣ военныхъ дѣйствій, не участвовали въ дѣлахъ.

Много коней перебили
Подъ Алайскіимъ хребтомъ [1]).

(Сообщилъ казакъ Григорій Семіоничевъ).

14.

Не ясёнъ соколъ леталъ
По наснѣжныимъ горамъ:
Нашъ Скобелевъ разъѣзжалъ,
Онъ съ уральцами гулялъ.
Славно, браво, вотъ люли,
Онъ съ уральцами гулялъ!
Турокъ онъ тутъ разбивалъ,
(Эту сволочь не щадилъ...)
Кто же вѣрно такъ служилъ,
Того щедро наградилъ.
Славно, браво, вотъ люли,
Того щедро наградилъ!
Намъ завалы, намъ Балканы —
Они намъ не высоки:
Развернемся по казацки —
Это намъ все пустяки.
Славно, браво, вотъ люли,
Это намъ все пустяки!
Казаки идутъ на шашки,
А солдаты — на штыки;
Генералъ Скобелевъ съ нами,
Мы пойдемъ съ нимъ на прямки!
Славно, браво, вотъ люли,
Мы пойдемъ съ нимъ на прямки!
Разобьемъ мы эту сволочь,

---

[1]) Пѣсня эта составлена по поводу похода, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1876 г., двухъ Уральскихъ казачьихъ сотенъ (№ 1-я сотня подъ командою есаула А. Я. Шелудякова и № 2-я сотня подъ начальствомъ есаула П. М. Кучкина) и одной роты пѣхоты, подъ общимъ начальствомъ ротмистра Закомельскаго, на Алайскія горы, расположенныя въ Ферганской области, для истребленія разбойничьихъ кипчакскихъ шаекъ.

Распроклятую орду,
Какъ француза подъ Москвою
Во двѣнадцатомъ году.
Славно, браво, вотъ люли,
Во двѣнадцатомъ году!

(Сообщилъ А. И. Быковъ).

15.

Въ восемьдесятъ пятомъ году
Во уральскомъ городу
Славно, браво, вотъ люли,
Во уральскомъ городу!
Стоялъ мирно третій полкъ;
О походѣ шелъ лишь толкъ.
Славно, браво, вотъ люли,
О походѣ шелъ лишь толкъ.
Марта пятаго числа
Телеграмма къ намъ пришла:
Славно, браво, вотъ люли
Телеграмма къ намъ пришла!
Что уральскій третій полкъ
Выступитъ весной въ походъ.
Славно, браво, вотъ люли,
Выступитъ весной въ походъ!
А наказный атаманъ
Былъ Шиповъ нашъ, генералъ.
Славно, браво, вотъ люли,
Былъ Шиповъ нашъ, генералъ!
Онъ на смотръ къ намъ пріѣзжалъ,
Насъ съ походомъ поздравлялъ.
Славно, браво, вотъ люли,
Насъ съ походомъ поздравлялъ!
Командиръ же нашъ, Жигалинъ,
Чрезъ Уралъ насъ переправилъ.
Славно, браво, вотъ люли,
Чрезъ Уралъ насъ переправилъ!

Жены плакали, рыдали,
Слезы горьки вытирали.
Славно, браво, вотъ люли,
Слезы горьки вытирали!
Онѣ плакали, прощались
И съ мужьями разставались.
Славно, браво, вотъ люли,
И съ мужьями разставались!
За подстепными дворами
Становились лагерями.
Славно, браво, вотъ люли,
Становились лагерями!
А съ подстепнаго поднялись
И съ Ураломъ распрощались.
Славно, браво, вотъ люли,
И съ Ураломъ распрощались!
Барбашеву [1]) лишь прошли,
Степью голою пошли.
Славно, браво, вотъ люли,
Степью голою пошли!
Продолжали дальній путь...
И случилось у насъ тутъ:
Славно, браво, вотъ люли,
И случилось у насъ тутъ!
Захватило одного
Тутъ несчастьице одно.
Славно, браво, вотъ люли,
Тутъ несчастьице его!
Захворалъ онъ такой болью,
Помереть долженъ невольно:
Славно, браво, вотъ люли,
Помереть долженъ невольно.
Нельзя было ѣсть и пить —
И не могъ онъ больше жить.
Славно, браво, вотъ люли,
И не могъ онъ больше жить!

---

[1]) Степная рѣчка, впадающая въ Уралъ.

На бивакъ мы своротили,
Казака тутъ схоронили.
Славно, браво, вотъ люли,
Казака тутъ схоронили!
Дальше путь мы продолжали,
Ни о чемъ не горевали.
Славно, браво, вотъ люли,
Ни о чемъ не горевали!
До Уила мы дошли,
Тутъ товарищей нашли.
Славно, браво, вотъ люли,
Тутъ товарищей нашли!
Насъ товарищи встрѣчали,
Хлѣбомъ, водкой угощали.
Славно, браво, вотъ люли,
Хлѣбомъ, водкой угощали!
Съ жажды водочки попили,
Тоску, горе мы забыли.
Славно, браво, вотъ люли,
Тоску, горе мы забыли!
До Темиру же дошли,
Ничего тутъ не нашли,
Славно, браво, вотъ люли,
Ничего тутъ не нашли!
Кромѣ водочки родной;
Выпивали по одной.
Славно, браво, вотъ люли,
Выпивали по одной!
А съ Темиру какъ пошли,
Много горя мы нашли.
Славно, браво, вотъ люли,
Много горя мы нашли.
Мы о томъ больше скучали,
Что киргизовъ не встрѣчали.
Славно, браво, вотъ люли,
Что киргизовъ не встрѣчали!
Однѣ каменны Устюры [1]),

[1]) Плоскогорье Усть-Уртъ.

Совершенныя-то дуры.
Славно, браво, вотъ люли,
Совершенныя-то дуры!
И ни корму, ни воды,
Хоть куда хочешь иди.
Славно, браво, вотъ люли,
Хоть куда хочешь иди!
Трудно было лошадямъ,
Доставалось же и намъ.
Славно, браво, вотъ люли,
Доставалось же и намъ!
Какъ воды мы добывали,
Колодези вырывали.
Славно, браво, вотъ люли,
Колодези вырывали!
Трудно было намъ ходить,
Лошадей своихъ поить.
Славно, браво, вотъ люли,
Лошадей своихъ поить!
Съ горы къ морю мы сходили,
Въ поводу коней сводили;
Славно, браво, вотъ люли,
Въ поводу коней сводили!
А на гору поднимались,
За хвосты мы ихъ держались.
Славно, браво, вотъ люли,
За хвосты мы ихъ держались!
Съ горъ Усть-Урта мы спустились,
Въ Джаны-Кала [1]) очутились.
Славно, браво, вотъ люли,
Въ Джаны-Кала очутились!
И хоть трудно мы дошли,
Церемоніаломъ разъ прошли.
Славно, браво, вотъ люли,
Церемоніаломъ разъ прошли.

(Урядникъ Гр. Яшковъ).

---

[1]) Хивинская крѣпость, нынѣ заброшенная.

16.

Продолженіе 15-й пѣсни.

Утромъ встали, полетѣли,
Громко пѣсенки запѣли,
Съ радостью впередъ! (2)
А на станцію пришли,
Конямъ корму не нашли:
Негдѣ было взять! (2)
Долго корму поджидали,
У насъ лошади заржали,
Намъ сдѣлалось жаль! (2)
Тутъ работа закипѣла
И камышикъ пошелъ въ дѣло:
Стали жать камышъ! (2)
И пока камышъ мы жали,
У насъ лошади дрожали,
Корму дожидаясь! (2)
Камышемъ мы накормили
Лошадей, и напоили,
И ложились спать! (2)
Утромъ обозъ отправляли
И Усть-Уртъ мы проклинали;
Долго мы имъ шли! (2)
Намъ Устюры надоѣли:
Сухари, овесъ поѣли —
Негдѣ было взять! (2)
Тутъ слабыми заявлялись,
На верблюдахъ отправлялись
Съ обозомъ они! (2)
Много было тутъ людей;
Шли они безъ лошадей
Всегда впереди! (2)
И зато пѣшечкомъ перли,
Что спины конямъ постерли.
Сами отъ себя! (2)

У насъ не было работы,
Кромѣ той только заботы —
Дольше бы поспать! (2)
И не знали мы того —
Спины портимъ отчего...
Грязны потники! (2)
И за то пѣшкомъ мы шли,
Что коней не берегли,
Бросаясь за сномъ! (2)
А когда въ походѣ быть,
Нужно чаще потникъ мыть,
Да всегда сушить! (2)
Какъ заботу ту возьмемъ,
Пѣшкомъ никто не пойдемъ,
А всегда верхомъ!.. (2)
Въ Кунградъ-Калу [1]) мы пришли,
Тутъ всего къ намъ привезли:
Что хочешь, бери! (2)
И урюкъ [2]) намъ и чуреки [3]);
Скоро сдѣлали прорѣхи —
Остались ни съ чѣмъ! (2)
Трое сутокъ мы дневали,
Вдоволь корму задавали
Своимъ лошадямъ! (2)
Слабоконные справлялись, —
На каюкахъ [4]) отправлялись
Лямкой по Дарьѣ! (2)
Тутъ и мы скоро собрались
И во слѣдъ за ними мчались
Вдоль Аму-Дарьи! (2)
Куня-Ургенчъ мы прошли,
Къ переправѣ подошли
Чрезъ Аму-Дарью! (2)

---

[1]) Кала—городъ, крѣпость.
[2]) Урюкъ—абрикосъ.
[3]) Чурекъ—лепешка.
[4]) Каюкъ—лодка.

На Аму сутки стояли
И въ подарокъ получали
Отъ хана — быковъ! (2)
И чуреки съ кишмишемъ,
И клеверъ-то съ ячменемъ
Ханъ хивинскій слалъ! (2)
Мяса вдоволь мы варили
И за то благодарили
Хана и властей! (2)
Вдругъ полученъ былъ приказъ:
Перейти Дарью намъ вплавь
На лихихъ коняхъ! (2)
Лошадей мы разсѣдлали
И Аму переплывали —
То было въ розливъ! (2)
Первымъ переплылъ Савосинъ;
Не достоинъ ли онъ, спросимъ,
Награды за то? (2)
За лихую переправу
Могъ разсчитывать по-праву
Подавшій примѣръ! (2)
И за удаль Титъ за эту
Получилъ, къ второму лѣту,
Отъ полка часы! (2)
Съ переправы вверхъ пошли,
Скоро въ Шахъ-Аббазъ [1]) пришли,
Гдѣ встрѣчали насъ! (2)
Тутъ встрѣчали насъ, вояковъ,
Оренбургскій полкъ казаковъ
И хоръ трубачей! (2)
Музыка ихняя играла,
Веселила насъ не мало
И шла впереди! (2)
Полки оба тутъ смѣшали
И всѣ пѣсни распѣвали.

---

[1]) Шахъ-Аббазъ-Али — первая станція отъ Петро-Александровска къ укрѣпленію Нукусъ.

Раздавался гулъ! (2)
На станцію приходили,
Для насъ плову наварили
И еще кой-что!.. (2)
Вдоволь водки поднесли
И къ котламъ насъ подвели,
Чтобы ѣсть пилавъ! (2)
Мы, выпимши, веселились
И другъ съ другомъ подружились;
Начали плясать!.. (2)
Крѣпость была не далеко [1]), —
Завтра же дойдемъ легко,
Не объ чемъ тужить! (2)
Мы къ крѣпости подъѣзжали —
Насъ солдатики встрѣчали,
Дѣлали намъ честь! (2)
Славные были солдаты,
Удалые все ребята
И всѣ молодцы! (2)
Принимали насъ по братски...
Пѣсни пѣли же по хватски...
И плясали всѣ! (2)
Тутъ къ столамъ насъ подвели,
Въ ведрахъ водки принесли —
Угощали насъ! (2)
Когда выпили мы водки,
Промочили себѣ глотки,
Разговоръ пошелъ! (2)
Разговоръ вели лихой:
Весь народъ былъ молодой, —
Одинъ къ одному! (2)
А какъ кончили мы той [2]),
Приказано идти въ строй,
И сѣсть на коней! (2)
Отъ солдатской мы горѣлки

---

[1]) Укрѣпленіе Петро-Александровское.
[2]) Праздникъ.

Пошли въ свои джуламейки,
То-есть на бивакъ! (2)
Жили лѣто на бивакѣ...
Послѣ-жъ сдѣлали бараки
Мы изъ камышу! (2)
Въ нихъ мы осень проводили
И никуда не ходили
До самой зимы! (2)
Зимой въ крѣпость уходили,
Тамъ солдатокъ полюбили,
Дружбу завели! [1]) (2)

(Урядникъ Г. Яшковъ).

[1]) Какъ эта, такъ и предшествовавшая пѣсня, составлены по поводу похода Уральскаго казачьяго № 3 полка, въ 1885 году, изъ Уральска въ Петро-Александровское укрѣпленіе.

ОТДѢЛЪ VI.

БЫТОВЫЯ ПѢСНИ.

1.

Отецъ съ сыномъ на сѣнокосѣ стога металъ,
А мила доченька имъ ѣсть понесла.
— „Ужъ ты, доченька, поди, поверши намъ зеленый стогъ“.
Стояла-то она на зеленомъ стогу,
Вершила-то она зеленъ-стогъ.
— „Что это, батенька, въ полѣ затуманилось,
Затуманилося въ полѣ, запылилося?
Все людей везутъ скованныхъ и связанныхъ,
Связанныхъ все арканами волосяными“.
— „Ужъ ты, доченька, слазь-ка съ зелена стога,
Пойдемте, спрячемтесь во зеленъ-камышъ“.
— „Ужъ я, батюшка, пересмотрю, перегляжу:
Что это за людей везутъ?“
А отецъ съ сыномъ въ камышъ ушли.
Ужъ подбѣгаилъ же младъ татарченинъ,
Говорилъ же онъ красной дѣвушкѣ:
— „Ужъ ты, дѣвушка, слазь-ка съ зелена стога!“
Бросалась дѣвушка на всѣ на четыре сторонушки,
Опущала она свои ясны очи на сыру землю,
Опущала она свои рученьки на бѣлую грудь.
Ужъ давалъ же ей младъ татарченинъ кроваву руку,
Ужъ сымалъ же онъ ее съ зелена стога,
Сажаилъ онъ ее на свово добра коня,
На добра коня, на иноходаго.
Повезъ-то ее во свою земелюшку, въ азіатскую,
Вводилъ же ее въ свои высокія хоромушки;

— „Ужъ ты будь же мнѣ, дѣвушка, хозяюшкой,
А я тебѣ, дѣвушка, буду хозяиномъ“.
Отдавалъ же онъ ей съ себя шелковъ поясъ,
Отдавалъ же ей свои золоты ключи,
И препоручалъ дѣвушкѣ свои золоты погребцы:
— „Ужъ ты, дѣвушка, моя хозяюшка,
Ходи-ка ты въ мои любимы погребцы“.
Не задолго, не закоротко, угодила къ нимъ въ полонъ
Ея родимая, милая матушка.
Сажала она ее ногами дитя качать,
Руками же велѣла куделю прясть,
Глазами же велѣла гусей пасти.
Дитя качая, говоритъ родима матушка:
— „Ужъ ты, по русски, — младъ боярскій сынъ,
А по татарскому — младъ татарченинъ:
Ужъ твой-то батюшка — мой зятюшка;
А твоя-то мать—мнѣ дочь родна,
А самъ ты мнѣ—внученокъ!“
Говоритъ тутъ доченька таковы слова:
— „Ужъ ты, маменька моя, рòдная!
Кабы знала я, кабы вѣдала,
Не заставила-бъ тебя дитя качать,
Не заставила-бъ тебя куделю прясть,
Не заставила-бъ тебя гусей пасти!“
Тутъ сажала она ее за дубовый столъ,
Становила передъ ней яства сахарныя.
Яства сахарныя и пойла медвяныя.
И стала матушка уговаривать доченьку:
— „Пойдемъ-ка, доченька, убѣжимъ домой“.
Говоритъ ей доченька таковы слова:
— „Нѣтъ, матушка, обзавелась я малыми дѣточками“.
И говоритъ мать доченькѣ таковы слова:
— „Ужъ не стану я, доченька, жить у васъ;
Отпустите меня въ свой домъ!“
Ужъ сажаилъ ее зятюшка на каряго коня,
На каряго коня, на иноходаго,
Надѣляилъ ее золотой казной;

Отправляилъ ее во свою землю,
Проводили её они съ своего двора.

(„Уральцы“, соч. І. И. Желѣзнова).

2.

Какъ не бѣлые снѣжки
Въ полѣ забѣлѣлися;
Какъ не аленькіе цвѣты
Въ полѣ заалелися:
Заалелася у старинушки
Въ лицѣ бѣломъ румяница;
Забѣлѣлася у старинушки
Бѣлая его бородушка
Со его ли буйною головушкой.
Какъ со вечера старикашенькѣ
Приказъ отданъ былъ;
Какъ въ полу-то ночи старикашенька
Собираться сталъ,
Какъ восходилъ-то старикашенька
На конюшенъ дворъ:
Онъ беретъ съ крюка тесмяну узду.
Поводъ шелковый.
Какъ восходилъ старикашенька
Во конюшеньку:
Онъ обратовалъ своего коня,
Коня не ловлёнаго;
Онъ подводилъ его ко красну-крыльцу,
Онъ привязывалъ его къ дубову-столбу,
За колечко серебряное;
Онъ накидывалъ на своего коня
Потнички бѣлы, бумажные,
А на нихъ сѣделице черкасское;
Онъ подтягивалъ двѣнадцать подпругъ
Не для красоты, а для крѣпости.
Какъ восходилъ-то старикашенька въ нову горенку,
Поклонялся-то старый казакъ отцу-матери:

— „Благословите-ка меня, отецъ съ матерью,
Гулять въ поле чистое...

(Сообщилъ Е. Я. Никитинъ).

3.

Не бѣленька березынька къ землѣ клонится,
Не ковыль-трава въ чистомъ полѣ зашаталася:
Зашатаился, загуляился добрый молодецъ,
Въ одной тоненькой, кармазинной [1]) во черкешечкѣ;
У черкешечки рукавчики назадъ заткнуты
И серебряной булавочкой они приткнуты.
За плечами несетъ онъ ружьеце, турку цѣльную,
Турку цѣльную, все ружьеце, снасть турецкую.
Въ правой рукѣ онъ несетъ присошечекъ тоненькій-гордоленькій;
Онъ присошечкомъ, добрый молодецъ, подпираился,
Горючьми слезами, разудаленькій, заливаился.
Какъ надъ нимъ, надъ молодчикомъ, несчастьице солучилося:
Поднималась вдругъ погодушка, съ горъ хурта-вьюга,
Заносила у добра молодца путь-дороженьку
И сбивала-то добра молодца со дороженьки,
Прибивала-то добра молодца ко городу;
Къ тому ко городу, къ незнакомому,
Къ незнакомому ко городу, ко Яицкому.

(Съ рукописи І. И. Желѣзнова).

4.

Ужъ конь ты нашъ сѣрый,
Конь сѣро-пѣгій!
Не покинь ты млада-вьюноша,
Сына мово милова.

---

[1]) „Кармазинъ“—слово арабское „кырмизи“, или „кримизи“—ткань темно-краснаго цвѣта. У малороссіянъ „кармазинъ“ означаетъ красное сукно.

Не дай ты взять верху надъ собой
Коню басурманина.
Выведи мово сына
На родимую сторонку.
Отплачу же я тебѣ
За то сторицею:
Подкую тебя
На серебряны подковки;
Сплету я тебѣ
Уздечку шелковую;
Покрою тебя
Попоной ковровою;
Уберу я тебѣ гриву
Въ ленты алыя.
Будешь ты у насъ стоять
Въ стойлицѣ ясеневомъ;
Будешь ты у насъ ѣсть
Бѣлоярую пшеничку;
Будешь пить
Воду ключевую,
А не то сыту медвяную.
Голубчикъ сѣренькій,
Сѣро-пѣгенькій!
Не покинь мово вьюноша
Въ ордѣ басурманской.

(„Уральцы“, соч. І. Желѣзнова, т. III, 1888 г., стр. 96).

5.

Казакъ съѣзжаетъ со квартирушки.

Ты, долина-ли, ты-ль, моя долинушка,
Долина-ль ты моя широкая!
Ничего ты, моя долинушка,
Не породила:
Породила ты, моя долинушка,
Одну бѣлую березыньку!..

Какъ на этой на березынькѣ
Гнѣздо было соколиное.
Разореное было это тепло-гнѣздышко,
Оно понапрасну!
Солетаилъ соколъ ясный
Со того тепла гнѣздышка, —
Распрощаился молодой казакъ
Со квартирушкой.
Ужъ онъ плакалъ и съѣзжалъ,
Таки рѣчи говорилъ:
— „Я стоялъ на тебѣ, ты моя квартирушка,
Ровно три годочка;
Показалися мнѣ эти три годочка
Ровно за три за часочка“.
Со всѣми-то онъ распростился,
Удалой казаченька,
Съ одной душой красной-дѣвицей не простился, —
Назадъ взворотился!..

(Сообщилъ В. П. Мартыновъ).

6.

Уральскій казакъ.

Настала священная брань на враговъ
И въ битву помчала Урала сыновъ.
Одинъ изъ казаковъ, наѣздникъ лихой,
Лишь годъ одинъ живши съ женой молодой,
Любя ее страстно и страстно любимъ,
Былъ долженъ разстаться съ блаженствомъ своимъ.
Прощаясь съ женою, сказалъ: „Будь вѣрна!“
— „Вѣрна до могилы!“ сказала она.
Три года за родину бился съ врагомъ,
Разилъ супостата копьемъ и мечемъ.
Безстрашный наѣздникъ, всегда впереди:
Свидѣтели — раны и всѣ на груди...
Окончивши битву, онъ ѣдетъ домой,
Все страстный, все вѣрный женѣ молодой.

Уже достигаетъ Урала береговъ,
И видитъ на встрѣчу идущихъ отцовъ;
Казакъ нашъ объемлетъ отца своего,
Но въ тайной печали онъ видитъ его.
— „Повѣдай, родитель, повѣдай ты мнѣ
О матери родной, о милой женѣ?“
Старикъ отвѣчаетъ: „здорова семья;
Но, сынъ мой, случилась бѣда у тебя:
Тебѣ измѣнила младая жена,
За то отъ печали изсохла она!
Раскаянье видя, простили мы ей;
Прости и ты, сынъ мой, мы просимъ объ ней“.
Ни слова отвѣта; идетъ онъ съ отцомъ;
И вотъ уже входитъ въ родительскій домъ:
Упала на грудь его матерь въ слезахъ,
Жена молодая лежала въ ногахъ.
Онъ мать обнимаетъ, иконамъ святымъ,
Какъ быть, помолился съ поклономъ земнымъ...
Вдругъ сабля взвилася могучей рукой...
Глава покатилась жены молодой;
Безмолвно онъ голову тихо беретъ
И, молча, къ народу на площадь несетъ.
Свое преступленье онъ всѣмъ объявилъ
И требовалъ казни... и казнь получилъ...

(Соч. С. Т. Аксакова, 1886 г., т. IV, стр. 188).

7.

На краю Руси обширной,
Вдоль уральскихъ береговъ,
Поживаетъ тихо, мирно,
Войско кровныхъ казаковъ.
Знаютъ всѣ икру Урала
И уральскихъ осетровъ,
Только знаютъ очень мало
Про уральскихъ казаковъ.
Жаль, что нѣтъ насъ тысячъ сорокъ,

Тѣмъ не хуже мы донцовъ.
„Золотникъ хоть малъ, да дорогъ“, —
Поговорка стариковъ.
Наши пращуры и дѣды,
До временъ еще Петра,
Были на поляхъ побѣды,
Страшно было ихъ „ура!“
Поляковъ неугомонныхъ
Колотили мы не разъ,
И французъ-то, безпардонный,
Не видалъ добра отъ насъ.
Мы рубили безъ пощады
Независимыхъ черкесъ,
И не знали ретирады
Ни въ ущелье и ни въ лѣсъ.
Жаль, что въ полѣ, на просторѣ,
Средь безчисленныхъ полковъ,
Не видна, какъ капля въ морѣ,
Горсть уральскихъ казаковъ [1]).
И мѣшаетъ нашей славѣ
Лишь количество одно,
А по качеству, мы вправѣ
Славу заслужить давно.
И бѣда-ли, что насъ мало!
Было меньше насъ и что-жъ? —
Вѣдь Хива отъ насъ страдала;
Кто же скажетъ: „это ложь“?
Могъ и нашъ Нечай отважный,
Какъ съ татарами Ермакъ,
Справиться съ Хивой. И важный
Онъ ужъ сдѣлалъ къ цѣли шагъ.
Мало насъ, но часть границы
Мы для Руси отвели;
Не однѣ свои станицы

---

[1]) Въ послѣднюю Турецкую войну 1877—1878 гг. въ пятисотъ-тысячной дѣйствующей русской арміи участвовала только одна, совершенно отдѣльная, Уральская казачья сотня.

Отъ киргизъ мы стерегли.
Отъ набѣговъ, разореній
Мы спасали цѣлый край.
Для сосѣдственныхъ селеній
И теперь за нами рай.
И завѣтною чертою
Мы назначили Яикъ,
Хоть за то у насъ съ ордою
Споръ былъ тяжекъ и великъ.
Хоть два вѣка тучей черной
Злые хищники вились,
Мы родной Уралъ упорно
Отстояли отъ киргизъ.
Много крови, безпокойства
Стоилъ быстрый нашъ Уралъ;
Но казакъ такого свойства:
Мило то, что съ бою взялъ.
Трудно было намъ возиться,
Но за то теперь кайсакъ
И названія боится:
Страшенъ имъ „Джаикъ-казакъ“.
Много было дней несчастныхъ,
Поразскажутъ старики:
И въ плѣну и въ рукопашныхъ
Схваткахъ гибли казаки.
Знать, нигдѣ еще не пишутъ
О дѣяньяхъ казаковъ;
Обо всемъ, что наши слышатъ
Изъ разсказовъ стариковъ.

(Н. Ф. Савичевъ).

8.

Никто! Уральскіе казаки
Родную землю стерегутъ!
Не боятся въ схваткахъ драки —
Всегда со славою помрутъ.

Помрутъ за родину святую,
Чтобъ въ ней имъ былъ милѣй покой!..
Покинуть домъ, семью родную,
Покинуть и Уралъ родной.
Покинувъ домъ, семью родную,
Летятъ на бой, къ своимъ врагамъ,
Спасая родину святую,
Усладу дать своимъ сердцамъ.
Уральцы вѣдь непобѣдимы,
Россія знаетъ ихъ вполнѣ.
Знать, Божьимъ промысломъ водимы,
Непобѣдимы и въ огнѣ?
Знаетъ ихъ и Царь державный,
Ихъ знаютъ и въ чужой землѣ;
Они свершили подвигъ славный
Подъ Иканомъ въ декабрѣ.
Не страшенъ бой былъ Алимкула,
Не лестны деньги ихъ, ковры...
Разбивъ ихъ сакли и аулы,
Пришедъ въ предѣлы Бухары,
Они и тамъ главу эмира,
Склонивъ къ ногамъ Руси Царя,
Чтобъ зналъ, насколько его сила
Могуча, сильна и щедра.
Чтобъ зналъ съ уральскими сынами
День и ночь Царя покровъ,
Грудь ихъ украситъ онъ крестами
И снарядитъ, какъ жениховъ.
Покончивъ битву, возвратятся
На батюшку-Уралъ родной
Съ семьей, родными повидаться
И тутъ вкусить блаженъ покой.
И живутъ тамъ, какъ владѣльцы:
Въ осень плаваютъ; — весной
Часть изъ нихъ и земледѣльцы:
Въ полѣ ходятъ за сохой.

(Сообщилъ А. Д. Логашкинъ).

9.

Казакъ [1]).

Сынъ Урала, сынъ отважный,
Въ полуночной тишинѣ,
Сквозь туманъ и сумракъ влажный
Тихо ѣдетъ на конѣ.
Ѣдетъ онъ и распѣваетъ
Пѣсни дѣдовъ, боевыя:
Удальство ихъ прославляетъ,
Сѣчи, схватки кровавыя.
Наконецъ, умолкъ и томно
Пѣснь любовную запѣлъ.
Въ ней онъ пылко, мило, скромно
Нѣжной страстію горѣлъ.
Съ сею пѣсней звучной, нѣжной,
Чащу лѣса проѣзжалъ,
Восходя на холмъ прибрежный,
На вершину дикихъ скалъ.
Сталъ спускаться, — вдругъ кайсаки
(Тутъ сидѣли у огней)
Точно бросились, собаки,
На осѣдланныхъ коней.
И стрѣлою полетѣли
Вслѣдъ за скачущимъ врагомъ,
Засвистали, заревѣли
Страшнѣй, чѣмъ пустынный громъ.
Вотъ ужъ близко, настигаютъ
Молодого казака;
Шашки, чеканы [1]) сверкаютъ
Во тьмѣ ночной изъ далека.

---

[1]) „Казакъ“—слово монгольское, состоящее, собственно, изъ двухъ словъ: „ко“ — значитъ броня, латы, защита и „захъ“ — межа, граница, рубежъ. Отсюда „ко-захъ“—защитникъ границы.

[2]) „Чеканъ“—топоръ, насаженный на длинную деревянную ручку.

Конь, товарищъ неизмѣнный,
Тутъ уральцу измѣнилъ:
Быстрымъ бѣгомъ утомленный,
Вовсе выбился изъ силъ.

(Василій Чалусовъ).

10.

Казачка.

Кто вечернею порою
За водой бѣжитъ къ рѣкѣ,
Съ распущенною косою,
Съ коромысломъ на рукѣ?
Ясно вижу взоръ уралки:
Брови лоснятся дугой,
На груди неугомонной
Кудри стелятся волной.
Станъ роскошный къ упоенью
За собой манитъ во слѣдъ.
Вотъ мелькнулъ — и въ отдаленьи
Скрылся шелковый бешметъ.
Раздалася огневая
Пѣсня звонко, подъ горой,
Пѣсня звучная, родная,
Пѣсня родины святой.
Это ты, моя землячка!
Узнаю твои черты,
Черноокая казачка,
Дѣва нѣжной красоты!
Сколько думъ ты пробудила,
Сколько ихъ блеснуло вновь?
Грусть въ душѣ заговорила,
Въ сердцѣ вспыхнула любовь.
Силой чаръ твоихъ чудесныхъ
Сквозь нависшихъ черныхъ тучъ
Мнѣ блеснулъ надеждъ прелестныхъ

Утомительный ихъ лучъ.
Дай же мнѣ налюбоваться
Вдоволь, дѣва, на тебя!
Грустно будетъ разставаться
Мнѣ съ тобой, краса моя!
Люди добрые, возьмите
Отъ меня назадъ свое!
Согласитесь, отпустите
Въ одиночество мое.
Въ бурномъ, радостномъ веселье,
Дайте сердцу отдохнуть;
Послѣ свѣтлаго похмѣлья,
На родимомъ на веселье
Въ поцѣлуяхъ отдохнуть.

(Василій Чалусовъ).

11.

Казаки свой умъ имѣютъ,
Жизнь прекрасную ведутъ:
Пикой, шашкою владѣютъ,
И горѣлку славно пьютъ!
Со врагомъ казакъ сразится, —
Побѣдитъ врага заразъ;
Если-жъ вздумаетъ напиться, —
То напьется на заказъ!..
Для киргиза-лиходѣя
У него готовъ арканъ; —
Для горѣлки-чудодѣя
У него готовъ стаканъ.
Съ пикой, шашкою и водкой
Онъ умѣетъ въ дружбѣ жить;
И съ молоденькой красоткой
Онъ умѣетъ пошалить.
Есть враги, — съ врагами бьется,
И враговъ онъ вмигъ побьетъ;
Есть вино, — онъ вмигъ напьется,

Тотчасъ пѣсни запоетъ!..
Казаки свой умъ имѣютъ,
Жизнь прекрасную ведутъ:
Пикой, шашкою владѣютъ,
И горѣлку славно пьютъ!

(Сообщилъ урядникъ Александръ Истоминъ).

12.

Какъ шли двое невольниковъ
Изъ неволи,
Изъ той орды, изъ проклятой,
Изъ хивинской;
Пришли они ко быстрой рѣкѣ,
Ко Уралу.
На ту пору Уралъ-рѣка
Возмутилась;
Съ пескомъ она, да съ желтенькимъ
Посмѣшалась;
Ледкомъ она, да тоненькимъ
Сомыкалась;
Снѣжкомъ она, да бѣленькимъ
Покрывалась.
Одинъ изъ нихъ пустился въ путь
Черезъ рѣку;
Онъ правой своей ножкой въ снѣгъ
Становился,
И только-что успѣлъ онъ въ ледъ
Упереться, —
Какъ бѣленькій снѣжочекъ вдругъ
Распахнулся,
А тоненькій ледочикъ вкругъ
Обломился:
Удалый, добрый молодецъ сталъ
Тонути.
Товарищу онъ взгаркнулъ тутъ
Благимъ матомъ:

— „Ты, гой-еси, товарищъ-другъ,
Братъ названный!
Не дай ты мнѣ въ мои годы
Жалко сгибнуть:
Бѣги, да протяни скорѣй
Праву руку!..“
— „И радъ бы я тебѣ
Протянути, —
Да ручка-то теперь моя
Коротенька,
А быстра Уралъ-рѣчушка,
Глубоконька!..“

(Отечественныя Записки, 1848 г., № 8, стр. 141).

13.

„Ой ты, батюшка, нашъ наказный атаманушка,
Давыдъ, сынъ Мартемьяновичъ! [1])
Посмотри-ка, что тамъ на морѣ,
Да на морѣ, на Каспійскомъ-то?
Не бѣлымъ тамъ забѣлѣлося,
Не чернымъ тамъ зачернѣлося,
Зачернѣлись на синемъ морѣ
Все астраханскія тамъ лодочки:
Воровскіе рыболовщички
Въ наши воды забираючись,
Нашу рыбу вылавливаютъ.
И отъ воровскихъ, тайныхъ вылововъ
Нашъ Уралъ-рѣка сталъ пустехонекъ.
Помоги ты намъ, атаманушка!
Заступись за насъ, родной батюшка,
Не вели ходить злымъ разбойникамъ,
Не вели ловить нашу рыбушку!“

[1]) Давыдъ Мартемьяновичъ Бородинъ былъ два раза наказнымъ атаманомъ Уральскаго казачьяго войска: съ 1798 по 1823 годъ и съ 1827 по 1829 годъ.

— „Ой, вы, братцы мои, вы казаченьки!
Что-жь вы, други мои, попужалися?
Аль не знаете, какъ стеречь вора?
Эй, вы, Гурьевцы, лихи молодцы!
Вы садитесь-ка въ легки лодочки,
Да возьмите-ка вы веселицы,
Догоните-ка астраханскихъ рыболовщичковъ, —
Накажите-ка ихъ вы по своему,
По морскому, по казацкому".

(Казачій Сборникъ, 1887 г., № 1, стр. 69).

14.

Погоня казаковъ за киргизами.

Въ сѣнокосную пору
Собиралъ Мимбай толпу.
Вотъ онъ, съ собранной толпой,
Не даетъ намъ всѣмъ покой:
Перелѣзъ Уралъ въ Красномъ яру,
И надѣлалъ намъ вреду.
Калмыковскіе казаки
Во походъ за нимъ пошли;
На узеняхъ его догоняли,
У насъ кони всѣ постали;
Мы секретно подъѣзжали,
И Мимбая вора били.
Чрезъ Кушумъ рѣчку мы плыли,
Тяжело Тангай вздохнулъ,
И Мимбая онъ столкнулъ.
Мимбай при смерти лежалъ,
Пѣшкомъ въ аулъ побѣжалъ;
Не узналъ прежнюю власть,
И еще взялъ такую же власть.
Также съ собранной толпой
Не даетъ опять покой.
Вотъ онъ нынѣшнюю зиму

Сдѣлалъ намъ такое диво:
Мимбай былъ такой неспокойникъ,
А Пролубщиковъ былъ у насъ полковникъ,
Вверхъ за Каршу заѣзжалъ,
И онъ воръ, Мимбай, на него напалъ;
Такъ Мимбай тутъ поступилъ,
Его саблей изрубилъ.
Калмыковская команда
Верхнимъ форпостомъ шла,
Скоро на-скоро собралась,
Во походъ за нимъ пошла;
Во походъ за нимъ пошла,
На Борбултъ-рѣчкѣ его нашла;
Какъ сайдакъ съ него снимала,
Рѣзвы ноги заковала,
Въ Калмыкову представляла.
Гдѣ Мимбай не воровалъ,
А Калмыковскихъ не миновалъ.
Канцелярскіе суды
Произвели Тангаева въ чины.

(Изъ Пѣсенника Сахарова, ч. IV, 1839 г., стр. 262—265).

15.

Проводы казака на службу.

Какъ одинъ-то, одинъ,
У отца, у матери,
Все одинъ-единый сынъ:
Какъ его-то берутъ, разудаленькаго,
Берутъ въ службу царскую,
По указу берутъ его, разудаленькаго,
Берутъ государеву.
Какъ со вечера доброму молодцу,
Ему приказъ отданъ былъ;
Съ полуночи-то, душа, добрый молодецъ,
Онъ собираться сталъ;

На бѣлой-то зарѣ, душа, добрый молодецъ,
А онъ сталъ коня сѣдлать;
На восходѣ-то солнца краснаго
Сталъ онъ со двора съѣзжать.
Провожаютъ его, разудалаго,
Его всѣ — отецъ и мать,
Провожаетъ его, разудалаго,
Его молода жена;
Провожаютъ его, разудалаго,
Его весь родъ и племень.
Позади идетъ его горюшенька,
Его молода жена.
Молодецъ-то жену уговаривалъ:
— „Воротися, жена, воротися, душа,
Воротися, лебедь бѣлая:
Впереди-то у насъ все огни горятъ,
Огни горятъ неугасные“.
— „Ужъ ты, миленькій, сердечный другъ,
Не уговаривай меня, не обманывай, —
Это горитъ-то и пылаетъ
У тебя, у молодца, ретиво сердце“.
— „Воротися, жена, воротися, душа,
Воротися, лебедь бѣлая:
Позади-то у насъ вода полая“.
— „Ужъ ты, миленькій, сердечный другъ.
Не уговаривай меня, не обманывай, —
Это изъ твоихъ очей, молодецкіихъ,
Слезы катятся, какъ рѣка льются“.

(Сообщилъ Н. Ф. Савичевъ).

16.

Поѣхалъ далеко казакъ, на чужбину,
На борзомъ конѣ, ворономъ;
Родныя онъ степи на долго покинулъ,
Покинулъ отцовскій онъ домъ.
Напрасно казачка его молодая,

Напрасно на сѣверъ глядитъ:
Все ждетъ, поджидая съ полночнаго края,
Когда къ ней казакъ прилетитъ!
Ахъ, тамъ, за горами, гдѣ вьюги-мятели,
Гдѣ страшны морозы трещатъ,
Гдѣ сдвинулись дружно и сосны, и ели, —
Тамъ кости казака лежатъ.
Казакъ и просилъ и молилъ, умирая,
Насыпать курганъ въ головахъ;
И пусть на курганѣ калина родная
Красуется въ яркихъ цвѣтахъ.
Пусть вольныя пташки, сидя на калинѣ,
Порой прощебечутъ онѣ
Мнѣ, бѣдному, вѣсти въ холодной могилѣ
О милой, родной сторонѣ [1]).

17.

Съ надеждой вѣрною, съ чужбины,
Кручину въ сердцѣ затая,
Скакалъ казакъ черезъ долины,
На родныя свои поля.
Скакалъ и конь его надежный,
Покоренъ спѣху сѣдока;
Уже и степь сыртовъ Урала
Очамъ виднѣлась казака;
И все онъ мчится вглубь, стрѣлою,
Къ своему родному очагу.
Вотъ близко берегъ, конь ногами
Ужъ по песку родному шелъ;
Вздохнулъ, встряхнулся и лугами
Онъ снова всадника несетъ.

---

[1]) Пѣсня эта занесена на Уралъ изъ Малороссіи старослужилыми тамъ казаками; она въ сильномъ ходу между Уральскими казаками и не выбрасывается почти никогда изъ репертуара ихъ пѣсенъ, даже при самой незначительной веселой компаніи, а потому и помѣщена въ настоящій „Сборникъ“.

Туманъ клубится надъ Ураломъ,
Казакъ молча прилегъ къ лукѣ;
Впередъ онъ сердце шлетъ съ мечтами, —
Блеститъ колечко на рукѣ.
Кольцо уралка подарила,
Когда казакъ пошелъ въ походъ.
Клялась ему и говорила:
— „Твоя я буду черезъ годъ!“
Вотъ годъ прошелъ; казакъ стрѣлою
Къ форпосту родному спѣшитъ.
Онъ видитъ избы за курганомъ;
Вздрогнуло сердце, онъ молчитъ...
Не вѣрь, казакъ, мечтѣ, обману,
Сверши, сверши пути конецъ,
Иль воротись ты къ атаману:
Неволитъ дѣву злой отецъ.
Твою казачку ужъ другому,
Неволей, замужъ выдаютъ.
Коня ты гонишь по-пустому,
Не здѣсь родимый твой пріютъ.
Плыви, казакъ, назадъ чрезъ воды,
Забудь казачку и форпостъ.
Въ чужомъ краю не знай свободы!
Умри, склоняся на сѣдло!

(Сообщилъ урядникъ Иванъ Горшковъ).

18.

Солнце закатилось за темныя лѣса,
Въ полѣ у насъ пріумолкло,
Соловушки не поютъ.
Подъ деревцомъ было вѣтвистымъ,
Тамъ хижина стоитъ,
Во этой во хижинѣ хозяюшка вдова,
Вдова наша хозяюшка, казачія жена.
Внезапно постучались къ ней
Два казака у окна:

Одинъ казакъ ужъ зрѣлыхъ лѣтъ,
Другой казакъ — какъ бѣлый снѣгъ.
— „Любезная наша хозяюшка,
Пусти насъ ночевать!“
— „Я бы рада васъ пустила,
Мнѣ не чѣмъ васъ принять!“
— „Любезная наша хозяюшка,
Намъ не надо ничего:
Съ походу мы пріустали,
Желаемъ отдохнуть“.
Взошли они во хижину,
Садились по мѣстамъ.
Любезная наша хозяюшка
Прижалась въ уголокъ;
Прижалась она и залилася
Горючими слезми.
— „Спроси-ка ты, Ванюша,
По комъ она груститъ?“
— „Любезная наша хозяюшка,
По комъ ты слезы льешь?“
— „Пятнадцать лѣтъ тому,
Случилася война.
И вотъ пятнадцать лѣтъ,
Какъ проводила я
И мужа, и сына своего;
Теперь же увидала
Я мужа и сына своего“.

(Сообщилъ казакъ Григорій Семіоничевъ).

19.

Солетались соколы со стороны,
Сѣли-пали у вдовыньки на дворѣ;
Крылышками широкъ дворикъ размели,
Голосьями они вдовыньку будили:
— „Встань, проснись ты, вдовынька молода;
Всѣ казаки изъ похода ужъ идутъ,

Твоего мужа въ колясочкѣ везутъ,
Ворона коня за шелковъ поводъ ведутъ.
На лошадушкѣ сѣделице лежитъ,
На сѣделицѣ рубашечка виситъ;
Рубашечка алой кровью облита...
А ты, молода, на вѣкъ бѣдная вдова,
А малыя дѣтки на вѣкъ-вѣчный сироты".

(Сообщилъ казакъ Григорій Семіоничевъ).

20.

Во полѣ, полѣ чистыимъ,
Стояло тутъ деревцо,
Тонко, высоко;
Подъ этимъ деревцомъ
Травынька росла.
Травынька, муравынька,
Листомъ широка.
На этой на травынькѣ
Цвѣты разцвѣли,
На этихъ на цвѣтикахъ
Разставленъ шатеръ,
Во этомъ во шатерикѣ
Разостланъ коверъ,
На этомъ на коврикѣ
Столики стоятъ,
А на тѣхъ на столикахъ
Скатерти лежатъ,
На этихъ на скатертяхъ
Пойлице стоитъ.
У того у столика
Два стула стоятъ,
На этихъ на стуликахъ
Два братца сидятъ,
Два братцы родные,
Родимыхъ-родныхъ.
Большой-то меньшому

Ту рѣчь говорилъ:
— „Братецъ ты мой, братецъ,
Родимый, родной!
Единая насъ матушка,
Братецъ, родила,
Не научивши уму-разуму,
Въ службу пустила;
Чужа, дальняя сторонушка
Безъ вѣтру сушитъ,
Безъ вѣтру, безъ вихря,
Безъ краснаго солнышка;
Чужой отецъ съ матерью
Безъ вины журятъ.

(Сообщилъ С. А. Ливкинъ).

21.

Первымъ полемъ мальчикъ шелъ,
Вторымъ полемъ коня велъ,
А третьимъ полемъ зеленъ дубъ стоитъ.
Въ зеленомъ дубу — золотое кольцо.
Привяжу я коня къ золотому кольцу,
Прикажу своево коня я красной дѣвицѣ,
Красной дѣвушкѣ, душѣ Настенькѣ,
Я самъ разставлю, добрый молодецъ,
Полотнянъ-бѣлый шатеръ,
Разстелю я въ шатерикѣ бѣлый войлочекъ,
Лягу, лягу, молодецъ, съ дѣвушкой я, — высплюсь.
Всталъ, проснулся, молодецъ, на бѣлой зарѣ:
Нѣту, нѣту у молодца, ни коня и ни сѣдла,
Ни коня нѣтъ, ни сѣдла, ни дѣвушки, ни шатра.
Пойду, взойду, молодецъ, на высокій на курганъ,
Посмотрю я, молодецъ, на всѣ четыре стороны:
Какъ въ правой сторонѣ не пыль-то пылитъ,
Въ зеленыихъ-то лугахъ турокъ плѣнъ дѣлитъ:
Впереди ведутъ коня-то воронова,
На конѣ сидитъ красна дѣвушка,

Красна дѣвушка, душа Настенька.
Доставалась Настенька турку храброму.
(Съ рукописи І. И. Желѣзнова, сообщенной Н. А. Бородинымъ).

22.

Вдова рыдаетъ по своимъ хоромамъ.

Какъ по лугу, по лужочку,
Лужку было зеленому:
Ходила тутъ, гуляла
Вдова-казачка молодая;
Она плакала-рыдала,
Сама слезно причитала:
— „Хоромы-ли, вы, мои хоромушки,
Не высокіе мои теремы!
Что же вы, мои хоромушки,
Не покрытые стоите?
Или вамъ, мои хоромушки,
Хозяина нѣту?“
— „Да, хозяинъ во отлучкѣ,
На чужой дальней сторонкѣ.

(Сообщилъ казакъ Иванъ Соболевъ).

23.

Не бѣлая березка съ березынькой свивалась,
Не кудрявая къ землѣ приклонялась;
Не сизой-то голубь съ голубкой слетались:
Молодой-то парень съ дѣвушкой свыкались.
Совыкались-то они ровно три годочка —
Разставались-то они только три часочка.
Совыканьице у нихъ было тайно,
Разставаньице у нихъ было явно:
— „Я поѣду, душенька, во путь, во дорожку,
На чужую, дальнюю, на сторонку.

Если скучно тебѣ будетъ, пиши ко мнѣ письма".
— „Я писать-то, мой миленькій, не умѣю,
А писарей просить, дѣвушка, не смѣю".
(„Уральцы", І. И. Желѣзнова, 1858 г., ч. II, стр. 55).

24.

Вечòръ ко мнѣ, дѣвушкѣ,
Соловушка прилеталъ,
Соловушка прилеталъ —
Молодецъ въ гости пришелъ.
Звалъ онъ, манилъ дѣвушку,
Уговаривалъ съ собой:
— „Поѣдемъ-ка, дѣвушка,
Во чисто поле гулять;
Во чисто поле гулять, —
Во зеленые луга.
Заѣдемъ мы, дѣвушка,
На высокій на курганъ.
Еще возьмемъ, дѣвушка,
Полотнянъ-бѣлый шатеръ;
Разставимъ же, дѣвушка,
Полотнянъ, бѣлый шатеръ,
Во шатрѣ поставимъ
Мелко-точенну кровать,
На кровать положимъ мы
Перинушку пухову,
Подушечки парчевы".
— „Ложись, ложись, молодецъ,
Дай въ головкѣ поискать;
Въ головушкѣ поищу,
Русы кудри расчешу".
Стала дѣвушка искать,
Сталъ молодецъ засыпать.
Уснулъ, уснулъ, молодецъ,
У дѣвушки на рукѣ,
У дѣвушкѣ на рукѣ —

На кисейномъ рукавѣ.
Всталъ, проснулся молодецъ, —
Ни дѣвушки, ни коня,
Нѣтъ ни бѣлаго шатра.
Заставила дѣвушка
Въ полѣ пѣшему ходить;
Въ полѣ пѣшему ходить,
Поджавъ рученьки, бродить.
Добро же тѣ, дѣвушка,
Самъ насмѣшку отсмѣю;
Самъ насмѣшку отсмѣю,
Русу косу оторву.

(„Уральское казачье войско“. Рябинина, 1866 г., стр. 386).

25.

Нѣтъ несчастнѣй
Молодца меня,
Всѣ веселости позакрылися
Отъ молодца отъ меня.
Всѣ бѣды, напасти повстрѣчалися
Съ молодцемъ, со мной!
Я пойду съ горя въ чисто поле
Схожу,
Я разсѣю грусть-тоску
По вешнимъ ее по цвѣтамъ;
Я нарву, да нарву тѣхъ лазоревыхъ,
Алыхъ цвѣтовъ;
Я пойду на рынокъ,
Выйду на базаръ,
Продамъ тѣ лазоревы,
Алые цвѣты;
Я куплю, куплю воску яраго
Бѣлу свѣчу;
Я поставлю ее,
Зажгу у батюшки въ терему:
Ты гори-ка-ть, гори,

Рублевая, бѣла свѣча!
Ты умри-ка-ть, умри
У касатыньки судьба!
Я возьму, да возьму
Касатыньку свою за себя.
Все давнымъ-давно было
Извѣстно,
Кто цвѣточки алы
Въ полѣ разсадилъ;
Давно ко милой въ гости,
Давно я не ходилъ.

26.

Какъ во пятый было годъ
Заточенъ былъ нашъ городъ;
Какъ Бизяновъ генералъ
По станицамъ пробѣгалъ;
По станицамъ пробѣгалъ,
Стариковъ всѣхъ собиралъ
И братьями называлъ:
— „Старики, братцы, уральцы,
Однокровецъ вѣдь я вашъ,
Есть родня моя средь васъ...
Отъ Царя присланъ указъ,
Въ годъ учить дѣтей три разъ“.
Старики-же отвѣчали,
Громкимъ голосомъ кричали:
— „Не желамъ принять ученья,
Лучше пойдемъ на мученье“.
Тутъ Бизяновъ генералъ,
Разсерженный, пробѣгалъ;
Во станицу прибѣгалъ,
Стариковъ онъ всѣхъ собралъ,
Солдатами т-таковалъ
И въ Уральской провожалъ;
Тамъ по камерамъ сажалъ.

Изъ камеровъ выводили
И къ подпискѣ подводили:
— „Не желамъ мы подписаться,
Всѣ готовы заковаться!“
Вотъ Бизяновъ генералъ
Заковать ихъ приказалъ,
По этапу провожалъ.
Пошли они, зашумѣли
И желѣзомъ загремѣли:
„Вы простите, родны, насъ,
Не пишитесь здѣсь безъ насъ,
Потеряете всѣхъ насъ...
Ты прости городъ Уральскъ
И Уралъ быстра-рѣка!..

. . . . . .

(Записана со словъ казака Круглоозерной станицы III — ва).

ОТДѢЛЪ VII.

СТИХОТВОРЕНІЯ, КАСАЮЩІЯСЯ УРАЛЬСКИХЪ КАЗАКОВЪ.

1.

Уралъ.

Рѣка воинственнаго края,
Любезной родины моей!
Уралъ, — рѣка моя родная, —
Ты мнѣ всѣхъ русскихъ рѣкъ милѣй!
Я на брегахъ твоихъ рожденъ,
Питомецъ твой, горжусь тобой.
Я грудью матери вспоенъ
И чистою твоей водой;
Кто-жъ воду пьетъ твою, Уралъ,
Тотъ смѣлъ, отваженъ и удалъ.
Всѣ рѣки славныя воспѣты:
Нева и Днѣпръ, и Донъ, и Волга;
Но лирой звонкою поэты
Тебя не славили, и долго
Ты ждалъ поэта своего;
И наконецъ дождался ты,
Уралъ, привѣта моего:
И я, невѣдомый пѣвецъ
На громкомъ поприщѣ искусства,
Хочу я въ даръ тебѣ принесть
Мои восторженныя чувства,
Воздать тебѣ хвалу и честь.
Не живописными брегами,
Не плодоносными полями

Ты, быстрый мой Уралъ, течешь:
Ты съ виду дикъ и нехорошъ
Въ сравненьи съ славными рѣками,
И больше степью и песками
Течешь ты въ дикой красотѣ;
На голубомъ твоемъ хребтѣ
Не плаваютъ суда съ товаромъ;
Но стариками, знать, не даромъ
Тебѣ названіе дано:
„Яикъ, серебряная крышка
И золотое твое дно“.
И, по словамъ ихъ, ты — кубышка,
На днѣ которой сложена
Казаковъ общая казна.
Ты судоходною торговлей
Не занимаешь казаковъ,
За-то ты имъ полезенъ ловлей
Большихъ бѣлугъ и осетровъ.
Ты имъ, на длинные багры,
На хлѣбъ насущный посылаешь
Свои богатые дары;
Ихъ только ты одинъ питаешь
И даръ твоихъ завѣтныхъ водъ —
Твою и рыбу, и икру —
Въ презентъ уральцы каждый годъ
Отвозятъ къ царскому двору.
Но не въ обширной рыбной ловлѣ,
И не въ богатствѣ казаковъ,
Не въ промыслахъ и не въ торговлѣ,
И не въ красѣ твоихъ береговъ,
Уралъ, достоинство твое:
Твое достоинство — народъ,
Который на тебѣ живетъ!..
Уральцевъ бранное житье,
Война съ сосѣдними врагами
За обладаніе тобой
И твоей лѣвой стороной,
Богатой тучными лугами;

Ихъ безпрерывный бой кровавый
За населенный берегъ правый,
Ихъ служба и воинскій духъ,
И рядъ отечеству заслугъ, —
Тебѣ стяжали честь и славу!..
Все, что я въ честь тебѣ сказалъ,
Принадлежитъ тебѣ по праву,
Быстротекущій мой Уралъ.

(Н. Ф. Савичевъ)

2.

Уралъ.

Уралъ, привольный и глубокій!
Уралъ, бушующій волной!
Люблю я берегъ твой высокій,
И водъ твоихъ разливъ широкій,
И волнъ сѣдыхъ крутой прибой!
И, сладкимъ чувствомъ упоенный,
Люблю смотрѣть на вскрытый ледъ,
Когда весною, раздробленной,
Онъ къ безднамъ Каспія плыветъ.
И, ударяясь съ страшнымъ шумомъ
О льдину льдина, какъ гора
Вдали встаетъ изъ серебра,
И въ томъ смятеніи угрюмомъ
Плыветъ съ утра и до утра!
Люблю, когда по влагѣ зыбкой
Скользитъ уютная ладья
Безъ парусовъ и безъ руля!..
Съ какою радостной улыбкой
На ней безпечный рыболовъ
Плыветъ куда-то... И готовъ
Ужъ бросить онъ въ родныя воды
Свою ячеистую сѣть,
И, на красу своей природы,

Съ любовью дѣтскою смотрѣть!
Люблю въ дали твоей я сонной
Едва замѣтный островокъ,
Гдѣ тлѣетъ поздній огонекъ,
Гдѣ рыболовъ неугомонный,
Раскинувъ неводъ на песокъ,
Ждетъ, какъ затеплится востокъ!..
Люблю смотрѣть на вереницы
Залетныхъ птицъ изъ южныхъ странъ,
Когда ихъ стройный караванъ,
Прорѣзавши сѣдой туманъ,
При блескѣ утренней денницы,
Закроетъ дальній твой лиманъ;
Или средь волнъ твоихъ зыбучихъ,
Въ громадныхъ стаяхъ, кулики
Займутъ собою островки,
И разнообразныхъ утокъ тучи, —
Твои наносные пески!
Какую чувствуетъ отраду
Моя душа, горя огнемъ,
Когда подкрадусь я тайкомъ
Съ своимъ охотничьимъ ружьемъ
Къ пугливому такому стаду?!..
Ужъ сряду нѣсколько вѣковъ
Лелѣешь ты своихъ сыновъ
На берегахъ твоихъ привольныхъ:
Всегда лихихъ, отважныхъ, вольныхъ,
Тебя любящихъ казаковъ!
Близь ихъ станицъ — поля родныя,
Бахчи и нивы золотыя,
Съ травой поемныя луга;
А по лугамъ видны намёты —
Изъ сѣна стройные стога,
И разныхъ величинъ ометы...
Люблю родные берега!
На нихъ здѣсь роща вѣковая;
Тамъ груды золотыхъ песковъ
Идутъ излучисто, внимая

Плесканью шумному валовъ;
А тамъ хребты недвижной цѣпью
Семьею дружною встаютъ...
Какихъ причудъ не встрѣтишь тутъ?!..
За нимъ же, разстилаясь степью,
Поля обширныя цвѣтутъ!
По нимъ разбросаны небрежно
Коши киргизскихъ удальцовъ,
Среди ихъ дикихъ табуновъ,
Пасомыхъ вѣрно и прилежно...
Какъ часто я между киргизъ
Любилъ сидѣть въ кибиткѣ дымной,
Гдѣ мнѣ сосѣдъ гостепріимный
Не разъ свой подносилъ кумызъ!..
Еще въ младенческія лѣта,
Тобой плѣненный, я, Уралъ,
Запомнилъ всѣ твои примѣты
И звукамъ волнъ твоихъ внималъ!
Я счастливъ былъ, когда впервые
Я берега твои крутые
Въ умѣ не зрѣломъ начерталъ!
Ты былъ мой первый идеалъ, —
Когда я отрокомъ безпечнымъ,
Весломъ играя, по рѣкѣ,
Порой съ волненіемъ сердечнымъ,
Скользилъ на легкомъ челнокѣ;
Когда, близъ водъ твоихъ игривыхъ,
Я въ рощахъ слушалъ соловья;
Какъ много дней тогда счастливыхъ
Провелъ въ тѣни прохладной я!
Какъ я любилъ въ водахъ завѣтныхъ,
Бывало, съ рѣзвою толпой
Друзей веселыхъ и привѣтныхъ,
Купаться лѣтнею порой!
Но не любилъ плотовъ плывущихъ
Я на твоихъ волнахъ могучихъ:
Они, скрипя и день, и ночь,
Плывя съ верховъ на низъ далекій,

Своей бабайкою широкой
Пугали птицъ и гнали прочь
Любимыхъ рыбъ моихъ!.. Донынѣ
Объ удовольствіяхъ своихъ
Нельзя забыть, какъ о святыхъ!..
Катись, Уралъ, мой другъ безцѣнный!
Несись въ таинственную даль!
Бушуй волною неизмѣнной
И свѣй съ души моей печаль!..

(„Казачій Вѣстникъ“ 1884 г., № 73, К. Калачевъ).

3.

Штатъ [1]).

(Перемѣна бешметовъ на мундиры).

— „Дѣдъ, скажи, какъ бунтовали
Въ прежни годы казаки;
Что такое называли
Вреднымъ штатомъ старики?
Были вы въ старинны годы
Всѣ похожи на дѣтей:
Вамъ, подъ именемъ свободы,
Жалко стало бешметей.
Чѣмъ же намъ въ мундирахъ хуже,
Ну, скажи-ка, старый другъ?
Тѣмъ ли, что теперь я туже,
Но красивѣе одѣтъ?“
И, окинувъ парня взглядомъ,
Отвѣчалъ старикъ сѣдой:
— „Вижу, хочешь ты нарядомъ
Щегольнуть передо мной.

[1]) Стихотвореніе это написано по поводу новаго положенія объ Уральскомъ казачьемъ войскѣ, послѣдовавшемъ въ декабрѣ мѣсяцѣ 1803 года.

Гдѣ ужъ намъ? мы люди стары;
Ты-же — хоть куда казакъ!
Хороши твои шарвары,
Только узко сдѣланъ шагъ".

(Н. Ф. Савичевъ).

4.

Жалкое творенье, —
Это я сама;
Страсть стихотворенья
Мучаетъ меня.
И не учена я,
Такъ, какъ благородны;
Всю жизнь провела я
Въ горѣ, не свободно:
Какъ была дѣвицей, —
Росла сиротой,
Жила со вдовицей,
Маменькой родной.
Пряли мы и ткали
Тогда кушаки;
Сватать меня стали
Скоро казаки.
Сватался двое, —
Пошли въ перебой!
Маменькина воля
Была надо мной.
По мыслямъ родимой
Явился женихъ:
Смугловатъ, красивый,
Скроменъ, милъ и тихъ...
Потомъ я осталась
Бѣдною вдовой.
Слезно заливалась
Съ однимъ сиротой.
Три года грустила!

Радостныхъ нѣтъ дней...
Въ бракъ второй вступила,
Прижила дѣтей.
Супругъ ужъ старенекъ,
Порой обижаетъ;
Слишкомъ горяченекъ:
Писать запрещаетъ!
— „На что, молъ, похожа
Женщина, что пишетъ?
Для меня дороже,
Коль работы ищутъ“
За то у насъ споры
Частенько бываютъ;
А мнѣ тѣ укоры
Душу раздираютъ.
И мнѣ нѣтъ веселья,
Лишь грущу всегда;
Только развлеченья —
Коль пишу когда.
Съ перомъ на досугѣ
Горе я дѣлю;
Бумагѣ, какъ другу,
Все я говорю.
Слезы проливаю
Вдобавокъ чернилъ;
Временемъ скучаю:
Вольный свѣтъ не милъ!
Мнѣ-ли бы писати,
Коль мужъ запрещаетъ?
Надо-бы отстати
Коль за то журятъ! [1])

(Казачка М. И. Тушканова).

---

[1]) Стихотвореніе это относится къ произведеніямъ нашей землячки, Марьи Ивановны Тушкановой, проживавшей въ Январцевскомъ поселкѣ и умершей въ концѣ 1860-хъ или въ началѣ 1870-хъ годовъ.

5.

Утѣшеніе.

Русскихъ воиновъ отцы,
Не извольте горевать:
Идутъ ваши молодцы
Противъ турокъ воевать.
И вы, матери родныя,
Долго-ль слезы проливать?
На что русскіе рождены,
Чтобы дерзкихъ усмирять.
И вы, нѣжныя супруги,
Не томитеся тоской:
Возвратятся ваши други
Славно въ край свой дорогой.
Лучше съ вѣрою молитесь
За Царя и рать его,
Чаще въ Божій храмъ ходите —
Вы не бойтесь ничего.
Творецъ міра — нашъ Спаситель —
Не оставитъ никогда:
Царь нашъ будетъ побѣдитель,
Вы надѣйтесь завсегда.
Съ нами Богъ! русскихъ
Противъ насъ кто можетъ стать?
Благодать Его надъ нами,
Мы дадимъ имъ то понять [1]).

(Казачка М. И. Тушканова).

6.

Рыцарь.

Вѣдьма старая варила
Зелье русское въ котлѣ,

[1]) Стихотвореніе это составлено казачкой М. И. Тушкановой въ 1853 — 56 гг., послѣ призыва въ дѣйствующую армію двухъ Уральскихъ полковъ.

И надъ зельемъ говорила:
„Будь, что будетъ на землѣ!“

Скоро сказка говорится,
Дѣло медленно идетъ,
Но въ котлѣ моемъ варится
То, что выступитъ впередъ.

Изъ холопства, изъ неволи
Выйдетъ доблестный чудакъ;
И поскачетъ въ чисто поле
Русскій рыцарь — мой казакъ.

Онъ, просѣянный сквозь сито,
Прокаленный на огнѣ,
Выйдетъ смѣло и открыто,
Выйдетъ съ пикой на конѣ.

Отъ спѣсиваго боярства
Убѣжитъ онъ въ курени,
На украйнахъ государства
Разведетъ свои огни.

Онъ покинетъ, позабудетъ
Домъ и бѣдную семью...
Страшно праздновать онъ будетъ
Волю буйную свою!

Онъ что встрѣтитъ — опрокинетъ,
Какъ нагорный злой потокъ;
Царство русское раздвинетъ
И на югъ, и на востокъ.

Овладѣвши вольной степью
По краямъ страны родной,
Станетъ онъ живою цѣпью
Передъ хищною ордой.

Намекнувъ Руси границы,
Самъ въ предѣлы онъ войдетъ
И усядется въ станицѣ,
И съ семьею заживетъ.

Онъ, полей привольныхъ житель,
Будетъ родину любить;
И, свободы представитель,
Волей сладкой дорожить.

Онъ, цѣны себѣ не зная,
Все-же будетъ удальцомъ
И, изъ славы умирая,
Будетъ славнымъ молодцомъ".

(„Казачій Вѣстникъ", 1885 г., № 99. Н. Ф. Савичевъ).

7.

Уралъ и его притоки.

Въ азіятскихъ краяхъ
Пораскинулась степь;
И обширная цѣпь
Грань теряетъ въ рѣкахъ.
Эти рѣки текутъ
Перекатной струей
И, рисуясь дугой,
По Уралу идутъ.
Ихъ составъ хоть и малъ,
Но полезенъ собой:
Наполняетъ порой
Тотъ завѣтный Уралъ.
Онъ течетъ съ быстротой,
Вытекая изъ горъ,
И стремнину провелъ
Широтою степной.

Лишь мутится разъ въ годъ,
Пополняясь водой
И, проворно, весной,
Гонитъ въ Каспій свой ледъ.
Моетъ берегъ крутой
И частенько рѣитъ,
Русло роетъ, катитъ
Перекатной волной.
Въ половодье, весной,
На стремящійся ледъ
Любоваться народъ
Соберется порой.
Вотъ мары и холмы
По прибрежью стоятъ;
Въ нихъ останки лежатъ
Давно бывшей войны.
А приволье рѣки
Завлекаетъ собой,
Прорѣзая струей
Горы, лѣсъ и пески.
Здѣсь спустился рыбакъ
Въ шаткой лодкѣ своей
И несется струей,
Какъ безстрашный морякъ.
А за нимъ, вдоль рѣки,
Смотришь, сѣти плывутъ;
И запутались тутъ
Осетры, судаки.
Часто встрѣтишь весной
На бударкахъ гребцовъ —
Тѣхъ лихихъ молодцовъ, —
Плывутъ съ сѣтью рѣкой.
(Это съ Дона сыны
Удалыхъ казаковъ;
Со Донскихъ береговъ
Здѣсь явились они).
И пріялъ ихъ Яикъ
Всей открытой душой;

Подъ военной рукой
Палъ маститый старикъ.
Съ той поры тотъ Яикъ,
Какъ гнѣздо казаковъ,
Межъ своихъ береговъ
Сталъ могучъ и великъ.
Тридцать лучшихъ станицъ
Здѣсь теперь разцвѣли;
Онѣ мѣсто нашли
Безпредѣльныхъ границъ.
Межъ притоковъ его
Есть луга, озера,
А въ степи — хутора;
Изобилье всего.
Возростилъ ты, Уралъ,
Тутъ лихихъ казаковъ...
И минувшихъ вѣковъ
Сохранилъ матерьялъ.
Хоть и много невзгодъ
Потерпѣлъ ты, Яикъ!
Твой порывъ былъ великъ, —
Вспоминаетъ народъ.
Ты отсель удалилъ [1])
Коренныхъ казаковъ
И лишилъ ихъ покровъ,
Но опять воротилъ [2]).
Кочкинъ пиръ [3]) не забытъ;
А Емелька Пугачъ [4])
Не сносилъ своихъ плечъ...
— Удержался же бытъ.

---

[1]) При введеніи новаго положенія 1874 года, многіе казаки не иожелали принять его, за что въ 1875—1876 гг. до трехъ съ половиною тысячъ ихъ было лишено казачьяго званія и сослано въ Сибирь, въ Туркестанскій край и въ Оренбургскую губернію.

[2]) Въ 1881 году, по Высочайшему повелѣнію, сосланнымъ казакамъ разрѣшено было снова вернуться на Уралъ.

[3]) Кочкинъ пиръ былъ на Уралѣ въ 1806 году, послѣ введенія штата 1803 года.

[4]) Пугачевскій бунтъ 1774 года.

Но въ цвѣтущіе дни
Высылалъ ты сыновъ
Бить отчизны враговъ...
— Бились крѣпко они.
Не жалѣя, булатъ
Онъ точилъ и пущалъ;
И враговъ угощалъ
Отъ винтовки прикладъ.
Туркестанъ и Кавказъ,
И Варшава, и Крымъ —
Доказали мы имъ.
Турки знаютъ же насъ;
И французъ не забылъ
Бичъ — двѣнадцатый годъ;
На Березинѣ бродъ,
Гдѣ войска онъ сложилъ.
Тутъ казачьи посты
Ихъ сбивали съ пути
И мѣшали идти,
Сожигая мосты.
И кайсаки твои
Вѣдь не даромъ дались:
Долго съ ними дрались
Мы въ минувшіе дни.
И Ногай и Букей
Съ тобой жить не могли:
Они здѣсь полегли
Отъ военныхъ затѣй.
А за трудъ боевой, —
Разливайся, Уралъ...
Тебѣ Царь даровалъ
Знакъ Егорья святой.
Много славныхъ страницъ
Ты себѣ начерталъ;
И враговъ отражалъ
Отъ россійскихъ границъ.
Да, кровавый твой путь
Будетъ вѣчно лежать,

А на немъ отдыхать
Молодецкая грудь.
Такъ, родимый, струись,
Дорогая рѣка;
Вспоминая вѣка,
Пей, казакъ, веселись!

(В. А. Чалусовъ).

8.

Багренье.

Сыны Урала дождались
Своей работы годовой:
Корою зимнею покрылся
Яикъ-Горынычъ ихъ родной.
Настало время суетиться
И оживить казачью грудь...
Зима холодная стремится, —
Готовитъ легкій, снѣжный путь.
Приходитъ войско къ заключенью
И порѣшаютъ рыбаки:
Ятови бить по назначенью,
Внизъ по теченію рѣки.
Сформировались баграчеи [1]);
Съ зарей по утру поднялись;
Коней ретивыхъ накормили,
Къ ятови быстро понеслись.
Уралъ подъ ледянымъ покровомъ,
Храня дары своимъ сынамъ,
Бѣжитъ, струится передъ ловомъ
И тянетъ паръ по полыньямъ.
Для глазъ въ пріятномъ безпорядкѣ
Сошли на берегъ рыбаки.
На ледъ спускали тутъ лопатки,
Багры, и пѣшни и саки.

[1]) Рыболовы, ловящіе рыбу баграми.

Порядокъ войскомъ заведенный
(Туда назначенъ атаманъ),
А тамъ, гдѣ рубежъ отведенный,
Предѣломъ служитъ казакамъ.
Давнымъ давно у нихъ ведется:
Подать сигналомъ рыбакамъ
Туда пищаль, снарядъ везется;
Извѣстно это казакамъ.
И вотъ, орудіе поддѣто,
Спустился съ яру командиръ,
А дальше видно... у лафета
При ней назначенъ канониръ.
Замолкло. Тихо надъ рѣкою.
Рядами стали рыбаки.
Необозримой полосою
Ряды пестрѣютъ вдоль рѣки.
Раздался выстрѣлъ, побѣжали,
Стремнину заняли рѣки,
Разбили проруби въ Уралѣ,
Засуетились казаки.
Шумятъ, гудятъ, азартъ и ломка.
Вотъ зыбнулъ ледъ, пошла вода
И раздается звонко, громко:
— „Скорѣй, скорѣй, сюда, сюда!“
Въ пылу неистоваго крика
Лихой добычи казаковъ,
Со дна самой рѣки Яика
Влачатъ икряныхъ осетровъ.
И онъ, кормилецъ, алой кровью
Покроетъ свой разбитый ледъ.
Казакъ, усталый послѣ ловли,
Свою добычу продаетъ.
А тутъ и знямки появились:
Сыны Урала водку пьютъ;
Долины пѣснью огласились...
Они „Яикушку“ поютъ.
Яикъ свой въ пѣсняхъ прославляютъ
Его владѣльцы-казаки.

Съ любовью мирной продолжаютъ
Рыбачить здѣсь, въ своей рѣкѣ.
За трудолюбіе лихое
Такъ награждаетъ казака, —
Цѣня стремленье вѣковое, —
Его любимая рѣка.

(В. А. Чалусовъ).

9.

Рѣка Уралъ.

Уралъ, рѣка моя родная,
Прекрасной родины моей!
Течешь ты быстро, дорогая,
Среди полей, среди степей.

Край прежде былъ страною дикой
Притономъ лишь однихъ звѣрей;
Просторъ здѣсь всюду былъ великій,
Но не было жилищъ, людей.

Весной тѣнисты рощи наполнялись
Ароматомъ травъ, цвѣтовъ;
И лѣтомъ звучно оглашались
Прекраснымъ пѣньемъ соловьевъ.

На днѣ самой рѣки скрывался
Милліонъ бѣлугъ, шиповъ и осетровъ.
Но край все-жъ долго дожидался
Рабочихъ рукъ и рыбаковъ.

Здѣсь на время пріютились
Народъ степной — монголы;
Въ ихъ власти долго находились
Твои лѣса, поля и долы.

Тогда отважно разъѣзжали
По морю шайки казаковъ;
Они съ казачьей удалью напали
На пришлыхъ жителей Яицкихъ береговъ.

Въ Сарайчикъ они непрошены явились;
Гдѣ-жъ было съ ними бороться дикарямъ?
Они имуществомъ и жизнью поплатились,
Уступивъ мѣсто отважнымъ казакамъ.

Потомъ они плыть вверхъ рѣшились,
И, преодолѣвъ множество преградъ,
Здѣсь воочію убѣдились,
Какой они открыли кладъ.

Намъ это Божій даръ,
Самимъ себѣ они сказали.
И потомъ, кровью защищали
Уралъ отъ непріязненныхъ татаръ.

Въ концѣ-концовъ, татары отступились:
Вѣдь трудно было съ казаками воевать.
Казаки-жъ на мѣстѣ новомъ поселились
И стали въ страхѣ, но вольно поживать.

Потомъ здѣсь шла борьба
Съ кочевой киргизскою ордой.
Казаки, не щадя крови и труда
Защищали свою свободу и покой.

Наконецъ возросло населенье,
Казаки ужъ стали все сильнѣй;
Умножились форпосты и селенья
И жизнь здѣсь пошла веселѣй.

Теперь забыты времена лихія,
Рѣдко вспоминаютъ подвиги былые;

А на мѣстахъ, гдѣ кровь лилась, —
Теперь вязель прекрасная сплелась.

Теперь, безъ страха, всюду разъѣзжаютъ,
Заселены ужъ всѣ свободны уголки;
И Уралъ веселой пѣснью оглашаютъ
Его законные владѣльцы — казаки.

Теперь, въ селеньяхъ, шумны хороводы
Гуляютъ вечернею порой;
Играетъ вольно, на свободѣ,
Людъ удалый, молодой.

Киргизы прежде бунтовали...
Но теперь, по-истинѣ сказать,
Они смирнѣе много стали,
Хоть и не прочь лошадку своровать.

Теперь уралки смѣло за рѣкою
Съ пѣснями ягоду берутъ;
Идутъ вечернею порою
Къ станицамъ, — пѣсенки поютъ.

(„Уральскія войсковыя вѣдомости“, 1881 г., № 47, Александръ Любимовъ).

10.

На яру.

Вечеръ; солнце на закатѣ;
Чудно, тихо все вокругъ.
Сѣлъ у яра я, на скатѣ, —
Наши, кажется, плывутъ.
Тихо катятся бударки,
Тихо веслами гребутъ...
Мѣрной поступью уралки
Съ яра за водой идутъ...
Свищетъ коршунъ за рѣкою;

Воронъ каркаетъ въ лѣсу;
И мартышка надъ водою
Вьется, съ рыбкою въ носу.
Но вотъ, солнце закатилось;
Тухнетъ алая заря;
Хоть картина измѣнилась,—
Это лучше для меня:
Лѣсъ одѣлся чудной мглою,
По форпосту — огоньки;
Птицъ не видно надъ рѣкою,
Смолкли... спятъ ужъ знать онѣ...
Но проснулась надо мною
Звѣздъ веселая семья.
Слышны стали за рѣкою
Пѣснь и трели соловья.

(Л. С. Алексѣевъ).

11.

Къ Пасхѣ.

(Морское рыболовство).

Бушуетъ Каспій цѣлый день,
Реветъ и свищетъ вѣтеръ южный;
Мелькаетъ парусъ, словно тѣнь
И лодку мчитъ онъ съ вѣтромъ дружно.

Сидитъ, согнувшись, на кормѣ,
Въ овчинной шапкѣ и халатѣ,
Старикъ-уралецъ и, въ дремѣ,
Проводитъ время, будто въ хатѣ.

А лодкой правитъ, какъ большой,
Киргизъ-работникъ, малолѣтокъ.
Отдавшись дѣлу всей душой,
Забылъ про все онъ, кромѣ сѣтокъ.

И какъ забыть ему про нихъ,
Когда не спалъ онъ съ ними ночи:
Бывало, вѣтеръ чуть притихъ,
Онъ — въ челнъ, и рвется, что есть мочи.

Отъ сѣти къ сѣти, и багромъ
Изъ нихъ онъ рыбу выбираетъ;
А гибель подлѣ и кругомъ...
Волна, какъ щепкой, имъ играетъ.

Но цѣпко держится рыбакъ...
Тутъ третій съ ними есть — у люка,
Укрывшись сѣтью кое-какъ,
Лежитъ внученокъ старца. Скука

Заставила ребенка спать
Подъ свистъ и гулъ морской тревоги;
А-то бы дѣду не дремать,
Сквозь сонъ разъ сто сводя итоги

Тому, что̀ добыто трудомъ.
Икры и рыбы съ нимъ довольно,—
Не съ голыми руками въ домъ
Вернется къ пасхѣ, гдѣ привольно

Съ семействомъ праздникъ проведетъ.
А тамъ опять, собравшись съ силой,
Онъ въ море щедрое уйдетъ.
Но вотъ и берегъ тотчасъ милый,

Родной, казачій берегъ! — „шкотъ“ [1])
Отдай! [2]) кричитъ старикъ балайкѣ [3]).

---

[1]) Веревка, которою передвигаютъ и устанавливаютъ парусъ.

[2]) Ослабь, отпусти.

[3]) У киргизъ „бала“—мальчикъ. Уральцы передѣлали его на слово „балайка“, что значитъ слуга, работникъ, мальчишка.

Проснулся внукъ и, словно котъ,
Юркнулъ въ кормѣ. „Готовь двѣ чалки, [1])

Да тамъ, смотри мнѣ, не зѣвай:
Скорѣй отвязывай подъемный, [2])
А послѣ парусъ собирай!“
И въ мигъ все сдѣлалъ внукъ покорный.

А дѣдъ, межъ тѣмъ, стальной рукой
Владѣлъ рулемъ, игрушкой ровно.
И тутъ-же радость и покой
Ему на-встрѣчу шли проворно...

(„Казачій Вѣстникъ“, 1886 г., № 11, Н. Мергасовъ).

12.

Военная слава
Минувшихъ вѣковъ
Воскресла и встала
Въ средѣ казаковъ.

То слава казачьихъ
Походовъ лихихъ,
Увѣнчанныхъ кровью
Трудовъ боевыхъ.

Наградой за службу,
За вѣрность царямъ,
Свершился подарокъ
Урала сынамъ.

Прославлено имя
Твое, нашъ Уралъ:

---

[1]) Веревки, которыми притягиваютъ и привязываютъ къ берегу лодку.

[2]) Канатъ, которымъ поднимаютъ и спускаютъ парусъ.

Священное знамя
Намъ Царь даровалъ!

Сейчасъ выносили
Хоругвь ту въ парадъ;
Надъ ней совершили
Священный обрядъ.

Подъ музыки звуки
Начальники шли;
Въ строю кавалеры
Знамена несли.

Съ значками шли взводы
Сѣдыхъ стариковъ,
Испытанныхъ въ битвахъ
Лихихъ казаковъ.

И тутъ казачата —
Питомцы войны —
Такъ стройно, такъ браво
Шагали они!

Священный молебенъ
Какъ только свершили, —
Въ порядкѣ и стройно
Войска проходили.

Священное знамя
Сребристой канвой
Игриво блистало
Отъ солнца порой.

Прекрасная надпись
Хоругви святой —
Ты славная запись
За трудъ боевой.

Мы всѣ тутъ, уральцы,
Читали тотъ слогъ,
Родныя для сердца
Тѣ нѣсколько строкъ!

Священное знамя,
Награда трудамъ,
Былыя побѣды
Напомнило намъ.

Мы вспомнили дѣдовъ,
Былыхъ казаковъ,
Оплотъ государства
И страхъ всѣхъ враговъ.

А внуки? и внуки
Все также живутъ...
Лишь много сложнѣе
Строй славный ведутъ.

Съ восторгомъ пріявши
Награду царей,
Мы вправѣ гордиться
Заслугой своей.

И въ память потомкамъ
Сей славный вѣнецъ
Да-будетъ завѣтомъ
Казачьихъ сердецъ!

Такъ, твердою грудью,
Любовью горя,
Мы стали подъ знамя
Роднаго Царя [1]).

(В. А. Чалусовъ).

---

[1]) Стихотвореніе это написано по поводу освященія въ городѣ Уральскѣ, 22 іюня 1885 года, Высочайше пожалованнаго Уральскому войску войскового георгіевскаго знамени.

13.

Казачьи этюды.

I.

Астрахань — царство
Въ царствѣ родномъ!
Сколько богатства
Въ царствѣ твоемъ!
Волга — царица,
Каспій — твой царь,
Стража — станица...
Вспомни-ка старь!
Прежній твой баринъ:
Дикій калмыкъ,
Наглый татаринъ
Грабить отвыкъ.
Стихъ и ордынецъ —
Ближній сосѣдъ,
Степи любимецъ,
Жадный до бѣдъ.
Воля живила
Духъ казака:
Вотъ и остыла
Злая рука.
Слава казакамъ
Волги сынамъ!
Вѣчнымъ служакамъ.
Вѣчнымъ бойцамъ.
Астрахань — царство!
Храбрый казакъ
Лучше богатства, —
Слышалъ я такъ.

II.

Всюду: гдѣ Терекъ
Грозно гремитъ;

Дона гдѣ берегъ
Плугомъ изрытъ;
Нравомъ гдѣ силенъ
Славный Уралъ;
Всѣмъ гдѣ обиленъ
Стражникъ Байкалъ, —
Буду я стойко
Правду твердить,
Стану я громко
Волю будить.
Въ хилой избенкѣ
Дѣло скажу,
Въ каждомъ ребенкѣ
Искру вложу —
Искру сознаній,
Всѣмъ намъ святыхъ,
Силу познаній,
Всѣмъ намъ благихъ.
Буду доволенъ
Дѣломъ своимъ,
Буду я воленъ
Словомъ моимъ.

(„Казачій Вѣстникъ“, 1886 г., № 12, Н. Мергасовъ).

14.

Сегодня мы прощальнымъ пиромъ
Веселый видъ придать хотимъ
Разлукѣ съ добрымъ командиромъ...
Но грустно намъ разстаться съ нимъ.

Мы разстаемся съ сожалѣньемъ
Съ тобой, нашъ добрый Атаманъ,
Ты намъ царемъ и провидѣньемъ,
На счастье и на славу данъ.

Съ тобой разлука — для насъ бремя,
Любимецъ нашихъ ты сердецъ!

Пусть будетъ свой отъѣздъ на время,
Скорѣй къ намъ возвратись, отецъ.

Не долгъ одинъ повиновенья
Заставилъ насъ тебя любить:
Ты самъ къ себѣ любовь, почтенье
Умѣлъ добромъ своимъ внушить.

Ты войску крѣпкою опорой
Съ стараньемъ, съ честію служилъ,
И былъ всегда ходатай скорый,
Кто помощи твоей просилъ.

Мы съ благодарностію цѣнимъ
Всѣ попеченія твои...
Въ разлукѣ съ нами не забудемъ
Тебя въ почтеньи и любви.

Въ странѣ, которою ты правилъ,
Всякъ вспомнить о тебѣ готовъ:
Ты въ память о себѣ оставилъ
Плоды ума, плоды трудовъ.

Дай Богъ, чтобъ къ намъ благополучно
Ты возвратился на Уралъ,
И жилъ бы съ нами неразлучно
И войскомъ нашимъ управлялъ [1]).

(Н. Ф. Савичевъ).

15.

Иканскому герою, В. Р. Сѣрову.

Хвала тебѣ, герой Икана!
Ты славу предковъ воскресилъ:

[1]) Стихотвореніе это написано по поводу отъѣзда въ 1844 году изъ войска наказного атамана, Матвѣя Львовича Кожевникова.

Твой славный подвигъ въ Туркестанѣ
Отчизну нашу удивилъ.
Съ тобою храбрыхъ сто уральцевъ,
За славу родины святой,
Съ десяткомъ тысячей коканцевъ
Трехдневный выдержали бой!
Теперь, въ день битвы подъ Иканомъ,
Ты среди насъ, въ семьѣ родной...
Позволь же чокнуться бокаломъ,
Сказавъ: хвала тебѣ, герой!

(И. В. М.).

(„Уральскія войсковыя вѣдомости“, 1872 г., № 50).

16.

Здравствуй, нашъ герой хивинскій,
Здравствуй, добрый атаманъ!
Ты шагнулъ по исполински
Чрезъ песчаный океанъ.
Чрезъ песчаный, невредимый,
Какъ степной летѣлъ орелъ;
Ты Усть-Уртъ непроходимый
Быстро съ войскомъ перешелъ.
Чрезъ огонь, но не чрезъ воду, —
Шелъ ты чуть не безъ воды;
Покоривъ въ степи природу,
Нападеніе орды.
Много времени не тратя,
Войска храбраго въ главѣ,
Ты и во время, и кстати,
Первый подступилъ къ Хивѣ.
Врагъ не вѣрилъ ужъ надеждѣ,
Но сразился разъ иль два;
Передъ кѣмъ же пала прежде
Недоступная Хива?
Никакихъ о томъ извѣстій
Въ нашей прессѣ вовсе нѣтъ:

Но отдать кому дань чести,
Знаемъ мы и безъ газетъ.
Здравствуй, нашъ герой хивинскій,
Нашъ уральскій атаманъ!
Ты, чрезъ подвигъ исполинскій,
Добылъ чудный талисманъ:
Талисманъ тотъ — духъ геройскій,
Преклоняющій сердца.
И намъ любо встрѣтить въ войскѣ
Атамана-молодца.
Честь и слава атаману,
Покорителю Хивы,
Съ бою вынесшему рану
И почтенный гласъ молвы? [1])

(Н. Ф. Савичевъ).

17.

Покорителямъ Хивы.

Товарищи, герои, львы
И вы-жъ спасители Хивы!
Родные — по семьѣ казацкой,
По мысли, чувству, по закону,
И по замашкѣ залихватской —
Родня по быстрому Уралу!
Давно, давно мы ждали васъ,
Чтобъ, при веселой нашей встрѣчѣ,
Сказать вамъ искреннія рѣчи.
И вотъ, насталъ желанный часъ,
Когда мы жмемъ другъ другу руки,
Послѣ долгой, но не горестной разлуки.
Скажу, что слѣдуетъ сказать,

[1]) Стихотвореніе это было посвящено бывшему наказному атаману, генералъ-лейтенанту Н. А. Веревкину, при возвращеніи его, въ 1873 году, изъ хивинской экспедиціи.

Что вы такъ вѣрно заслужили,
Что должно въ лѣтопись вписать:
Вы подвигъ славный совершили.
Да, совершили подвигъ славный,
По волѣ мудрости державной; —
Вспомянемъ: предокъ нашъ, Нечай,
Хивѣ пожертвовалъ на чай...
Но онъ стремился за добычей:
Тогда таковъ былъ нашъ обычай.
Погибли наши всѣ отъ пуль,
Изъ дѣла вышелъ одинъ нуль.
Потомъ, князь Бековичъ-Черкасскій
Въ Хивѣ былъ встрѣченъ хитрой лаской;
Повѣривъ честности ордынской,
Въ Хивѣ онъ золота искалъ;
Но, по кичливости хивинской,
Онъ тамъ, какъ Бековичъ, пропалъ.
Перовскій, въ наши времена,
Опутанъ лестію лукавой,
Свершилъ походъ съ плохою славой,
И собралъ злыя сѣмена.
А вамъ не та досталась доля:
Чрезъ вѣрныхъ слугъ и въ добрый часъ
Монаршая, святая воля,
Свершилась нынѣ черезъ васъ.
Да здравствуетъ Романовъ домъ,
А съ нимъ — Россія и уральцы!
О! съ русскимъ, доблестнымъ Царемъ,
Мы хоть кому обрубимъ пальцы!..
Смотрите, добрые друзья,
На результатъ побѣды вашей
(Мысль эта всѣхъ, а не моя):
Что можетъ быть честнѣй и краше,
Какъ подвигъ взятія Хивы,
Который совершили вы?!
Гнѣздо разбойничье вы взяли,
Гнѣздо невѣждъ, тирановъ и рабовъ...
И взамѣнъ того имъ дали

Свободы, знанія покровъ!..
А то-бъ они по прежнему коснѣли
Въ невѣжествѣ и рабствѣ, — да, —
Тамъ цѣпи рабства бы гремѣли
Во вѣкъ, до страшнаго суда.
Не дорого, что вы Россіи подарили
Земельку въ нѣсколько шаговъ:
Нѣтъ, вы хивинцевъ покорили,
Какъ просвѣщенія враговъ;
Вы воскресили ту страну,
Гдѣ, въ тяжкомъ рабствѣ и плѣну,
Гнелись рабы, гнелся народъ,
Гдѣ доселѣ царство тьмы
Давило волю и умы, —
И гдѣ теперь свободы лучъ блеснулъ...
Вотъ что не тлѣетъ, не продажно,
Вотъ что, товарищи, намъ важно!.. [1])

(„Уральскія войсковыя вѣдомости“, 1873 г., № 42. Н. Ф. Савичевъ).

18.

То старина, то и дѣянье:
Морю Каспію на утѣшенье,
Быстрому Яику слава до моря,
Добрымъ людямъ на послушанье,
Уральскимъ казакамъ на потѣшенье.

(„Библіотека для чтенія“, 1860 г., № 2, стр. 62, І. И. Желѣзновъ).

[1]) Стихотвореніе это было посвящено лично авторомъ казакамъ, возвратившимся въ октябрѣ мѣсяцѣ 1873 года изъ Хивинской экспедиціи на Уралъ.

ОТДѢЛЪ VIII.

ПѢСНИ РАЗНЫХЪ КАЗАЧЬИХЪ ВОЙСКЪ.

1.

Бывшаго запорожскаго казачьяго войска.

Гей летала зозуленька по Украйнѣ;
Гей ронила сивы перья по долинѣ;
Ой, якъ тяжко сивымъ перьямъ по долинѣ,—
Еще тяжче сиротинци на чужбинѣ.
Ходитъ голубь надъ водою гукаючи,
Своей милой голубоньки шукаючи:
„Та чи спишь ты, сердце мое, та чи чуешь,
Шо-жъ до мене, сердце мое, не говоритъ?
Якъ я маю, сердце мое, не говорити:
Лежитъ нелюбъ на рученци, буде бити!“
„Ой вотсунься, сердце мое, вотъ нелюба,
Застрѣлю нелюба зъ лука, якъ голуба“.
Ой, чи забьешь, сердце мое, чи не забьешь,
„За все ты сердцу мому жалю завдаешь.
„Покинь батька, покинь мати и всю роди́ну,
Иди зъ нами-казаками на Украину:
На Украинѣ суха рыба и зъ шафраномъ, —
Будешь жити за казакомъ, якъ за паномъ;
А на Польшѣ суха рыба и зъ водою,—
Будешь жити съ вражьимъ ляхомъ, якъ зъ бѣдою“.

(Сборникъ пѣсенъ Сахарова, 1839 года).

2.

Хорый козакъ, хорый козакъ, видай, хоче вмерти:
„Ой, идите, приведите, дивчину до смерти“.
„Ой, видай, ты, козаченьку, не въ правдѣ вмираешь,
Що ты собѣ передъ смертью дивчину желаешь!“
Умеръ козакъ, умеръ козакъ и козацка мова,
А лешився конь вороный и ясная зброя.
Ой, сошлися козаченьки до единой хаты,
Ой, сошлися козаченьки, кому коня дати.
Сотникова коня дати, гетьманови зброю,
Щобъ позволивъ поховати козака зъ стрѣльбою.
Тѣло везутъ, коня ведутъ, конь головоньку клонитъ,
А дивчина за козакомъ бѣлы руки ломитъ.
Ломитъ ручки, ломитъ ручки и мизельны пальци:
„Ахъ, вже-жъ нема и не буде такого коханья!
Чошусь мене моя мати рано не сбудила,
Коли его компанія зъ мѣста выходила?
„Для того тя, моя доню, рано не сбудила,—
Любила-сь ихъ компанчика, то бы-сь не тужила.
Подивися, моя доню, въ вышнюю хватыру,—
Спускаются козаченьки зъ горы на долину...

3.

Сѣдитъ козакъ на могилѣ, тай думку думае,
На Украину поглядое, тяженько вздыхае:
А ни вѣтеръ ни віе, ни солнце не грѣе,
Ено краемъ край Дунаю трава зеленѣе.
Высока могила зъ вѣтромъ говорила:
—„Не вѣй вѣтре, буйнисенькій, щобъ-мъ не чернѣла!“
„Бодай тая рѣчка шуваромъ заросла,
Що мене молодаго въ чужій край занесла;
Бодай тота рыбакъ не съ родила,
Що мене молодаго съ милою разлучила“.
Тамъ на горѣ рѣченька, на рѣченьци кладка:

„Не покидай, мой миленькій, старенькаго батька:
Якъ батька покинешь, марненько залинешь,
Быстронькою рѣченькою на Дунай поплинешь,
И весельце сгубишъ, будешь потанати,
Я у втобѣ не смогу бѣлу ручку дати!“

4.

Донскаго казачьяго войска.

Кукушечка соловушку журила, бранила:
Ты глупенькій, неразумненькій, молодой соловей!
Не вей ты, не вей гнѣздышко, не вей при дорожкѣ,
Ты свей тепло гнѣздышко, ты свей при долинкѣ,
При зеленой при травинкѣ, при мелкомъ лѣсочкѣ,
Никто твое теплое гнѣздышко, никто не разоритъ.
На Дону, подъ горой, стояла темна темница,
Безъ дверей, окошекъ, съ одной трубочкой съ дымовой,
Сидѣлъ тутъ посаженой разудалъ-добрый-молодецъ;
Никто-то къ нему не взойдетъ, никто ни заѣдетъ,
Взошла къ нему, да заѣхала гостья дорогая,
Не гостья дорогая, матушка родная.
За что тебя, мило дитятко, въ тюрьму посадили?
Посадили меня, добра молодца, за казачью дочку.
Еще долго-ль, мое дитятко, во тюрьмѣ сидѣть тебѣ?
Сидѣть-то мнѣ, родна матушка, тридцать три годочка.
Не можно-ль тебѣ, родна матушка, заступиться?
Не можно-ль тебѣ, родна матушка, откупиться?
За выкупку, родна матушка, ровно восемь тысячъ.
Золотой казны у насъ, дитятко, недостанетъ,
Добры кони у насъ, дитятко, притомились,
Цвѣтно платье у насъ, дитятко, приносилось,
Друзья, братья, товарищи отступились.

(Сборникъ пѣсенъ Сахарова 1839 года).

5.

Платовъ тайно у французовъ.

Ты Россея, ты Россея,
Ты Россейская земля!
Про тебя-ли, мать Россея,
Далеко слава прошла;
Про Бѣлаго про Царя,
Про Платова казака;
У Платова казака —
Не острижены власа
И не брита борода!
Чрезъ законъ Платовъ ступилъ,
Себѣ бороду обрилъ:
У француза въ гостяхъ былъ;
Французъ его не призналъ,
За купчика принималъ,
За бѣлыя руки бралъ,
За убранный столъ сажалъ,
Рюмку водки наливалъ,
Его выпить приглашалъ:
„Ужъ ты, купчикъ, мой голубчикъ,
Ты проѣзжій молодецъ!
Выпей рюмку, выпей двѣ.
Я у васъ въ Москвѣ бывалъ,
Генераловъ много зналъ,
Одного только не зналъ
Я Платова казака!
Кто-бъ Платова показалъ,
Тому-бъ много казны далъ!“
Ему Платовъ отвѣчалъ,
Что-бъ казны онъ не терялъ:
Вамъ казну на что терять?
Можно такъ его видать —
Онъ вѣдь ростомъ недоростокъ,
Ровно братецъ мой родной,

Отца-матери одной".
У француза дочь Арина
Съ купцомъ рѣчи говорила:
„Ужъ ты, купчикъ, мой голубчикъ,
Покажи мнѣ твой портретъ!"
Платовъ портретъ показалъ,
Изъ палаты вонъ бѣжалъ;
Онъ на крыльчикъ выбѣгалъ,
Громкимъ голосомъ вскричалъ:
„Ужъ вы, слуги, мои слуги,
Вы донскіе казаки,
Вы товарищи мои!
Вы подайте мнѣ коня,
Коня быстрова мово!"
На коня Платовъ садился,
Самъ съ насмѣшкой говорилъ:
„Ты ворона, ты ворона,
Ты французскій Бонапартъ!
Не умѣла ты, ворона,
Сокола въ когтяхъ держать!
Выѣзжай-ка ты, ворона,
Во чисто поле гулять
И съ Платовымъ воевать! [1])

(Донскія нѣсни Пивоварова, 1885 года, стр. 103).

---

[1]) Графъ Матвѣй Ивановичъ Платовъ, природный казакъ войска Донского, отличался храбростью и умомъ сначала въ схваткахъ съ горцами, а затѣмъ въ войнахъ съ европейскими народами. Особенно выдался онъ впередъ между русскими полководцами въ отечественную войну, руководя отдѣльными казачьими силами. За боевые подвиги въ массѣ дѣлъ съ французами онъ возведенъ въ графское Россійской имперіи достоинство. Платовъ умеръ въ 1818 году, погребенъ близь Новочеркаска. Въ самомъ Новочеркаскѣ воздвигнутъ ему памятникъ изъ бронзы съ надписью: „Атаману графу Платову за военные подвиги съ 1770 по 1816 годъ.—Признательные Донцы". Въ отечественную войну 1812 года донцы выставили 35000 всадниковъ, въ рядахъ которыхъ были „убѣленные сѣдиною старики, ихъ дѣти и внуки". За эту кампанію летучимъ казачьимъ корпусомъ атамана Платова убито болѣе тысячи офицеровъ и до сорока тысячъ нижнихъ чиновъ, отбито 15 знаменъ,

6.

Терскаго казачьяго войска.

Полнымъ сердцемъ торжествуя,
Богу славу воздаютъ,
Предъ Царемъ-отцомъ ликуя,
Терцы весело поютъ.
Говорятъ всѣ: слава Богу!
Нынче такъ же, какъ и встарь,
Нашу бранную тревогу
Не забылъ нашъ Государь
Самъ своимъ державнымъ словомъ
Онъ напомнилъ намъ Кавказъ,
Гдѣ съ пеленъ, въ бою суровомъ,
Жизнь воспитывала насъ.
Гдѣ въ скалахъ, въ лѣсахъ дремучихъ
Горцы съ нами споръ вели;
Но у насъ, въ рядахъ могучихъ,
Отступленья не нашли.
Гдѣ издревле наши дѣды
Прорубалися въ горахъ,
Съ громомъ битвы и побѣды
Шли впередъ за шагомъ шагъ.
Смерть и раны презирали,
И въ свой смертный часъ и намъ
Свой завѣтъ передавали,
Чтобъ идти по ихъ слѣдамъ.
И въ Чечнѣ, и въ Дагестанѣ,
Гдѣ лилася кровь отцовъ,
Доставалося по ранѣ
И на нашихъ удальцовъ.

---

364 пушки, 1166 зарядныхъ ящиковъ и, кромѣ того, представлено, для украшенія С.-Петербургскаго Казанскаго собора, болѣе 60 пудовъ серебра, отбитаго у французовъ (Русская старина 1877 года).

Вѣдь Кавказъ добыть не шутка:
Храбрый тамъ гнѣздился врагъ,
Приходилось часто жутко,
Крови стоилъ каждый шагъ.
Но забыты кровь и пламя:
Царь насъ милостью почтилъ.
И вотъ, вѣрнымъ терцамъ знамя,
Изъ руки своей вручилъ.
Знамя царское святое,
Мы поднимемъ высоко
И, въ завѣтъ нашъ, въ ретивое,
Врѣжемъ, братцы, глубоко:
Вѣрой, правдой, достославно
Царскій тронъ оберегать,
Крестъ высоко православный
Надъ луною воздвигать.
Да склоняя взоръ свой къ терцамъ,
Какъ отецъ къ своимъ сынамъ,
Царь возрадуется сердцемъ,
Братъ спасибо скажетъ намъ.

7.

(Сунженскаго полка).

Пыль клубится по дорогѣ,
Слышны выстрѣлы порой:
Изъ набѣга удалого
Ѣдутъ сунженцы домой.
Много плѣна и добычи
Ими взято у враговъ,
Ихъ вождемъ былъ храбрый воинъ,
Генералъ-маіоръ Слѣпцовъ.
Вотъ они ужъ близъ станицы...
Ѣдутъ, свищутъ и поютъ;
Жены, старцы и дѣвицы
Всѣ на-встрѣчу къ нимъ идутъ.

Градомъ сыплются вопросы
Изъ толпы со всѣхъ сторонъ:
Живъ ли мужъ мой? мой сыночекъ?
Живъ ли братецъ мой родной?
Всѣ казаки веселятся
И спѣшатъ подъ кровъ родной —
Среди милаго семейства
Найди отдыхъ и покой;
Лишь одинъ казакъ не веселъ:
Онъ былъ круглый сирота, —
И чело его туманитъ
Грусть и горькая мечта.
Лучше-бъ палъ на бранномъ полѣ
И не ѣхалъ бы домой;
Все равно — его кончина
Не оплачется слезой.

(Сборникъ пѣсенъ К. Вульфа, 1870 года).

8.

Кубанскаго казачьяго войска.

Ой, на гори, гори
Да жнецы жнуть,
А по пидъ горою, по пидъ зеленою
Казаки идутъ.
А по переду Дорошенко
Вэдэ свое війско,
Вэдэ запорожско —
Хорошенько!
А по середу панъ хорунжій;
Подъ нымъ коныченько,
Подъ нымъ вороненькій —
Сильно дужый!
А по заду Сагайдачный,
Що промѣнявъ жинку,
За тютюнъ да люльку
Необачный!

Гей, верныся, Сагайдачный,
Возми свою жинку,
Отдай мэнэ люльку
Необачный!
Мэнэ съ жинкой не возитця,
А тютюнъ да люлька
Казаку въ дорози
Знадобытця.
Ой, кто въ лиси, витзовися!
Да выкрышимъ огню,
Да запалимъ люльки —
Не журися!

(Сборникъ пѣсенъ К. Вульфа, 1870 года).

9.

Оренбургскаго казачьяго войска.

Какъ со вечера нашъ атаманушка
Поздно спать ложился.
По утру-то рано нашъ атаманушка
Рано пробуждался,
Онъ со травыньки, со муравыньки
Росой умывался,
Тонкимъ, бѣлымъ полотенчикомъ
Сухо вытирался,
Онъ московскому Чудотворчику,
Богу помолился,
Онъ на всѣ-то, на четыре, на сторонушки
Низко поклонился,
На добра-то коня нашъ атаманушка
Онъ скоро садился,
Къ своему-то полку нашъ атаманушка
Скоро подъявился.
— „Вы здорово-ли мои братцы-казаченьки
Спали-ночевали!
Какъ я-то одинъ, добрый молодецъ, спалъ

И не здоровъ всталъ.
Я ходилъ-то, гулялъ, добрый молодецъ,
По край синя-моря,
Какъ и я-то, добрый молодецъ,
Въ сине-море оступился,
Оступился въ сине-море я
За калиновъ кустъ схватился [1])...

(Окончанія нѣтъ).

(Сообщилъ вахмистръ Петръ Звѣздинъ изъ Велико-Петровской станицы).

10.

Вспомнимъ, братцы, оренбурцы,
Какъ стояли подъ Тикой:
Мы разбили басурмана
Ружьемъ, шашкой и копьемъ.
А текинцы запирались
Въ большой крѣпости своей;
Наши воины старались
Выбивать оттуда ихъ.
Нашъ командующій войсками,
Храбрый Скобелевъ второй,
Скоро выступилъ онъ съ нами,
Сынъ отечества, герой.
Прошли много укрѣпленій
На пути къ Геокъ-Тепе:
Вдалекѣ мы увидали
Земляной большой курганъ.
Гололобые текинцы
Днемъ носились по горамъ,
На ночлегъ же собираясь
Разъѣзжали по пескамъ.

(Сообщилъ вахмистръ Петръ Звѣздинъ).

---

[1]) Пѣсня эта, по словамъ сообщившаго ее, принадлежитъ къ числу старинныхъ.

11.

Сибирскаго казачьяго войска.

Утромъ рано, весной,
На редутъ крѣпостной
Разъ поднялся пушкарь посѣдѣлый. (2)
Брякнулъ шашки кольцомъ,
Дернулъ сивымъ усомъ,
И раздулъ онъ фитиль догорѣлый. (2)
Онъ у пушки стоитъ,
Самъ на крѣпость глядитъ,
Сквозь прозрачныя волны тумана. (2)
Вотъ мелькнулъ бѣлый флагъ
У высокихъ палатъ
Удальца-молодца атамана (2)
И съ веселымъ лицомъ,
Осѣнившись крестомъ,
Онъ надъ мѣдною пушкой склонился: (2)
Пламя брызнуло струей,
Дымъ разлился волной
И по крѣпости гулъ прокатился. (2)
— „Чу! съ редута палятъ,
Знать сбираться велятъ!“
Казаки казакамъ закричали. (2)
Шашки въ мигъ на ремень,
Папахи на бекрень
И на площадь бѣгомъ побѣжали!
— Что, ребята, палятъ,
Не въ виду-ль супостатъ?
Не въ походъ ли идти заставляютъ? (2)
Наши шашки остры,
Наши кони лихи,
Наши ружья въ мишень попадаютъ. (2)
Нашъ безрукій отецъ, —
Атаманъ молодецъ, —

Поведетъ насъ своей головою. (2)
Съ нимъ и въ зиму — весна,
Съ нимъ и смерть намъ красна,
Казаки говорятъ межъ собою. (2)
— „Тише, стройтесь въ ряды,
Онъ поѣхалъ сюды!“
Казакамъ такъ хорунжій вѣщаетъ; (2)
Ходитъ взадъ и впередъ,
Командирство ведетъ
И въ ряды казаковъ уставляетъ. (2)
Какъ сибирскій буранъ,
Прискакалъ атаманъ,
А за нимъ есаулы лихіе. (2)
Онъ на сивомъ конѣ,
Карабинъ на спинѣ,
Въ торокахъ пистолеты двойные; (2)
Киверъ съ бѣлымъ перомъ,
Грудь горитъ серебромъ,
Закаленная шашка булатна. (2)
Онъ коня осадилъ,
Сивый усъ закрутилъ,
И сказалъ намъ: „здорово ребята!“ (2)
Завтра солнца на восходъ
Собирайтесь въ походъ
У степныхъ дикарей жечь аулы. (2)
Какъ на эту орду,
Я васъ самъ поведу,
А за мною пойдутъ есаулы! (2)
Вдругъ „ура! атаманъ!“
Разнеслось по рядамъ
И казачія кровь заиграла: (2)
Громко шашки гремятъ,
Кивера вверхъ летятъ,
И вся площадь, какъ море, завыла. (2)
Вотъ къ обѣднѣ звонятъ...
Казаки — мигомъ въ рядъ
И пошли въ Божью церковь молиться. (2)
Вотъ поклономъ земнымъ

Поклонился святымъ
И къ честному кресту приложился. (2)
На другой день, съ зарей,
Грянулъ гулъ вѣстовой, —
Казаки лошадей выводили. (2)
Гулъ второй разнесся, —
Казаки — на сѣдло,
А за третьимъ — на площадь спѣшили. (2)
Шумно строятся въ рядъ,
Громко шашки гремятъ
Развѣвалось казачіе знамя. (2)
Кони борзые бьютъ,
Пыль копытами вьютъ,
И въ очахъ ихъ свирѣпое пламя. (2)
Вотъ раздался сигналъ:
Пономарь застучалъ,
И церковны врата отворились. (2)
— „Кивера всѣ долой!“
Закричалъ удалой
Есаулъ. Кивера опустили. (2)
Тихо старцы пошли,
Образа понесли
И „всемірную славу“ запѣли. (2)
— „Призовемъ Бога силъ!“ —
Іерей возгласилъ —
„И святую хоругвь въ ополченье“. (2)
Онъ по ряду ходилъ,
Ополченье кропилъ
Онъ священной водой изъ купели. (2)
Какъ окончивъ обрядъ,
Возвратился назадъ,
И слезами глаза омочились. (2)
Тихо старцы пошли,
Образа унесли
И церковны врата затворились. (2)
Всѣ — какъ пламя огня;
Атаманъ — на коня
И тяжелыми брякнулъ ножнами. (2)

Вдругъ блеснулъ, какъ стекло,
Длинный мечъ наголо;
И пошелъ молодцомъ предъ рядами. (2)
Обскакавъ казаковъ,
„Съ Богомъ дѣти!“ сказалъ.
Казаки на сѣдло поднялися... (2)
Засверкали мечи,
И орлами усачи
Какъ на пиръ — на войну понеслися. (2)

(Сообщилъ Александръ Кокоревъ).

12.

Забайкальскаго казачьяго войска.

А за славнымъ было, батюшкой, за Байкаломъ-моремъ,
А и вверхъ было по маткѣ, Сенгѣ-рѣкѣ,
Изъ верхняго острогу Селенгинскаго,
Только высылка была удалымъ молодцамъ,
Была высылка добрымъ молодцамъ,
Удалымъ молодцамъ, селенгинскимъ казакамъ;
А вторая высылка посольскимъ стрѣльцамъ:
На поддачу имъ даны были табунщики-мужики,
Табунщики-мужики, люди ясашные.
Воевода походилъ у нихъ Ѳедоръ, молодой Дементьяновичъ,
Есауломъ походилъ у него братъ родной,
А по имени Прокофій Козеевъ молодецъ. —
Переправились казаки за Селенгу за рѣку,
Опущалися на улусы на мунгальскіе.
По грѣхамъ надъ улусами учинилося:
Они ѣздили за звѣрями облавами;
Они туто казаки усмѣхаются,
Раззорили всѣ улусы мунгальскіе:
Они женъ, дѣтей мунгаловъ въ полонъ взяли,
И весь шкарбъ и животъ отобрали у нихъ.
Они стали казаки переправлятися
На другую сторону за Селенгу за рѣку,

Опилися кумысу — кобыльяго молока.
Изъ-за того было бѣлаго камня
Какъ бы черные вороны налетывали,
Набѣгали тутъ мунгалы изъ чиста поля —
Учинился тутъ бой, драка великая:
Они женъ дѣтей мунгалокъ отбили назадъ,
И прибили казаковъ много до смерти,
Вдвое, втрое казаковъ ихъ переранили;
Табунщики-мужики на побѣгъ ушли,
Достальныхъ казаковъ своихъ выдали.
А прибудутъ казаки въ Селенгинскій острогъ,
По базарамъ казаки тамъ похаживаютъ,
И все хвастаютъ казаки: „Селенгински молодцы“,
И своими широкими бердышами
Все похваливаются.

(Сборникъ пѣсенъ Сахарова 1839 года).

13.

Амурскаго казачьяго войска.

Во Сибирской во украйнѣ,
Во Дуарской сторонѣ,
Во Дуарской сторонѣ —
И на славной на Амурѣ на рѣкѣ,
На устьѣ Комары рѣки
Казаки Царя Бѣлаго
Острогъ себѣ поставили,
Ясакъ Царю собрали.
Изъ-за сабли острыя
Изъ-за крови горячи казаки.
Кругъ острогу Комарскаго
Они глубокій ровъ вели,
Высокій валъ валили,
Рогатки ставили,

Челнокъ колотили,
Смолы приготовили.
По утру рано-ранешенько,
Ровно двадцать пять человѣкъ,
Выходили молодцы,
На Амуръ славну рѣку,
Неводочками шелковыми
Рыбу свѣжую ловить.
Какъ несчастьице случилося
Съ удалыми казаками тамъ:
Издалече, издалече,
Изъ чиста поля,
Изъ раздолья широкаго,
Изъ хребта Шингалинскаго,
Изъ-за бѣлаго каменя,
Изъ-за ручья глубокаго,
Выкатилося знамечко —
Большое Богдойское;
И знамя за знаменемъ идетъ;
А роты за ротами валятъ;
То идетъ Богдойскій князекъ,
Онъ съ силою поганою —
Къ острогу Комарскому.
Какъ вешняя вода
По лугамъ разливалася,
Облелѣяла сила поганая
Вокругъ острога Комарскаго.
Отрѣзали у казаковъ
Ретиво сердце со печенью:
Полонили молодцовъ,
Двадцать пять человѣкъ,
Съ шелковыми неводочками
И съ рыбою свѣжею. —
И какъ ѣздилъ Богдойскій князь
На своемъ добромъ конѣ,
И леталъ какъ черный воронъ
Кругъ Комарскому острогу.
И кричалъ Богдойскій князецъ

Всѣмъ, сидящимъ въ острогѣ:
„А вы сдайтесь-ка, казаки,
Изъ Комарскаго острогу!
Буду я васъ жаловать
И златомъ и серебромъ,
Да женами прелестными
И красными дѣвицами“.
Не сдалися казаки
Въ острогѣ сидючи;
Какъ кричали казаки
Своимъ громкимъ голосомъ:
„Отъѣзжай-ка, Богдойскій князецъ,
Отъ нашего сидѣньица,
Острога Комарскаго“.
А Богдойскій князецъ
Со своею поганою силою
Плотный приступъ дѣлалъ.
Казаки тутъ справились, —
За ружья хватались.
И было въ острогѣ
Три мѣдныя пушки:
Три пушечки гунули,
И ружья вдругъ грянули...
И замолчали силушки,
Три силы Богдойскія,
Три силы поганыя.
Побѣжалъ Богдойскій князецъ
Со своими силами
Прочь отъ острогу,
А самъ заклинается:
„А не дай-же Боже
На предки бывать
На славной и быстрой
Амурѣ-рѣкѣ.
Тамъ крѣпость поставлена
Съ стѣнами и рвомъ,
А въ крѣпости сдѣланъ
Дворъ гостинно-каменный

И лавки большія
Съ товарами въ нихъ.

По справкѣ оказалось, что въ остальныхъ казачьихъ войскахъ,—Астраханскомъ и Семирѣченскомъ,—не имѣется никакихъ, относящихся до нихъ, пѣсенъ.

КРАТКІЯ СВѢДЕНІЯ

О НАЧАЛѢ

РОССІЙСКАГО КАЗАЧЕСТВА.

Любопытный вопросъ о происхожденіи на Руси перваго казачества остается до сихъ поръ необъясненнымъ. Эверсъ и Болтинъ производятъ ихъ отъ черкесовъ; Карамзинъ — отъ смѣси европейцевъ съ азіатцами; Соловьевъ называетъ ихъ выходцами изъ предѣловъ Московскаго государства; Погодинъ — отъ турокъ, татаръ и славянъ; Броневскій не сомнѣвается въ ихъ русскомъ происхожденіи; Сухоруковъ говоритъ, что казаки — пришельцы разныхъ земель.

Изъ историческаго очерка казачьихъ войскъ М. Хорошхина, 1884 года, видно, что о казакахъ впервые упоминается въ 1380 году, когда жившими въ городкѣ Гребени казаками былъ поднесенъ Великому Князю Дмитрію Іоанновичу, послѣ пораженія имъ полчищъ Мамая, на поляхъ Куликовскихъ, близъ верховья рѣки Дона, образъ Гребневской Божіей Матери, что значится въ выпискѣ изъ древней лѣтописи, помѣщенной у этого образа, находящагося теперь на Лубянкѣ, въ Москвѣ. Изъ этой выписки видно, что казаки появились уже болѣе 500 лѣтъ и что тогда-же они стояли на стражѣ земли русской, отличаясь какъ своею храбростью, такъ и глубокою религіозностью. Въ послѣдующее время о казакахъ упоминается уже чаще и чаще.

Въ настоящее время семья Россійскаго казачества состоитъ изъ десяти отдѣльныхъ войскъ: Донскаго, Терскаго, Уральскаго, Кубанскаго, Оренбургскаго, Астраханскаго, Сибирскаго, Забайкальскаго, Амурскаго и Семирѣченскаго, — выставляющихъ въ военное время, на защиту своего оте-

чества, до 150,000 всадниковъ. Наистарѣйшимъ по времени образованія считается войско Донское; о появленіи въ низовьяхъ Дона Донскихъ казаковъ первыя положительныя извѣстія относятся къ половинѣ XVI вѣка, но лишь въ 1570 году Іоаннъ Грозный послалъ имъ милостивую грамоту; съ этого времени славное Донское войско и ведетъ свое старшинство.

Вторымъ должно считаться — Терское. На Терекѣ первыми появились Гребенскіе казаки, но когда они пришли туда — неизвѣстно; первыя наши войска застали ихъ тамъ и въ 1577 году они упоминаются уже въ составѣ нашихъ войскъ. Съ этого времени установлено старшинство Кизляро-Гребенскаго полка и всего Терскаго войска, въ составъ котораго входитъ этотъ полкъ и въ настоящее время.

Третьимъ — Уральское, считающее свое старшинство съ 1591 года, т.-е. со времени участія ихъ, по наряду, вмѣстѣ съ другими царскими войсками, въ походѣ на Кавказѣ, противъ царскаго непослушника, Шамхала Тарковскаго. О происхожденіи Яицкаго войска, переименованнаго въ 1775 году въ Уральское, хотя съ достовѣрностью неизвѣстно, но можно положительно сказать, что первая Яицкая община образовалась изъ Донскихъ казаковъ, а потомъ пополнялась бѣглыми людьми съ Волги и другихъ мѣстъ Россіи. Первое появленіе казаковъ на Яикѣ хотя и относятъ одни къ 1557, а другіе къ 1577—1580 гг., но, судя по историческимъ казачьимъ пѣснямъ, первое появленіе ихъ на Яикѣ было никакъ не позже первой половины XVI вѣка, потому что еще далеко до взятія въ 1552 году Казанскаго царства Яицкіе казаки уже часто упоминаются во многихъ пѣсняхъ казацкой вольницы, бродившей тогда по Волгѣ и Каспійскому морю.

Четвертымъ — Кубанское, т.-е. съ того времени, когда въ составъ Кубанскаго войска вошли Запорожскіе, Малороссійкіе, Донскіе и Городовые (Новохоперскіе) казаки. Послѣдніе, послужившіе ядромъ Хоперскому полку, дали и старшинство войску съ 1696 года, т.-е. съ того времени, когда о нихъ упоминается при взятіи Азова.

Пятымъ — Оренбургское, образовавшееся изъ Исетскаго

казачьяго войска, отдѣльныхъ казачьихъ (Самарскихъ, Алексѣевскихъ и Красно-Уфимскихъ) командъ и зачисленіемъ лицъ разныхъ сословій — отставныхъ солдатъ, поселенныхъ баталіоновъ Хотя старшинства этого войска пока не опредѣлено, но оно, полагаю, должно считаться съ 1736 года, т.-е. со времени устройства по рр. Самарѣ, Уралу до Сибирскихъ предѣловъ цѣлой линіи небольшихъ укрѣпленій; въ этихъ-то укрѣпленіяхъ и были поселены казаки, вошедшіе потомъ въ составъ нынѣшняго Оренбургскаго казачьяго войска.

Шестымъ — Астраханское. Изъ остатковъ городовыхъ казаковъ, бывшихъ на Волгѣ, въ 1750 году былъ образованъ Астраханскій казачій полкъ, а изъ этого полка и разныхъ казачьихъ командъ, разбросанныхъ въ городахъ по Волгѣ ниже Саратова, въ 1818 году образовано Астраханское казачье войско, ведущее свое старшинство со времени образованія перваго своего полка, т.-е. съ 1750 года.

Седьмымъ — Сибирское. Въ Западной Сибири изъ отдѣльныхъ командъ и отрядовъ, разбросанныхъ на протяженіи нѣсколькихъ тысячъ верстъ, въ 1808 году образовано Сибирское казачье войско.

Восьмымъ — Забайкальское, считающее свое старшинство съ 1851 года, т.-е. когда, съ образованіемъ Забайкальской области, изъ поселенныхъ въ ней казаковъ, тунгусъ, бурятъ и частію крестьянъ, было образовано и Забайкальское казачье войско.

Девятымъ — Амурское. При взятіи Амура и Уссури, изъ Забайкальскаго казачьяго войска были выселены казаки, которые, вмѣстѣ съ лицами другихъ сословій, и составили въ 1858 году Амурское казачье войско.

Десятымъ — Семирѣченское. Съ образованіемъ въ 1867 г. новой Семирѣченской области, изъ расположенныхъ въ ней казачьихъ поселеній Сибирскаго войска было образовано Семирѣченское казачье войско.

Кромѣ того, изъ отдѣльныхъ казачьихъ командъ, поселенныхъ въ разныхъ городахъ Сибири, находящихся въ гражданскомъ вѣдомствѣ, въ настоящее время состоитъ Якутскій городовой полкъ и двѣ отдѣльныя казачьи сотни:

Красноярская и Иркутская. Изъ всѣхъ войскъ, образовавшихся 300 лѣтъ тому назадъ, вполнѣ удержали свой прежній составъ Донское и Уральское, а ядромъ всѣхъ остальныхъ войскъ послужили или прежнія казачьи войска, или же городовые казаки.

Второго октября 1827 года Императору Николаю I благоугодно было Наслѣдника Престола, въ Бозѣ почившаго Императора Александра II, наименовать Атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ. Съ того времени Наслѣдники Престола и продолжаютъ состоять Атаманами всѣхъ казачьихъ войскъ.

Въ настоящее время отъ Уральскаго войска находятся на службѣ слѣдующія строевыя части:

1. Лейбъ-гвардіи Уральскій казачій эскадронъ, находящійся всегда въ С.-Петербургѣ.
2. № 1-й полкъ (шесть сотенъ) — въ г. Кіевѣ.
3. № 2-й полкъ (четыре сотни) — въ г. Самаркандѣ.
4. № 3-й полкъ (пять сотенъ) — въ г. Уральскѣ.
5. Учебная сотня — въ г. Уральскѣ.
6. Двѣ отдѣльныя казачьи команды, находящіяся въ составѣ гарнизоновъ Уильскаго и Темирскаго укрѣпленій.

Въ военное же время Уральское войско должно выставить:

1. Лейбъ-гвардіи Уральскій казачій эскадронъ.
2. 45 конныхъ сотенъ въ составѣ полковъ.
3. Учебную сотню.
5. Двѣ отдѣльныя казачьи команды.

Вотъ маленькій перечень всѣхъ службъ Уральскаго войска, дошедшихъ до насъ:

XVI столѣтія:

1. Въ 1591 году пятьсотъ яицкихъ казаковъ служатъ по наряду въ царскихъ войскахъ на Кавказѣ, усмиряя Шамхала Тарковскаго.

XVII столѣтія:

2. Въ тяжелую для государства пору самозванцевъ и междуцарствія, яицкіе казаки участвовали подъ Москвою, при возведеніи порядка и спокойствія.

3. Въ 1629 году яицкіе казаки участвовали въ войскахъ воеводъ князя Солнцева-Засѣкина и Благова, назначенныхъ въ Переяславль-Радомскій противъ крымскихъ татаръ.

4. Въ 1634 году яицкіе казаки, въ составѣ 380 человѣкъ, участвовали въ числѣ защитниковъ Смоленска въ въ войскахъ боярина Михаила Борисовича Шеина.

5. Въ 1655 году сто яицкихъ казаковъ находились въ Польшѣ и подъ Ригою, подъ начальствомъ князя Хованскаго. Сотня эта оставалась здѣсь въ продолженіе семи лѣтъ.

6. Въ 1681 году сто яицкихъ казаковъ, съ атаманомъ Прокофіемъ Семеновымъ, находились въ походѣ подъ Чигириномъ въ отрядѣ князя Булата-Черкасскаго.

7. Въ 1682 году двѣсти казаковъ, съ атаманомъ Бѣлоусовымъ, участвовали во второмъ Чигиринскомъ походѣ, въ отрядѣ полковника Козлова.

8. Въ 1683 году 500 казаковъ, при походномъ атаманѣ, находились въ Уфимскомъ уѣздѣ, для усмиренія бунтовавшихъ башкиръ.

9. Въ 1684 году 150 казаковъ, съ атаманомъ Прокофіемъ Тагаевскимъ, находились въ Крымскомъ походѣ, въ отрядѣ князя Василія Васильевича Голицына. Въ 1685 г. 200 казаковъ, съ атаманомъ Яковомъ Васильевымъ, были въ томъ же походѣ.

10. Въ 1695 году 300 яицкихъ казаковъ, съ атаманомъ Ѳедоромъ Семеновымъ, были въ арміи подъ Азовомъ. Въ слѣдующемъ, 1696 году, 200 казаковъ, съ атаманомъ Андреемъ Афанасьевымъ, находились тамъ же. Всѣ эти 500 человѣкъ, состоя подъ общимъ начальствомъ походнаго атамана Андрея Головачева, были въ составѣ 75-тысячной русской арміи, въ первое начальствованіе ею боярина

Алексѣя Семеновича Шеина и участвовали при осадѣ и взятіи города Азова.

XVIII столѣтія:

11. Въ 1701 году 600 казаковъ, съ атаманомъ Витошновымъ, находились подъ Нарвой. Въ 1703 году 500 человѣкъ, съ атаманомъ Матвѣемъ Мироновымъ, находились тамъ же. Въ 1704 году, 500 человѣкъ [1]), съ атаманомъ Матвѣемъ Рекуновымъ, тамъ же, и въ 1706 году 500 человѣкъ, съ атаманомъ Митрофаномъ Пименовымъ, — тамъ же. Всѣ эти 2,100 человѣкъ были въ арміи во время продолжительной войны съ Швеціей, гдѣ находились подъ общимъ начальствомъ самого малороссійскаго гетмана Мазепы.

12. Въ 1708 году 1,225 казаковъ, съ походнымъ атаманомъ Ѳедоромъ Семенниковымъ, находились въ походѣ въ Башкиріи, для усмиренія бунтовавшихъ башкиръ.

13. Въ 1711 году два полка (1,000 человѣкъ), съ атаманомъ Конономъ Никѣевымъ, участвовали въ Кубанскомъ походѣ, подъ начальствомъ гетмана Скоропадскаго.

14. Въ 1713 году три полка (1,500 человѣкъ), съ атаманомъ Матвѣемъ Ивановымъ, были въ Харьковскомъ походѣ, въ составѣ дивизіи фельдмаршала Шереметева.

15. Въ 1714 году 100 человѣкъ, съ атаманомъ Иваномъ Котельниковымъ, въ отрядѣ князя Бековича-Черкасскаго, на Каспійскомъ морѣ. Въ 1715 году 500 человѣкъ, съ атаманомъ Зиновіемъ Михайловымъ, находились тамъ же. Въ 1716 году 900 человѣкъ, съ атаманомъ Никитой Трифоновичемъ Бородинымъ, состояли тамъ же. Всѣ эти 1,500 человѣкъ, подъ общимъ начальствомъ походнаго атамана Никиты Бородина, находились, въ 1717 году, въ отрядѣ гвардіи капитана князя Бековича-Черкасскаго, въ Хивинской экспедиціи, гдѣ они всѣ и погибли или подъ ударами варварскаго ножа, или заключены въ тяжкое рабство.

---

[1]) Этотъ полкъ находился при арміи безсмѣнно 17 лѣтъ.

16. Въ 1719 году, при императорѣ Петрѣ I, яицкіе казаки проявляли свое неповиновеніе, за что ослушники были нещадно наказаны.

17. Въ 1720 году 120 казаковъ находились въ походѣ противъ шведовъ и ихъ союзниковъ.

18. Въ 1720 году 1,000 казаковъ были въ Сибири, по Иртышской линіи.

19. Въ 1723 году 150 казаковъ, съ атаманомъ Иваномъ Тимофѣевымъ, а въ слѣдующемъ 1724 году 700 казаковъ, съ походнымъ атаманомъ Иваномъ Логиновымъ, участвовали въ кровопролитномъ бою противъ ногайцевъ и караколпаковъ, на рѣкѣ Утвѣ и за Утвою.

20. Въ 1724 году 1,000 казаковъ, съ атаманомъ Сидоромъ Дурмановымъ, участвовали въ „Низовомъ корпусѣ“, т.-е. въ Турецкой (Румянцевской) войнѣ.

21. Въ 1729 году 500 казаковъ, съ атаманомъ Иваномъ Турыбринымъ, находились въ Кавказскомъ походѣ. Въ 1730 году 500 человѣкъ, съ атаманомъ Михаиломъ Купренинымъ, находились тамъ же. Въ 1731 году 400 казаковъ, съ атаманомъ Иваномъ Щелкинымъ, находились тамъ же.

22. Въ 1735—1740 и 1755 годахъ, яицкіе казаки ревностно участвовали въ усмиреніи башкирскихъ бунтовъ. За полезную службу эту въ Башкиріи войско получило отъ правительства благодарность и награды.

23. По указу Правительствующаго Сената 1743 года за № 2,525, на линейной службѣ по Уралу находились: 2 штабъ-офицера, 16 оберъ-офицеровъ, 24 урядника и 1,705 казаковъ

24. Въ 1747 году на линейной службѣ въ городѣ Гурьевѣ находились: 2 оберъ-офицера, 4 урядника и 165 казаковъ. Съ этого времени и до 1877 года каждогодно командировалось туда для службы отъ 150 до 200 казаковъ.

25. Съ этого же года (1747) и до 1877 года каждогодно командировалось отъ 300 до 500 человѣкъ для службы въ городъ Уральскъ и на передовые пикеты за рѣку Уралъ.

26. Въ 1758 году 1,000 казаковъ, съ походнымъ

атаманомъ Шепелевымъ, находились въ Сибири, располагаясь на новой линіи.

27. Въ 1766 году 500 казаковъ находились на службѣ въ Кизлярѣ, подъ начальствомъ полковника Суворова и и Кроткова. Полкъ этотъ возвратился на Яикъ въ 1774 году. Въ 1783 году 500 казаковъ находились на Кавказской линіи. Въ 1786 году 500 казаковъ находились тамъ же. Въ 1789 году 500 казаковъ, подъ командою маіора Акутина, находились тамъ же. Въ 1790 году пятисотенный полкъ, подъ начальствомъ полковника Бородина, находился тамъ же. 24 марта 1790 года уральскіе казаки участвовали при кровопролитномъ штурмѣ крѣпости Анапы, гдѣ нѣсколько казаковъ геройски пали передъ стѣнами этой турецкой крѣпости.

28. Въ 1773 году начинается извѣстный Пугачевскій бунтъ, въ которомъ яицкіе казаки, къ несчастію, принимали главное участіе. Но часть войска осталась вѣрною правительству и, съ старшиной Мартемьяномъ Бородинымъ, участвовала въ стычкахъ противъ Пугачевцевъ. Императрица Екатерина II, по ходатайству генерала Потемкина, во вниманіе къ тому, что часть войска осталась вѣрною, а другая часть принесла чистосердечное раскаяніе, повелѣла: „для совершеннаго забвенія сего на Яикѣ послѣдовавшаго несчастнаго происшествія, рѣку Яикъ, по которой какъ оное войско, такъ и городъ его названіе свое имѣли донынѣ, по причинѣ той, что оная рѣка проистекаетъ изъ Уральскихъ горъ, переименовать Ураломъ, а потому и оное войско наименовать Уральскимъ и впредь Яицкимъ не называть, равно и Яицкому городу называться отнынѣ Уральскъ“ [1]). Главные соучастники Пугачева были казнены, войсковые круги, въ которые собирались казаки для обсужденія своихъ дѣлъ, — отмѣнены, и войсковая артиллерія — отобрана.

29. Въ томъ же 1790 году 120 казаковъ, съ старшиною Донсковымъ, находились въ конвоѣ свѣтлѣйшаго князя Потемкина.

---

[1]) Указъ Ея Императорскаго Величества отъ 16 января 1775 года.

30. Въ 1792 году пятисотенный полкъ, съ войсковымъ старшиною Михайловымъ, находился на Кавказской линіи. Въ 1795 году пятисотенный полкъ состоялъ тамъ же. Въ 1796 году пятисотенный полкъ находился тамъ же. Вообще, въ XVIII столѣтіи полки отъ Яицкаго войска безпрерывно служили посмѣнно по рѣкѣ Кубани и, вообще, на Кавказѣ.

31. Въ 1796 году 1,000 казаковъ, подъ начальствомъ войсковаго атамана Г. М. Донскова, находились въ киргизской степи, для наказанія воровъ-киргизовъ.

32. Въ 1797 году 500 человѣкъ, подъ начальствомъ маіора Михаила Назарова, находились на рѣкѣ Волгѣ, для истребленія разбойничьихъ шаекъ.

33. Въ 1797 году команда казаковъ въ триста человѣкъ находилась въ сопровожденіи транспорта съ солью, взятой изъ степныхъ озеръ, изъ города Троицка до крѣпости Усть-Уйской и обратно.

34. 1 іюля 1798 года пятисотенный полкъ, въ 800 человѣкъ, съ маіоромъ Дмитріемъ Мизиновымъ, подъ общимъ начальствомъ войсковаго атамана, полковника Д. М. Бородина, выступилъ изъ города Уральска, а въ 1799 и 1800 годахъ находился въ походѣ въ Италію и Швейцарію, гдѣ, состоя въ корпусѣ генералъ-лейтенанта Римскаго-Корсакова, участвовалъ въ дѣлахъ съ французами при г. Цюрихѣ и во многихъ другихъ сраженіяхъ въ Швейцаріи.

35. Въ 1798 году Императоромъ Павломъ даны Уральскому казачьему войску двѣ милости: 1) въ составъ войскъ, пользовавшихся преимуществами гвардіи, назначена одна сотня изъ уральцевъ, которой и опредѣлено именоваться „лейбъ-сотней“. Въ 1830 году сотня эта была названа „лейбъ-гвардіи уральскою“, съ правами и преимуществами молодой гвардіи, а съ 1846 года переименована въ эскадронъ, въ слѣдующемъ же году эскадронъ этотъ былъ переформированъ въ дивизіонъ, а въ 1868 году снова обращенъ въ эскадронъ. Въ 1883 году эскадрону пожалованы права и преимущества старой гвардіи. 2) Войсковые чины полковниковъ, старшинъ, есауловъ, сотниковъ и хорунжихъ сравнены съ армейскими и пожаловано пять знаменъ, имѣемыхъ войскомъ доселѣ.

36. Въ 1798 году изъ лейбъ-уральской сотни команда въ 60 казаковъ, подъ начальствомъ поручика Гавріила Токарева, находилась на флотѣ въ Англіи и участвовала подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Германа въ сраженіяхъ противъ французовъ.

XIX столѣтія:

37. Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1803 года Уральскому войску дано было новое положеніе, по которому войско дѣлилось на десять полковъ, наемка была отмѣнена и положено завести казакамъ однообразную форму одежды и оружія, такъ какъ до этого времени казаки являлись на службу въ разноцвѣтныхъ халатахъ, имѣя самое разнообразное оружіе: кто пику, кто ятаганъ, кто пистолетъ, кто саблю, кто ружье или винтовку. Положеніе это было встрѣчено съ большимъ неудовольствіемъ и вводившему его генералу Медеру войско прямо объявило, что новаго „штата“ не желаетъ. Тогда Оренбургскій губернаторъ, князь Волконскій двинулся къ Уральску съ регулярными войсками и произошелъ извѣстный на Уралѣ „Кочкинъ пиръ“. Казаки были усмирены, главные виновники сосланы и положеніе было введено. Но спустя два года послѣ этого, войску дарованъ былъ прежній способъ отбыванія службы, посредствомъ найма охотниковъ.

38. Въ 1805 году, во время войны Россіи съ Франціей, такая же команда изъ лейбъ-уральской сотни находилась въ дессантномъ корпусѣ графа Толстаго въ Ганноверской области и участвовала подъ Гамбургомъ и другихъ мѣстахъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ противъ французовъ, а въ 1809 году вся лейбъ-уральская сотня, подъ начальствомъ войсковаго старшины Трофимова, участвовала въ знаменитомъ переходѣ русскихъ войскъ черезъ Ботническій заливъ по льду, во время войны съ Швеціей, и участвовала въ сраженіи при взятіи Аландскихъ острововъ.

39. Съ 1807 по 1811 года два уральскихъ казачьихъ пятисотенныхъ полка подъ №№ 1 и 2, подъ начальствомъ

войсковыхъ старшинъ Я. Г. Акутина и Л. С. Бородина, находились въ Молдавской арміи и участвовали въ войнѣ противъ турокъ.

40. Въ 1810 году были командированы туда же еще два полка подъ №№ 3 и 4, подъ начальствомъ подполковника Б. М. Михайлова и полковника П. М. Назарова, которые, находясь подъ непосредственною командою Г.-М. Ермолова, участвовали въ штурмѣ Силистріи и, вообще, во многихъ стычкахъ съ турками. По окончаніи войны съ турками, въ 1812 году, полки эти вошли въ составъ арміи Чичагова, при изгнаніи французовъ изъ предѣловъ Россіи, и находились въ заграничномъ походѣ противъ французовъ въ Польшѣ, Пруссіи, Саксоніи и участвовали въ знаменитой трехдневной битвѣ подъ г. Лейпцигомъ, рѣшившей судьбу Наполеона въ 1813 году.

41. Въ знаменитую войну съ французами 1812—1815 гг. участвовали также еще два полка подъ №№ 5 и 6, подъ начальствомъ полковника В. И. Буренина и подполковника Е. А. Бородина; изъ нихъ № 5 полкъ участвовалъ въ сраженіяхъ подъ гг. Дрезденомъ, Лейпцигомъ, Гамбургомъ, а также былъ во Франціи, на рѣкѣ Сенѣ. № 6 полкъ, состоя въ составѣ главной арміи, участвовалъ при взятіи крѣпости Пфальцбурга и на знаменитомъ смотру при Вертю, гдѣ Императоръ Александръ Павловичъ показывалъ иностранцамъ свою побѣдоносную армію. Послѣдніе четыре полка возвратились на родину въ 1815 и 1816 годахъ.

42. Въ 1814 году № 7-й полкъ, подъ начальствомъ подполковника А. И. Щапова, былъ командированъ въ Бессарабію для содержанія кордоновъ по рѣкѣ Пруту.

43. Въ 1817 году № 8-й полкъ, подъ начальствомъ войсковаго старшины Е. М. Назарова, выступилъ изъ Уральска туда же, въ составъ второй арміи. Полкъ этотъ былъ расположенъ въ Бессарабіи по рѣкѣ Днѣстру и по берегу Чернаго моря, откуда возвратился на Уралъ въ 1820 году.

44. Въ 1817 году, команда въ 1,000 казаковъ, подъ начальствомъ маіора Б. И. Хорошхина, была командирована на Сибирскій трактъ, гдѣ и расположилась для кор-

донной службы отъ Казани, чрезъ Вятскую и Пермскую губерніи, до Тобольска.

45. Съ 1818 по 1862 годъ Уральское войско содержало въ Москвѣ, для полицейской службы, слѣдующія строевыя части: съ 1818 по 1820 годъ № 9 полкъ, подъ начальствомъ войсковаго старшины М. И. Донскова; съ 1823 по 1826 годъ № 2-й полкъ, подъ начальствомъ подполковника Е. А. Бородина; съ 1828 по 1831 годъ, № 5-й полкъ, подъ начальствомъ войсковаго старшины Е. А. Меркульева; съ 1831 по 1833 годъ, № 7-й полкъ, подъ начальствомъ полковника Ф. Г. Бизянова и съ 1835 по 1862 годъ командировалось туда по 450 казаковъ, которые находились въ составѣ своднаго Уральско-Оренбургскаго полка и смѣнялись черезъ каждыя пять лѣтъ. Изъ полковыхъ командировъ этого полка были слѣдующіе: подполковники—А. П. Назаровъ и К. Ф. Бизяновъ, полковникъ Д. С. Мизиновъ и войсковой старшина П. Е. Назаровъ.

46. Въ 1820 году въ составъ второй арміи былъ командированъ № 10-й полкъ, подъ начальствомъ войсковаго старшины Осипа Казаркина, который и содержалъ кордоны по Австрійской границѣ, а въ 1824 году возвратился на родину.

47. По выкомандированіи въ 1820 году этого послѣдняго, полагавшагося по штату, полка въ составъ 2-й арміи, новые выходившіе на службу полки принимали нумерацію опять съ 1-го. Такъ, въ 1823 году командированъ № 1-й полкъ, подъ начальствомъ подполковника Б. М. Михайлова, въ составъ второй арміи, въ Бессарабію, откуда и возвратился на родину въ 1827 году.

48. Съ 1822 по 1870 годъ Уральское войско содержало для полицейской службы въ городѣ Казани одну конную сотню, которая смѣнялась черезъ каждые два года нарядомъ новаго состава людей; въ 1870 году служба эта была оставлена. Первымъ командиромъ этой сотни былъ есаулъ А. П. Назаровъ, а послѣднимъ — есаулъ Н. И. Сѣровъ. Отбывая всѣ эти внѣшнія командировки, уральскіе казаки оберегали въ то-же время свою линію отъ вторженія киргизовъ, при чемъ случались экстренные наряды казаковъ

въ глубь киргизской степи для наказанія этихъ мятежныхъ азіатовъ, или для конвоированія посольствъ и ученыхъ экспедицій. Вотъ какъ описываетъ тогдашнюю службу Уральскаго войска ближайшій его начальникъ, оренбургскій военный губернаторъ графъ Сухтеленъ: „Разсматривая сіе дѣло, я нашелъ, что войско уральское въ бывшія войны по воззванію отечества всегда оказывало примѣрное усердіе и готовность на пользу общую, и въ самое мирное время изъ среды своей снаряжаетъ чрезъ каждые три года два полка въ армію и Москву, одну сотню въ С.-Петербургъ, другую въ Казань и, ежегодно, двѣ сотни въ киргизскую степь, для обузданія дикаго своевольства западной части оренбургскихъ киргизовъ, къ султану, правителю оной; сверхъ того, войско содержитъ оренбургскую (пограничную) линію до самаго Каспійскаго моря, на протяженіи почти 1,000 верстъ и тѣмъ составляетъ оплотъ противъ необузданныхъ ордъ киргизскихъ, кочующихъ и на внѣшней сторонѣ границы губерніи; внутрь дачъ уральскихъ посылаетъ команды на узенскіе форпосты и передовые никеты, участвовало въ многотрудныхъ экспедиціяхъ, посылаемыхъ въ Бухарію и Хиву [1]). Затѣмъ, въ запискѣ своей на имя предсѣдателя Высочайше утвержденной коммиссіи, поданной въ 1832 г., графъ Сухтеленъ отозвался объ уральцахъ такъ: „Уральскіе казаки до сегодня суть единственное войско въ Оренбургскомъ краѣ, которое, по мужеству, храбрости и предпріимчивому духу, употреблялось съ большими выгодами въ степныхъ экспедиціяхъ, а потому заслуживаетъ особаго вниманія правительства и огражденія выгодъ ему предоставленныхъ“ [2]).

49. Въ 1820 году одна сотня казаковъ, подъ начальствомъ есаула Степана Назарова, была командирована для конвоированія миссіи въ Бухару.

50. Въ 1823 году особый отрядъ казаковъ, въ составѣ 800 человѣкъ, подъ начальствомъ войсковаго стар-

---

[1]) Предписаніе Оренбургскаго военнаго губернатора графа Сухтелена Уральской войсковой канцеляріи отъ 21 іюля 1831 года за № 1367.

[2]) См. „Полное собраніе сочиненій“ В. Даля 1861 года.

шины Стахея Мизинова, былъ командированъ въ киргизскую степь съ полковникомъ Ціолковскимъ.

51. Ранней весной 1824 года особый отрядъ казаковъ, въ составѣ 1,000 человѣкъ, подъ общимъ начальствомъ войсковаго атамана, генералъ-маіора П. М. Назарова, экстренно командировался въ степь, для наказанія киргизовъ.

52. Въ концѣ лѣта 1824 года 150 казаковъ, подъ начальствомъ есаула Раннева, находились въ конвоированіи полковника Ціолковскаго, слѣдовавшаго съ купеческимъ караваномъ въ Бухару.

53. Въ 1825 году одинъ пятисотенный полкъ, подъ начальствомъ подполковника Афанасія Щапова, находился въ степи для наказанія мятежныхъ киргизовъ.

54. Въ томъ же году особый отрядъ казаковъ, въ составѣ 200 человѣкъ, былъ командированъ къ султану-правителю Коротаеву.

55. Въ зиму 1825 года два уральскихъ казачьихъ полка, составляющіе 1,200 казаковъ, 60 урядниковъ и 39 офицеровъ, при шести легкихъ орудіяхъ уральской казачьей артиллеріи, подъ начальствомъ подполковниковъ: С. Д. Мизинова и А. П. Назарова, находились съ полковникомъ Ѳ. Ѳ. Бергомъ въ зимней экспедиціи къ Аральскому морю, откуда возвратились на Уралъ 5 марта 1826 года.

56. Съ 1827 по 1836 годъ Уральское войско содержало для службы на Ахтубинской линіи слѣдующія строевыя части: съ 1827 по 1830 годъ № 3-й полкъ, подъ начальствомъ войсковаго старшины Е. Г. Акутина, съ 1830 по 1832 годъ № 6-й полкъ, подъ начальствомъ подполковника А. Е. Назарова и съ 1833 по 1836 годъ—№ 8-й полкъ, подъ начальствомъ войсковаго старшины Д. С. Маркова. Служба на Ахтубѣ заключалась въ разныхъ командировкахъ и разъѣздахъ по Ахтубинской линіи, по прибрежью Каспійскаго моря и по внутренней киргизской ордѣ.

57. Въ войну съ Турціей 1828—1829 гг., № 4-й полкъ, подъ начальствомъ полковника Б. И. Хорошхина, выступившій изъ г. Уральска 15 февраля 1828 года, участвовалъ при осадѣ крѣпости Силистріи и, потомъ, подъ Шумлою.

Полкъ этотъ въ 1830 и 1831 гг. участвовалъ въ кампаніи противъ польскихъ мятежниковъ, былъ при осадѣ крѣпости Замостье и въ 1832 году возвратился на Уралъ.

58. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1828 года трехсотенный отрядъ, подъ начальствомъ Есаула И. А. Овчинникова, экстренно командировался въ за-Уральскую степь, въ распоряженіе султана, правителя западной части орды, Чунгалія Урманова.

59. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1829 года сильный отрядъ уральскихъ казаковъ, подъ командою войсковаго атамана, генералъ-маіора Бородина, выступившій изъ Горской крѣпости въ степь Букѣевской орды, находился для удержанія киргизовъ внутренней орды.

60. Для караульной службы въ городѣ Уральскѣ и для службы по постамъ за рѣкою Ураломъ, вмѣсто бывшихъ отдѣльныхъ командъ, въ 1831 году былъ сформированъ „Уральскій городовой полкъ“. Люди этого полка смѣнялись ежегодно нарядомъ новаго состава людей. Въ 1862 году полкъ этотъ былъ упраздненъ и вмѣсто его, для службы собственно въ городѣ Уральскѣ, была сформирована „Уральская линейная стража“, числомъ въ 200 человѣкъ, а въ 1876 году эта стража была замѣнена „Уральской мѣстной командой“ изъ регулярныхъ войскъ.

61. Въ 1832 году одна сотня (144 человѣка), подъ начальствомъ есаула А. М. Веденикова, находилась въ конвоѣ ученой экспедиціи съ г. Карелинымъ, по восточному берегу Каспійскаго моря.

62. Въ 1833 году, въ Закаспійскомъ краѣ, при заливѣ „Мертвый Култукъ“ (Цесаревича) было заведено первое укрѣпленіе, названное „Ново-Петровскъ“ (Карагайская). Въ 1839 году укрѣпленіе это было перенесено на Мангишлакскій полуостровъ и названо „Фортъ Александровскій“. Гарнизонъ въ этомъ отдаленномъ фортѣ, какъ равно и въ бывшемъ Ново-Петровскѣ, съ самаго его образованія, составляли уральскіе казаки, находившіеся тамъ въ составѣ двухъ сотенъ. Въ 1870 году, съ передачею форта Александровскаго изъ Оренбургскаго въ Кавказское вѣдомство, и служба нашихъ казаковъ была тамъ оставлена.

63. Въ 1834 году особый отрядъ уральскихъ казаковъ,

состоящій изъ 350 человѣкъ, подъ начальствомъ есаула И. Тамбовцева и сотника М. Назарова, находился въ конвоѣ ученой экспедиціи съ г. Карелинымъ, по сѣверо-восточному берегу Каспійскаго моря.

64. Въ 1834 году № 9-й полкъ, подъ начальствомъ подполковника Ивана Михайлова, находился въ Бессарабіи.

65. Въ 1836 году дессантный отрядъ, состоящій изъ 50 уральскихъ казаковъ, подъ начальствомъ есаула Назарова, находился на Каспійскомъ морѣ, для уничтоженія появившихся тамъ грабежей.

66. Наканунѣ Рождества 1836 года одинъ уральскій казачій полкъ, въ составѣ 550 человѣкъ, подъ начальствомъ войсковаго старшины Гавріила Осипова, выступилъ на Мангишлакскій полуостровъ, для наказанія Адаевскихъ киргизовъ, за причиненные ими на Каспійскомъ морѣ грабежи и разбои.

67. Съ 1836 по 1866 годъ Уральское войско содержало, для полицейской службы, въ ставкѣ хана внутренней киргизской орды, одну казачью сотню, которая смѣнялась черезъ каждые два года нарядомъ новыхъ людей. Въ 1866 году уральцы были замѣнены здѣсь астраханскими казаками. Послѣднимъ командиромъ этой сотни былъ есаулъ С. А. Осиповъ.

68. Въ видѣ общаго взысканія за подачу Государю Наслѣднику Цесаревичу просьбы, во время посѣщенія Его Высочествомъ въ 1837 году города Уральска, было экстренно выкомандировано изъ войска, осенью того же года, четыре полка: № 1-й полкъ на Кавказъ, № 2-й полкъ въ Бессарабію, № 3-й въ Финляндію и № 4-й полкъ оставленъ былъ на Нижне-Уральской линіи. Полки эти находились подъ начальствомъ подполковника Г. Я. Осипова, войсковаго старшины Д. С. Маркова, подполковника И. Акутина и полковника Ф. Г. Бизянова. Но уральцы, дѣлая неурядицы, умѣли своею службою и загладить свою виновность: № 1-й полкъ, бывшій на Кавказѣ, участвуя въ разныхъ дѣлахъ и экспедиціяхъ противъ горцевъ, обратилъ на себя весьма скоро вниманіе кавказскаго начальства и, не смотря на то, что посланъ туда былъ безсрочно, въ 1842 году снова былъ отпущенъ на родину.

69. Въ 1837 году особый отрядъ казаковъ, въ составѣ 600 человѣкъ, подъ начальствомъ полковника К. К. Геке, находился въ Букѣевской ордѣ, для уничтоженія появившихся въ ней разбойничьихъ шаекъ султана Исетая Тайманова.

70. Въ 1838 году отрядъ казаковъ въ 100 человѣкъ, подъ начальствомъ полковника К. К. Геке, находился на за-Уральской сторонѣ, въ погонѣ за разбойникомъ Исетаемъ Таймановымъ.

71. Въ Хивинской экспедиціи 1839 и 1840 годовъ, подъ главнымъ начальствомъ генералъ-адъютанта В. А. Перовскаго, находилось два уральскихъ полка: № 4-й, подъ начальствомъ полковника Бизянова (сформированный въ 1838 году) и № 5-й, подъ начальствомъ войсковаго старшины П. Е. Назарова (вновь сформированный). Экспедиція эта, какъ извѣстно, была неудачна, какъ предпринятая въ самое неблагопріятное время года (въ ноябрѣ мѣсяцѣ). Войска наши, слѣдуя по степи въ ужасную стужу, по глубокому снѣгу, съ большими трудностями дошли до рѣки Эмбы и повернули назадъ, потерявъ чуть не половину своего состава. Самъ Перовскій и всѣ участвовавшіе въ этой экспедиціи единогласно говорятъ, что одни уральцы переносили этотъ походъ какъ ни въ чемъ не бывало и спасали остатки отряда въ борьбѣ съ суровою природою. Начальникъ обоихъ уральскихъ полковъ, полковникъ Ф. Г. Бизяновъ, даже просилъ Перовскаго идти дальше по Усть-Урту одному съ уральцами, но просьба эта не была удовлетворена.

72. 10 іюля 1842 года выступилъ изъ Уральска № 6-й полкъ, подъ начальствомъ войсковаго старшины О. Е. Сиротина, въ экспедицію, назначенную къ западнымъ берегамъ Аральскаго моря и по границамъ Хивы, подъ общимъ начальствомъ генералъ-маіора Жемчужникова. Полкъ этотъ былъ названъ на Уралѣ „бѣлымъ полкомъ“, потому что тутъ въ первый разъ уральцы пошли въ кителяхъ и съ бѣлыми чехлами на шапкахъ.

73. Въ 1841 году № 7-й полкъ, подъ начальствомъ войсковаго старшины И. И. Бородина, находился въ Грузіи,

гдѣ участвовалъ во многихъ экспедиціяхъ и дѣлахъ съ горскими народами.

74. 21 апрѣля 1841 года выступилъ изъ города Уральска особый отрядъ казаковъ, состоящій изъ четырехъ сотенъ, подъ начальствомъ есаула Петра Бородина, въ конвой миссіи, снаряженной, подъ начальствомъ генеральнаго штаба подполковника Бларамберга, въ Хиву и Бухару.

75. Въ 1843 году отрядъ казаковъ въ 700 человѣкъ, подъ начальствомъ полковника Ф. Г. Бизянова, находился въ киргизской степи, для поимки и наказанія извѣстнаго степнаго разбойника, султана Кенисары Касимова.

76. Въ 1844 году отрядъ казаковъ въ 80 человѣкъ, подъ начальствомъ сотника Іова Бородина, находился съ полковникомъ Дуниковскимъ въ киргизской степи, для поимки разбойника Кенисары Касимова. Первыя укрѣпленія, заведенныя въ степи русскими, при участіи уральскихъ казаковъ, были: Ново-Петровское — на восточномъ берегу Каспійскаго моря, Эмбенское и Чушкакульское — на пути къ Хивѣ, Уральское (нынѣ г. Иргизъ) построено въ 1845 году, Раимское (построенное въ 1847 году) на пути къ Туркестану, Уильское (1869 года), Нижне-Эмбенское (1871 года) и Темирское (1878 года). Вмѣстѣ съ другими войсками, въ гарнизоны этихъ укрѣпленій входили и уральскіе казаки, иногда по одной, по двѣ и по три сотни, соединявшіеся вмѣстѣ подъ названіемъ отрядовъ, или, просто, „подвижныхъ казачьихъ резервовъ“.

77. Въ 1845 году двухъсотенный отрядъ, подъ начальствомъ сотника Алексѣя Баблонова, находился при заложеніи Уральскаго (нынѣ Иргизскаго) укрѣпленія.

78. Въ 1847 году двухъсотенный отрядъ уральскихъ казаковъ, подъ начальствомъ войсковаго старшины М. И. Михайлова, находился при заложеніи Раимскаго укрѣпленія.

79. Во время Венгерской войны 1848—1849 гг., изъ уральскаго войска было выкомандировано два полка: № 6-й, подъ начальствомъ полковника Ф. О. Казаркина, и № 7-й, подъ начальствомъ полковника И. Е. Акутина; но полки эти, по случаю быстраго окончанія кампаніи, не дошли до границы и были остановлены въ Кіевѣ и Вильно.

80. Въ началѣ Крымской войны 1853—1756 гг. были командированы изъ войска два полка: № 1-й полкъ, подъ начальствомъ полковника П. Б. Хорошхина, и № 2-й, подъ начальствомъ подполковника К. М. Чурѣева. Полки эти сначала находились въ составѣ Дунайской арміи, въ Молдавіи, а потомъ передвинулись въ Крымъ. Здѣсь служба уральцевъ была преимущественно аванпостная въ составѣ отрядовъ: князя Горчакова, Врангеля, Липранди и Хрущова; но они также принимали участіе въ сраженіяхъ при Балаклавѣ, въ 1854 году, и при Черной рѣчкѣ, въ 1865 году.

81. Лѣтомъ 1853 года три сотни уральскихъ казаковъ, подъ начальствомъ подполковника К. Ф. Бородина, участвовали при взятіи Коканской крѣпости Акъ-Мечети (нынѣ городъ Перовскъ), а въ декабрѣ мѣсяцѣ того же года двѣ сотни, подъ начальствомъ есаула М. Г. Щапова находились въ знаменитомъ дѣлѣ съ Коканцами, намѣревавшимися обратно взять потерянную ими Акъ-Мечеть.

82. Въ 1855 году трехъ сотенный отрядъ казаковъ, подъ начальствомъ войсковаго старшины И. М. Сѣрова, находился въ за-Уральской степи, для поимки киргизскаго разбойника Исета Кутебарова.

83. Въ 1857 году трехъсотенный отрядъ казаковъ, подъ начальствомъ есаула Л. И. Акутина, находился въ киргизской степи, при конвоированіи оренбургскаго генералъ-губернатора, А. А. Катенина, при поѣздкѣ его по степи.

84. Въ 1858 году трехъсотенный отрядъ казаковъ, подъ начальствомъ есаула Л. И. Акутина, находился въ конвоѣ оренбургскаго генералъ-губернатора, при поѣздкѣ его по за-Уральской степи.

85. Въ томъ же году 19 казаковъ при 2-хъ офицерахъ [1]), подъ начальствомъ войсковаго старшины Буренина, находились съ миссіей полковника Игнатьева въ Хивѣ.

86. Въ 1859 году 50 казаковъ, подъ начальствомъ сотника Мартынова, находились въ конвоѣ дальней экспедиціи, съ полковникомъ Дандевилемъ, снаряженной по восточному берегу Каспійскаго моря.

---

[1]) Есаулъ К. В. Бородинъ и хорунжій П. П. Назаровъ.

87. Въ Польское возстаніе въ 1863—1864 гг., отъ уральскаго войска находилось два полка: № 1-й, подъ начальствомъ подполковника Л. И. Акутина, и № 2-й полкъ, подъ начальствомъ войсковаго старшины А. Я. Сладкова, но полки эти не были въ районѣ военныхъ дѣйствій, а были расположены въ Кіевской и Екатеринославской губерніяхъ.

88. Въ началѣ 1860 гг, войска бывшей Сыръ-Дарьинской линіи взяли постепенно коканскія крѣпости: Яны-Курганъ, Джинъ-Курганъ, Джулекъ и г. Туркестанъ (въ 1864 году). Кавалерія отрядовъ, бравшихъ эти крѣпости, состояла исключительно изъ уральскихъ казаковъ (сотни есауловъ: Буренина 1-го, Буренина 2-го, Истомина и Ливкина).

89. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1864 года изъ Уральска выступила отдѣльная уральская казачья сотня, подъ начальствомъ есаула В. Р. Сѣрова, которая, по прибытіи въ Сыръ-Дарьинскую линію, находилась въ составѣ гарнизона г. Туркстана, а потомъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ этого же года, на долю ея выпало показать себя въ дѣлѣ противъ всей почти Коканской арміи подъ Икаломъ [2]). Сотня эта была первая вооружена нарѣзными ружьями.

90. Въ 1865 году двѣ уральскія казачьи сотни участвовали при взятіи г. Ташкента, а въ 1866 году три сотни, подъ начальствомъ есауловъ: Черторогова, Поликарпова и сотника Безбородова, участвовали въ сраженіи при Ирджарѣ и при взятіи Ходжента, Ура-Тюбе и Джизака.

91. Въ 1867 году въ Туркестанскомъ краѣ находилось уральскихъ казаковъ пять сотенъ и двѣ отдѣльныя полусотни.

92. Въ 1868 году двѣ уральскія сотни находились въ составѣ войскъ при взятіи г. Самарканда, Катта-Кургана, Ургата, въ сраженіи на Зара-Булакскихъ высотахъ, а осенью того же года при взятіи города Карши.

93. Въ 1869 году въ Туркестанскомъ округѣ уральскихъ казаковъ было девять съ половиною сотенъ. Въ по-

---

[1]) См. 44 и 45 пѣсни въ „Историческомъ отдѣлѣ“, подъ заглавіемъ „Иканскій бой“.

слѣдующіе годы число уральскихъ сотенъ тамъ колебалось между 6—8, а къ 1873 году состояло только три сотни.

94. Во время возмущенія киргизовъ въ степи Уральской области, въ 1869 году, подлежавшія на службу въ Туркестанскій край пять съ половиною сотенъ, подъ начальствомъ есауловъ: Щучкина, Иванова, Подъячева и другихъ, были посланы для усмиренія этого возстанія. Здѣсь наши казаки участвовали въ разныхъ отдѣльныхъ отрядахъ, въ составѣ которыхъ имѣли нѣсколько успѣшныхъ дѣлъ противъ мятежниковъ.

95. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1870 года 40 казаковъ, подъ начальствомъ хорунжаго Ливкина, находились въ конвоѣ Мангишлакскаго пристава, подполковника Рукина, при поѣздкѣ его по степи Мангишлакскаго полуострова, для ввода въ дѣйствіе новаго положенія между киргизами. 25 марта, послѣ трехъдневнаго боя, отрядъ этотъ былъ задавленъ скопищемъ киргизовъ, и казаки всѣ были забраны въ плѣнъ.

96. Въ 1872 году въ степи Уральской области, въ составѣ отдѣльныхъ отрядовъ, находились три уральскія сотни, подъ начальствомъ есауловъ: Гуляева, Желѣзнова и сотника Сѣтчикова.

97. Въ Хивинской экспедиціи 1873 года находилось пять уральскихъ сотенъ, а именно: въ Туркестанскомъ— двѣ, подъ начальствомъ войсковаго старшины Криденера и есаула Хлѣбникова и въ оренбургскомъ отрядѣ — три сотни, подъ начальствомъ есауловъ: Гуляева, Толстова и Логинова.

98. Въ 1874 году учреждена въ войскѣ „учебная“ сотня.

99. Въ 1874 году въ Туркестанѣ былъ сформированъ 4-й сводный оренбургско-уральскій полкъ, въ составъ котораго вошли три уральскія сотни.

100. Въ 1874 году въ Самскомъ отрядѣ, въ киргизской степи находилась одна сотня казаковъ, подъ начальствомъ есаула П. Я. Кирилова.

101. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1874 года дано было Уральскому войску новое положеніе, по которому войско въ штатномъ составѣ уменьшено, т.-е. съ 12 полковъ на 9, положенъ точный порядокъ прохожденія службы малолѣт-

ковъ, казаковъ полеваго и внутренняго разрядовъ, учреждена учебная сотня, введены учебные сборы, положено имѣть всѣмъ казакамъ полеваго разряда обмундированіе и снаряженіе, для чего установлено дѣлать смотры казакамъ; а чтобы каждый казакъ имѣлъ понятіе о военной службѣ, положено, чтобы каждый изъ нихъ, въ первые три года своей службы, одинъ годъ пробылъ въ строю. Положеніе это было встрѣчено казаками съ большимъ неудовольствіемъ, которое дошло до того, что они отказались принять новый штатъ. Тогда, по распоряженію Оренбургскаго Генералъ-Губернатора, А. А. Крыжановскаго, были двинуты въ войско регулярныя войска. Болѣе трехъ тысячъ казаковъ, по лишеніи казачьяго званія, были сосланы: одни въ Туркестанскій край, другіе въ Оренбургскую губернію, а третьи, болѣе виновные, въ Сибирь; такимъ образомъ положеніе было введено.

102. Въ 1875 и 1876 гг. три Уральскія сотни, подъ начальствомъ есауловъ: Жигалина, Шелудякова и Кузьмина, принимали блистательное участіе въ коканскомъ походѣ, гдѣ сотня Жигалина, въ сраженіи подъ Махрамомъ, взяла съ бою непріятельскую батарею.

103. Командированные въ Ферганскую область три Уральскія сотни вошли въ составъ 5-го сводно-Оренбургско-Уральскаго полка.

104. Въ турецкую войну 1877—1878 гг. одна отдѣльная Уральская казачья сотня, подъ начальствомъ войсковаго старшины Е. Я. Кирилова, находилась въ дѣйствующей арміи на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ она, несмотря на свою ничтожность по численности въ общемъ составѣ арміи, съумѣла обратить на себя высокое вниманіе Государя Императора Александра II и Августѣйшаго Главнокомандующаго арміей.

105. Въ 1877 году былъ сформированъ въ Уральскѣ № 1-й казачій полкъ, въ составѣ двухъ сотенъ, а въ 1878 году въ него добавлено еще четыре сотни и полкъ этотъ, подъ начальствомъ подполковника С. Е. Толстова, выступилъ на западную границу Россіи, откуда, въ томъ же году, былъ двинутъ въ дѣйствующую армію, на Балкан-

скій полуостровъ, а въ 1879 году возвратился обратно на Уралъ. Въ 1880 году двѣ сотни этого полка находились въ походѣ въ Закаспійскомъ краѣ. Въ 1882 году полкъ, въ полномъ составѣ, былъ передвинутъ на службу въ Харьковскій округъ.

106. Въ январѣ мѣсяцѣ 1879 года былъ сформированъ въ Уральскѣ № 2 полкъ (прозванный казаками „чумной"), подъ начальствомъ подполковника А. Л. Гуляева, который и находился на западной границѣ войска, для карантинной службы, по случаю появившейся въ Астраханской губерніи чумы. Въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ того-же года полкъ этотъ былъ расформированъ.

107. Въ 1879 году изъ 4-го и 5-го сводныхъ Оренбургско-Уральскихъ полковъ, расположенныхъ въ Туркестанскомъ округѣ, были выдѣлены Уральскія сотни, по три изъ каждаго, для образованія № 2-го Уральскаго полка, подъ начальствомъ полковника П. С. Хорошхина.

108. Въ 1880 году изъ состава № 2-го полка, расположеннаго въ городѣ Самаркандѣ, были командированы три сотни, подъ начальствомъ подполковника Гуляева, въ Ахалъ-Текинскую экспедицію; изъ этихъ сотенъ двѣ оставались въ Аму-Дарьинскомъ отдѣлѣ, а одна находилась при штурмѣ крѣпости Геокъ-Тепе и принимала участіе во всѣхъ дѣйствіяхъ Ахалъ-Текинскаго отряда.

109. Въ 1882 году изъ № 2-го полка были выдѣлены двѣ сотни, изъ которыхъ, а также изъ трехъ сотенъ, находившихся въ степныхъ укрѣпленіяхъ: Темирскомъ, Уильскомъ и Нижне-Эмбенскомъ, былъ образованъ въ городѣ Уральскѣ № 3-й полкъ.

Вотъ болѣе или менѣе весь краткій обзоръ или, вѣрнѣе, перечень службъ Уральскихъ казаковъ за ихъ 298-лѣтнее служеніе Царю и отечеству. 6 мая 1884 года, въ памятный для всей Россіи день исполнившагося совершенолѣтія Государя Наслѣдника Цесаревича, Августѣйшаго Атамана всѣхъ казачьихъ войскъ, Уральскому казачьему войску пожаловано „общее войсковое Георгіевское знамя". Вотъ какъ объ этой Царской наградѣ изображено въ грамотѣ, данной Уральскому казачьему войску: „Почти трех-

„вѣковая отлично усердная служба и непоколебимая пре-
„данность Престолу и Отечеству вѣрно-любезнаго Намъ
„Уральскаго казачьяго войска, всегда вызывало особое Мо-
„наршее къ нему благоволеніе въ Бозѣ почившихъ Предковъ
„Нашихъ. Начавъ первую боевую службу свою, какъ по-
„казываютъ историческіе документы, въ 1591 году, участіемъ
„въ походѣ Царскихъ войскъ противъ Шамхала Тарков-
„скаго, Уральское войско съ той поры служило живымъ
„оплотомъ государства, охраняя значительную часть границы
„его отъ набѣговъ кочевыхъ народовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ,
„принимало участіе и во внѣшнихъ войнахъ, являя всегда
„примѣръ самоотверженія и воинской доблести при испол-
„неніи своего служебнаго долга; при завоеваніи-же Тур-
„кестанскаго края и водвореніи въ немъ порядка, оно, съ
„самыхъ первыхъ шаговъ туда Нашихъ войскъ, несло не-
„прерывные труды и ознаменовало себя въ многочисленныхъ
„бояхъ, въ особенности-же въ 1864 году, въ дѣлѣ про-
„тивъ Коканцевъ подъ Икаломъ, подвигами отваги и му-
„жества.

„Во изъявленіе особеннаго Нашего благоволенія къ та-
„ковой славной службѣ Уральскаго казачьяго войска, жа-
„луемъ ему общее войсковое Георгіевское знамя, съ изоб-
„раженіемъ на ономъ Святаго Архистратига Божія Ми-
„хаила, тезоименитый день котораго издавна составляетъ
„войсковой праздникъ, съ надписью вокругъ знамени:
„Доблестному Уральскому казачьему войску, за отлично-
„усердную, боевыми подвигами ознаменованную службу,
„съ означеніемъ на знамени годовъ: „1591—1884“ и съ
„присоединеніемъ къ этому знамени Александровской
„ленты.

„Да послужитъ священная сія хоругвь символомъ неиз-
„мѣнной преданности вѣрно-любезнаго Намъ Уральскаго
„казачьяго войска Престолу и Государству въ грядущія
„времена, и да осѣняетъ она храбрыхъ сыновъ Урала на
„высокіе подвиги чести и славы при защитѣ отечества“.

Въ заключеніе считаю не лишнимъ привести росписаніе праздниковъ всѣхъ строевыхъ частей Уральскаго казачьяго войска.

Войсковой — во имя Архистратига Божія Михаила— 8 ноября.

№ 1-го полка, полковой—происхожденіе древъ креста Господня 1 августа; 1-й сотни этого полка—Успеніе Пресвятой Богородицы 15 августа; 2-й сотни—Преображеніе Господне 6 августа; 3-й сотни—Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова 26 сентября; 4-й сотни—Соборъ Архистратига Божія Михаила 8 ноября; 5-й сотни — Нерукотворенный образъ Іисуса Христа 16 августа и 6-й сотни—Покровъ Пресвятой Богородицы 1 октября.

№ 2-го полка, полковой—Покровъ Пресвятой Богородицы 1 октября; 1-й сотни этого полка—Святаго Георгія Побѣдоносца 23 апрѣля; 2-й сотни—Рождество Христово 25 декабря; 3-й сотни — Святаго Николая Чудотворца. 6 декабря; 4-й сотни — Успеніе Пресвятой Богородицы 15 августа.

№ 3-го полка, полковой — Преображеніе Господне 6 августа; 1-й сотни этого полка—Святаго Александра Невскаго 30 Августа; 2-й сотни—Святаго Георгія Побѣдоносца 23 апрѣля; 3-й сотни — Святаго Николая Чудотворца 6 декабря; 4-й сотни — Святаго Николая Чудотворца 9 мая.

Лейбъ-Гвардіи Уральскаго казачьяго эскадрона—Святаго Евтихія 6 апрѣля.

Уральской Учебной сотни—Соборъ Святаго Архистратига Божія Михаила 8 ноября.

Гос. Публичная ... Ленинграде.